

Л.А. Мельниченко

Дневник Адриана Оржеховского «Записки 1941 – 1944 гг.».

*Из самой глубины сердца вырывается крик
отчаяния: дайте жить!**

А. Оржеховский

Одесса 1941–1944 годов... Эти годы были самыми трагичными в истории нашего города: несколько месяцев обороны, а затем два с половиной года оккупации. Как жил город в этот период? Как менялся его облик с каждым новым днем, а вернее – ночью, после очередной бомбардировки? Чем занимались простые граждане изо дня в день? Где работали и каким образом добывали продукты, где и как укрывались от налетов вражеских самолетов, чем отапливали свое жилище? Какие взаимоотношения установились между людьми, так давно знакомыми друг с другом, но оказавшимися в новых условиях существования?

Количество подобных вопросов может увеличиваться и увеличиваться. И здесь дело не только в праздном любопытстве, а в том, что каждый неравнодушный человек, у которого в такой ситуации оказались близкие люди (не дай Бог!), в первую очередь будет задавать себе именно эти вопросы. Вопросы, из ответов на которые, в конечном итоге, и состоит жизнь человека.

Однако ответов на эти вопросы, в нашей литературе мы находим не так уж много. И если период обороны Одессы нашел свое отражение в советской литературе, будь то художественная или документальная, то годы оккупации города рассматривались в основном с точки зрения партизанского движения. Публикации же о том, как выживали одесситы во время обороны, а затем в оккупированном городе, встречались крайне редко.

Причина столь однобокого подхода к отображению истории города в этот период времени хорошо известна – такова была государственная политика. Писать разрешалось только о тех, кто героически сопротивлялся оккупантам, кто уничтожал врага либо активно саботировал его приказы и распоряжения. Но таких было единицы, и они, как правило, получали помощь с «большой земли».

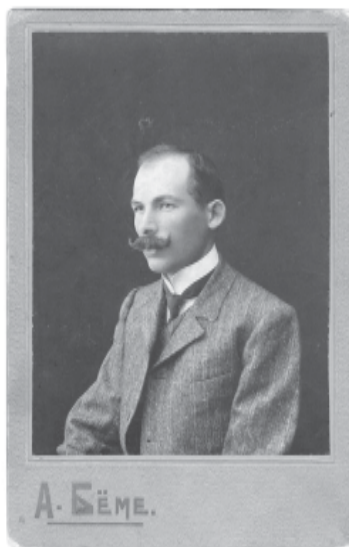
А как же все остальное население? Врачи и пациенты, преподаватели и ученики, рабочие и инженеры – в общем, все те, кто не смог эвакуироваться.

Им-то никто не помогал, о них никто не заботился. Они должны были в этих экстремальных условиях выживать сами, кто как мог. Причем выживать по правилам, написанным уже новой властью, – оккупационной.

Эта тема получила свое развитие лишь с началом новой эпохи – независимой Украины. Для исследователей открылись государственные архивы и закрытые фонды библиотек. Появилась возможность публиковать материалы, на которые раньше было наложено табу. Более того, теперь каждый, кто только пожелает, может опубликовать или издать отдельной книгой любой материал, будь то архивные документы, собственные воспоминания или мемуары людей, уже ушедших... И все это без вмешательства контролирующих органов – цензуры.

Благодаря этому в последние годы на страницах периодических изданий и в отдельных книгах количество подобных публикаций заметно увеличилось. Но, тем не менее, нельзя сказать, что тема оккупации Одессы раскрыта в полном объеме. Вот почему каждое новое свидетельство о том времени, особенно если это свидетельство очевидца, представляет несомненную ценность. Пусть даже это мнение субъективное и взгляд на все происходящее носит сугубо личный характер. Но, если через этот взгляд, как через призму, можно увидеть ГОРОД и ЛЮДЕЙ, то ценность такого свидетельства многократно возрастает. Таким свидетельством, бесспорно, являются дневники Адриана Владиславовича Оржеховского (1876–1960 гг.).

Автор дневника родился в семье бедного польского дворянина. В 1908 году приехал в Одессу, для работы в Одесском филиале Жирардовской мануфактуры. Во время Гражданской войны с ее частыми сменами властей, голодом и холодом, для того, чтобы прокормить семью, он вместе с компаньонами открыл небольшой гастрономический магазин. За это «преступление» в 1924 году он был лишен избирательных прав и стал «лишенцем». Что означает лишение избирательных прав, хорошо помнят люди старшего поколения, для относительно молодых скажу – это автоматически влечет за собой

А.В. Оржеховский. 1908

лишение и всех остальных гражданских прав. Тогда же его вместе с семьей пытались выселить из квартиры. Во время постоянных «чисток» устроиться на работу с клеймом «лишенец» было нелегко, задержаться на одном месте подолгу не удавалось. Да и должности в основном были рабочие.

Великая Отечественная война застала его красильщиком суконной фабрики. После войны работал завхозом в Совпаршколе, а затем там же – ночным вахтером.

Из послужного списка Адриана Оржеховского хорошо видно, что он не занимал руководящих постов и не принадлежал, скажем так, к творческой интеллигенции. Однако, читая его дневники, сразу обращаешь внимание на то, что они написаны человеком неординарным, мыслящим, человеком с философским складом ума и достаточно критическим отношением к жизни.

Он, хоть и пассивно, но не принимал Советскую власть, осознавая все негативные стороны большевистского правления, и на собственной «шкуре» испытал те лишения, которые она принесла народу:

«...Разве можно сравнить прожитые 24 года в Советской стране, с 24-ю годами до Советов. Это два полюса. Беда лишь том, что одна часть населения тяготеет к одному полюсу, другая – к противоположному, и каждая из них имеет свою специальную, корыстную цель. ... О терроре во время прихода их, т.е. большевиков к власти не буду вспоминать, ибо этому давность уже 24 г[ода]. А перед войной, когда арестовывали всех немцев, армян, турок, болгар и проч[их] подданных ни за что. Разлучали матерей с детьми, выбрасывали семьи репрессированных из их квартир, разве всё, что они делали было мягче, человечнее. День и ночь «чёрный ворон» возил арестованных в тюрьму и на Маразлиевскую на допросы. Грузили целые поезда без всякой вины осуждённых. Жён с детьми не подпускали к вагону что-нибудь передать и попрощаться, уезжали без тёплой одежды в Сибирь. Да разве мы, наконец, знаем все подробности красного террора.

Я был однажды в тюрьме и видел, как толпы несчастных женщин целыми днями выстаивали, чтобы какую-либо передачу допустили. Было одно сплошное издевательство над женщинами. По ночам прятались на кладбище, т.к. разгоняли, нужно было быть первыми в очереди для передачи чего-либо необходимого, в противном случае не примут. Так вот теперь наступило возмездие...». /24.10.1941 г./

В своих дневниках он подробно описывает и голод, пережитый его семьей в 1931 году, и политические репрессии 1930-х годов. Причем из его рассуждений видно, что у него не было никаких заблуждений насчет причин этих катаклизмов, заблуждений, присущих тогдашнему обывателю. Тем не менее, это непринятие сталинского режима не бросило его в объятия новой власти –

оккупационной. Он хорошо видел все ее недостатки, а особенно главный, объединяющий оба режима, – равнодушие к человеческой жизни:

«...Я, впрочем, ничуть не удивляюсь рум[ынам], если имеются кой-какие недоразумения. Стоит только вспомнить описание вступления наших быв[ших] войск в Бессарабию и Западную Украину, что они выделявали. Сколько было разграблено, расстреляно и сослано людей...». /20.10.1941 г./

Изучая его дневники, приходишь к выводу: Адриан Владиславович обращался к ним в самые трудные моменты своей жизни. Именно поэтому летом 1941 года он вновь начинает писать дневник, прерванный в 1933 году.

Дневник состоит из пяти тетрадей. В первых двух отражены события в период обороны Одессы, в остальных трех – оккупации.

В оккупированном румынскими войсками городе Адриан Владиславович остался со своей женой. Его четверо взрослых сыновей с семьями к тому времени покинули отчий дом и война определила каждому из них свой путь. Самому же Оржеховскому, пострадавшему от советской власти и занимавшему по отношению к ней негативную позицию, малоприспособленному к новому оккупационному режиму, от природы скорее созерцателю, нежели борцу, приходилось очень трудно. И тем не менее, он не очерствел душой и так же остро чувствовал чужую боль, как и свою.

«Я хочу только несколько слов написать о том, что сейчас восемь часов вечера, ярко светит луна на небе и на улице видно как днём; о том, что улицы похожи на кладбищенские аллеи без единой души, что окна всех домов мрачны без единого намёка жизни за ними, ещё о том, что у нас 4 град[уса] тепла, и тоже у многих, что тысячи ложатся голодными и из-за отсутствия света лежат в своих постелях с открытыми глазами, уставив их в пространство, как я, вплоть до утра не смыкая их. И все же, какое это счастье лежать на своих собственных кроватях и всё же укрываться своим одеялом, если только кто-то из сердобольных людей не стащил его, или просто не отнял. Сколько же сейчас миллионов в холодной тюрьме ёжатся друг возле друга, чтобы хоть на миг согреться? Я думаю, сколько, только в нашей Одесской тюрьме, безвинных жертв страдает от голода и жестокой стужи. Как слабы и мало содержательны эти строки с тем, что сейчас творится вокруг нас, нет умения, таланта выразить, что переживаешь ежедневно, ежечасно в это ужасное невыразимо страшное время. Одно могу сказать: не хочется жить, не хочется видеть, и до отвращения надоело всё, всё, даже весь мир». /30.12.41 г./

Похожие мысли встречаются довольно часто на страницах дневника и неважно, что он описывает: бомбардировки города немецкими самолетами и то, как мирные жители пытались спастись во время этих налетов,

или то, каким образом выживали все, кому не удалось эвакуироваться и кто вынужден был остаться в оккупированном городе. Причем отношение автора дневника как к оккупантам, так и к тем из сограждан, кто потерял человеческое лицо в борьбе за выживание, – одинаково негативное.

«Словом рум[ынская] армия отличается, при этом замечу, что когда они вошли, то спросили где живут иудеи, им конечно любезно указали. Они преспокойно вынули револьверы и приказали хозяевам удалиться под видом того, что пришли искать оружие, квартиру перекинули вверх дном. У другого соседа еврея взяли 100 руб[лей] и тоже кое-какие вещи... Обидно то обстоятельство, что как раз эти два еврейских семейства рабочие, безусловно честные труженики и их нажитое только своим собственным горбом. Кроме того, как раз в нашем дворовом грабеже они единственные не принимали участия и ни одной чужой нитки себе не присвоили, между тем как все остальные с награбленным чужим остались нетронутыми... Впрочем, разве мы имеем право осуждать румын, когда каждый из нас ничуть не лучше в нравственном отношении первого попавшегося солдата. Между прочим мне один немец[кий] солдат сказал, что всех евреев отсюда вышлют. Кто же тогда в городе останется? Поживём – увидим». /18.10.1941 г./

Нужно отметить, что в дневнике часто приводятся различные слухи, которыми был наполнен город, а также то, как жители пытались объяснить те или иные события, происходившие тогда. Для примера приведу несколько выдержек:

«...В своё время арестованных, наших городских немцев, вчера всех выпустили из тюрем, говорят, что фашисты сбросили прокл[амации], в которых угрожают за одного немца вырезать сотню евреев. Насколько это правда, не знаю...». /13.10.1941 г./

«...Говорят, что в некоторых частях города сгоняют всех евреев поголовно и куда-то уводят...». /19.10.1941 г./

«...Когда шёл домой, видел, как из одного дома выселили всех евреев и под конвоем куда-то увели. Было 7 ч[асов] вечера. О таких экспериментах говорят ежедневно. Ничего не пойму...». /21.10.1941 г./

«...Полчаса тому назад, где-то раздался такой сильный взрыв, что нам казалось весь дом закачался и вот-вот рухнет. Выяснить далеко ли это случилось сейчас невозможно, т.к. на улице мрак (7 ч. вечера). А евреев всё уводят небольшими партиями. Газет ещё нет, а потому все живут разн[ыми] нелепыми слухами, о которых не стоит и писать...». /22.10.1941 г./

Как видим, автор дневника сам указывает на нелепость многих слухов. Понятно, что они не всегда были верны и справедливы, и довольно часто сознательно распускались оккупационными властями, с тем, чтобы направить общественное мнение в нужное для власти русло. Иногда

чтобы запугать население, иногда – оправдать репрессивные меры, в частности по отношению к евреям.

«...В данный момент наша улица оцеплена рум[ынскими] с[олдатами] и делают вероятно обыски и выводят евреев. На Куликовом поле уже несколько человек висят. Говорят, поймали их на поджоге. Сочувствующим русским тоже нет пощады. Оказывается, что вчерашний взрыв, от которого наш дом вздрогнул, был взорван дом ГПУ. На Б[ольшой] Арнаутской, 10 поймали поджигателей евреев, они облили бензином некоторые части дома. Я сижу дома и никуда не хожу. Из дома, где живут Г. всех евреев вывели. Наш дом пока обошли. В общем, состояние у всех жуткое...»

В соседнем доме по Канатной некоторые евреи спрятались на чердак. Их оттуда повываскивали и всех жильцов увели. Я уже не знаю, что хуже переживать: свист бомб бросаемых с самолёта, или это бесконечное ожидание чего-то ужасного. Там были страшны минуты и часы, а сейчас бесконечные дни...». /23.10.1941 г. – 12 часов дня/

В настоящем фрагменте идет речь о взрыве бывшего здания УМГБ на ул. Маразлиевской, в котором разместился штаб румынских войск. В те дни говорили, что взрыв осуществили партизаны, однако уже после войны стало известно, что здание было заминировано советскими войсками перед уходом из Одессы и взорвано с помощью дистанционного устройства. Этот взрыв стал знаковым для всех одесситов, с него в городе начались массовые репрессии.

Отличительной особенностью дневника является то, что помимо слухов и собственного отношения к происходящим событиям, автор приводит в нем документы того времени либо цитирует их. В большинстве случаев это документы, свидетельствующие о репрессиях еврейского населения. Для примера приведу фрагмент одного из них – Приказа № 12:

*Приказ Военного Командования г. Одессы 23 окт[ября] [19]41г[ода].
Военное командование приказывает.*

- 1). Все жители г. Одессы еврейского происхождения (мужчины, женщины, девушки, дети) независимо от их возраста и профессии обязаны явиться в распоряжение Военного Коменданта села Дальник.*
- 2). Жители евреи, которые не подчинились этому приказу, будут наказаны смертной казнью.*
- 3). Все жители г. Одессы, обязаны донести начальникам соответствующих полиц[ии] районов, имена и фамилии всех евреев г. Одессы, которые не подчинились этому приказу; виновные в нарушении этих мер будут также наказаны смертной казнью. /.../*

Комендант гор. Одессы пол. Никулеску.

Префект полиции С. Плугаров.

Далее идет запись событий, которые развернулись в городе после появления этого приказа, и реакция Оржеховского на все происходившее.

«...У нас во дворе с утра рев. Оказывается, расклеен приказ, чтобы все евреи до единого собрались и пошли регистрироваться в Дальник, а это всего 19 км расстояния. Я пошёл по улицам до центра города. Всюду во всех дворах и на всех кварталах собираются поголовно все евреи со своими и необходимыми пожитками и узлами и направляются в Дальник. Приказ грозит смертью, кто из евреев не послушается данного приказа, а также и русским, скрывающим их. Описать всю эту картину невозможно. Старики и старухи еле волочащие ноги, больные и калеки на костылях все направляются в указанное место. Большинство женщин и детей, молодёжи не видно. Я себе не могу представить, как они все пройдут это расстояние в 19 км. Едва ли часть их сможет доползти за черту города. Уже два часа. В семь совершенно темно. Как женщины дойдут с детьми, в особенности с грудными, не могу представить, конечно, всё это ужасно... Выстрелы очень редки, вероятно потому, что всех «врагов» выгнали из города.

Я с Тосей сидим у стола и читаем при нашей коптилке. Свет отвратительный, едва видишь строчки, но спать не хочется. Наша мысль невольно следует за этой несчастной толпой, которая сейчас или ещё плетётся, или где-нибудь у дороги сделала привал на ночь. Но где, в степи, на голой мокрой земле, с ребятами, стариками, больными усталые, продрогшие и голодные. Ведь вся эта толпа состоит не меньше 100 тысяч людей, если не больше. До Дальника они не могли дойти за такое короткое время, т.к. в путь поехали не раньше 11-12 часов, а многие и того позже. Значит за 8 ч[асов] пути 19 км не пройдут медленным шагом без привычки и с тяжёлыми узлами в руках. Да и в Дальнике для них нет пристанища, для такой массы людей. А сколько нужно времени, чтобы эту массу там зарегистрировать. По моему мнению, никакой регистрации там не будет, а просто поддержат их там некоторое время и отправят по домам. Правда, это было бы в лучшем случае. Но что же ещё можно придумать? Недалёкое будущее всё объяснит.

Сегодняшний приказ это месть за произведённые взрывы. Рум[ынский] оф[ицер] мне говорил, что в здании НКВД погиб рум[ынский] ген[ерал], немец[кий] ген[ерал] и много других. Всего его разговора я не мог понять, он также говорил, что евреи студенты убивали рум[ынских] студентов и вообще много нехороших дел было с еврейской стороны...

...Я уверен, что весь путь от города до Дальника усеян отстающими старцами, больными и детьми. Сколько из них заболит и умрёт. В каждом дворе остались лишь небольшие кучки русских, а в некоторых и того нет. Улицы совершенно пусты. Видны лишь рум[ынские] с[олдаты], машины и патрули...». /24.10.1941г./

Можно сказать, что приведенный фрагмент является первой столь объемной и эмоционально напряженной записью, относящейся не к

собственным неприятностям, а к бедам своих сограждан – евреев. Такое сопереживание и сочувствие дорогого стоит. Особенно если принять во внимание, что и высказывать вслух подобные мысли, и доверять их бумаге, было одинаково опасно. Но дальнейшие записи свидетельствуют о том, что почти ежедневно Адриан Оржеховский вносил в свой дневник все, что ему стало известно о судьбах одесситов, как знакомых, так и неизвестных ему.

«... Слишком слабо моё перо, чтобы описать те ужасы, которые творятся уже третий день. Всюду кровь и трупы, массовые расстрелы от мала до велика. Еврейство несёт сейчас величайшие страдания, оно расплачивается сейчас целыми потоками своей крови и сотнею и сотнею своих жизней... На глазах моей знакомой, на 7-ой станции расстреляли толпу евреев и добивали раненых. По дорогам к 7-ой станции лежат трупы, около тюрьмы, много повешенных всюду, даже на Александровском бульваре целый ряд их...». / 26.10.1941 г./

«...Вчера был месяц вступления поб[еда]носных румынских войск в Одессу... Горе и ужас царит на всех лицах, а в особенности, конечно, на лицах несчастных евреев. Они уже носят вышитые знаки на груди. Сегодня вышел новый приказ для евреев сдавать всё золото, имеющееся у них на руках, за утайку – смерть. Наверное, давно земля не была так обильно пропитана кровью и слезами, а воздух воплем и проклятиями варварам как в этом несчастном [19]41 году...». /17.11. 1941 г./

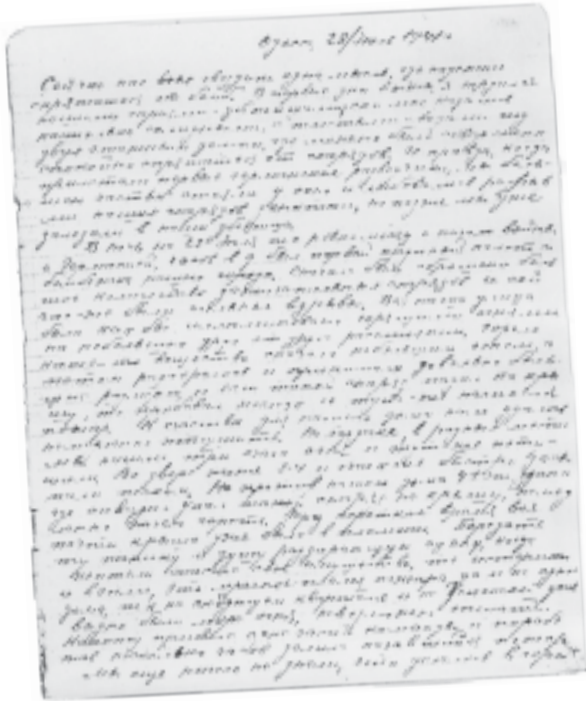
Два с половиной года длилась оккупация города, и лишь в апреле 1944-го эта страница истории Одессы была перевернута. Когда оккупированная территория была освобождена от фашистских войск и вновь вернулась советская власть, началась мирная жизнь. Однако во всех анкетах появилась новая графа: «Был ли на оккупированной территории?» И если это подтверждалось, то перед человеком автоматически закрывались двери во многие советские учреждения, а для их детей – в вузы. Тем самым советская власть ставила этого человека в разряд людей ненадежных, а значит, ей – власти, – ненужных. Среди этих «ненадежных» были десятки тысяч одесситов и в их числе Адриан Оржеховский с женой – все те, кому удалось выжить в оккупационном режиме, а потом оставшуюся жизнь расплачиваться за это.

Примечания

* Дневник хранится в семье С. Оржеховского. Все цитаты и тексты предлагаемых материалов печатаются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, за исключением отдельных знаков препинания.

В [...] скобках указаны слова, написанные с сокращениями, а также некоторые пояснения, подписанные инициалами «С.О.» – т.е. Сергеем Оржеховским – внуком автора дневника, и «Л.М.» – Лилией Мельниченко.

* * *

Одесса, 28 июля 1941 г.

Сейчас нас всех гвоздит одна мысль, где надёжнее спрятаться от бомб. В первые дни войны я гордился нашими сараями – убежищами; они мне казались настолько солидными, с толстыми сводами под двухэтажным домом, где можно было совершенно спокойно спрятаться от снарядов. И, правда, когда прилетали первые германские разведчики мы большею частью стояли у окна и любовались разрывами наших снарядов зенитки. Но позже мы уже залезали в наши убежища.

В ночь на 22-е июля, т.е. ровно месяц с начала войны с Германией, часов в 9 был первый крупный налёт и бомбёжка нашего города. Сначала было сброшено большое количество зажигательных снарядов, и сейчас же были сильные взрывы. Вся наша улица была, как бы иллюминирована горящими огнями на небольшом друг от друга расстоянии. Горело какое-то вещество сначала небольшим огнём, а потом разгоралось и принимало довольно большие размеры, и если такой снаряд падал на крышу, то пробивал железо и тут же начинался пожар. К счастью для нашего дома нам удалось немедленно

потушить. На чердаке, в разных местах мы нашли три очага огня и тут же потушили, во дворе тоже 3-4 и также быстро засыпали песком. Но против нашего дома 4-х этажное здание, где очевидно упал такой снаряд на крышу, немедленно начало гореть. Через короткое время вся почти крыша уже была в пламени. Передать ту панику и душу раздирающую сцену, когда жители спасали своё имущество, те истерики и вопли, это мрачное пламя пожара, да и не одного дома, т.к. на следующем квартале и на Успенской уже видно было море огня, невозможно описать.

Наконец прибыла одна часть команды и, поработав несколько часов, залила начавшийся пожар. Мы ещё ничего не знали, что делалось в городе. Передавали только, что в центре валяются десятки трупов.

В это время, 5 ч. дня, когда я пишу эти строки, делают тревогу. Жена собирает кое-какие необходимые предметы: пальто, одеяло, бельё, чтобы в случае пожара не остаться буквально без ничего, но, заслышав тревогу, всё бросает и бежит во двор. Сердце стучит молотком в груди, руки трясутся, а голос изменяет свой звук.

Итак, на следующий день 23-го утром я отправился в город на фабрику. Здесь, на Пушкинской и в центре, я увидел нечто ужасное, непередаваемое. Остановливаться над каждым разрушенным домом и описывать его разрушения не стоит, т.к. все они разрушены до основания. На целые кварталы выбиты стёкла, вырваны оконные рамы, согнуты шторы у магазинов и всё превращено в груды мусора и пепла. На углу Ришельевской и Греческой снаряд зарылся на 7 метров в глубину и не взорвался. Но когда я увидел несколько воронок размером, пожалуй, в 10 метров в диаметре и глубиной чуть ли не в два роста человека, тут я сразу похоронил свои иллюзии относительно нашего домового убежища. Это готовая могила. Признаюсь, я упал духом. Этот диаметр и глубина воронки мне не даёт покоя и точно гвоздём засел у меня в памяти.

Сколько жертв в день 22-го и ещё утром 23-го июля, конечно, никому не известно, но очень много. Гуляющей публики в этот вечер было очень много, когда этот огненный и снарядный вихрь разразился. Думается мне, что домов 20-30 уничтожено, частью от огня, но больше от снарядов. До 22/VII граждане ещё чувствовали себя довольно сносно. Городская жизнь ни на минуту не прекращалась, заводы работали, магазины и базары торговали, а публика довольно беззаботно ходила. Но день 22/VII сразу оборвал жизнь нашего города.

Ещё с первого дня войны с Германией, т.е. с 22-го июня я всё собирался писать дневник своих личных впечатлений. Но события так сразу нахлынули, что всякую волю к каким-либо действиям парализовало, а в особенности к дневнику. Стелка часов близится к 8-ми, как раз в это время вчера 27-го вдруг раздались первые выстрелы. Мы поспешно оделись и вышли на

лестницу, и в это мгновение где-то вблизи жутко просвистел снаряд, и мы тут же услышали где-то взрыв. Зенитки и пулемёты заработали вовсю, мы тотчас залезли в свой сарай, и там отсиживались до наступления полной тишины и отбоя.

Часов в 10 вечера при полной темноте на Канатной улице появились бегущие люди со своими пожитками. Слышны были их взволнованные громкие вздохи. Я спросил одну из этих бегущих групп, оказалось, что снаряд упал на Малой Арнаутской, 2. Сегодня утром мы пошли туда и снова увидели ужасную картину разрушения. Попали три снаряда, а рано утром ещё один. Разрушена туберкулезная санатория, есть убитые и раненые. Разрушен также дом напротив, детские ясли, но детей там не было.

29-го. Сегодня я был на фабрике с 10-ти до 5. Удалось получить всего 20 рублей. Фабрика окончательно стала, что будет дальше не известно. Был опять налёт, говорят, зажгли одну цистерну с нефтью, был виден пожар. Наш дом окончательно опустел, всего осталось 5 жильцов. Центр города почти целиком выехал на окраины города, большое количество населения выехало эшелонами по железной дороге и пароходами. Жизнь в городе почти совсем замерла. Уже не видны вереницы убегающих людей со своими пожитками, не мчатся военные грузовики с грузом, как будто все или почти все эвакуировались. Главные заводы уехали давно. Соль нашей земли – коммунисты, давно подмазали пятки и благополучно улизнули. По этому поводу всюду и везде возмущённые разговоры. Спекулятивный элемент, а их немало, также своевременно улупетнул, осталась одна голытьба и рабочий класс, и мелкие служащие. Многие жители на ночь уходят в каменоломни и на окраины города. После поголовного первого бегства после 22-го июля со своих дач, публика снова хлынула на дачи и занимает их без разбора и самочинно.

30-го. Ночь прошла совершенно спокойно. Я спал на своей кровати, а Тося не может решиться на это, она целые дни проводит в подьезде, и когда раздаются выстрелы бежит в наше убежище. Я приготовил там на всякий случай лом и лопату, если в лучшем случае засыплет, то, может быть, удастся откопаться. Там проведено электричество, принесены скамьи, стулья, есть где сидеть. В первое время наше убежище было полно народа и детей, а сейчас всего 3–4 человека прячется. Часть прячется в соседних домах, находя там больше защиты от снарядов. Я нахожу, что если бомба кого наметила, то она его всюду найдёт.

9-го Августа. За эти девять дней мы не имели почти ни одного дня без тревог. Третьего дня на Разумовской улице сбросили бомбы, были жертвы. Город почти на половину опустел. Все заводы эвакуировались и продолжают эвакуацию. Наша фабрика тоже с 7-го приступила к разборке машин.

Во время работы то и дело слышна тревога и гул выстрелов. Я уже несколько привык и не убегаю прятаться как другие, да и куда спрячешься.

Сегодня на базаре была облава на посылку на рытьё окопов. С сегодняшнего дня город на осадном положении. Хуже всего это ночью, когда вдруг тебя будит гул внезапных выстрелов. Тося немедленно одевается и бежит из комнаты, я ещё несколько минут выдерживаю фасон, но всё же быстро вскакиваю и впопыхах натягиваю свои штаны.

Конечно, самое главное это немецкие снаряды, от них не убежишь, но всё-таки легче становится, когда удираешь из комнаты.

Последние три дня немец особенно стал надоедать нам как назойливая муха, по 5-6 раз в день. Каждое утро, как правило, он прилетает, большей частью это кажется разведки, а, впрочем, кто его знает, может и с гостинцами прилетает, да не успевает их сбросить. Говорят, что сбрасывают прокламации, обещает русских не трогать.

10/VII. Ровно в 7 утра я ещё лежал в постели, как услышал гул немецкого мотора и тотчас началась учащённая канонада наших зениток. Я всё-таки выдержал характер и лежал в постели. Признаюсь, что сердце учащённо стучало. Через некоторое время слышно было несколько падений осколков в нашем дворе, наши дворовые несколько штук нашли разных размеров. Утро прохладное чудесное. На улице редкие прохожие, город буквально превратился в деревню. В воздухе гудят наши самолёты, они всегда вылетают после визита немцев. Вчера я прочёл [о себе – Л.М.] в списке сокращённых по фабрике, иду сейчас за расчетом.

13/VIII. События развёртываются шибким темпом. Вчера весь день где-то далеко непрерывно доносился гул выстрелов, довольно часто налетали самолёты и тотчас подымается со всех сторон стрельба. Публика в таких случаях шархается во все углы и ворота. На Пересьпи и Слободке у всех выходов моста сделаны заграждения из камня, железа и балок. Неприятель как видно приблизится со стороны Балковской дороги. В городе паника. Вчера все магазины, не говоря о продуктовых, забиты покупателями. Сотни и сотни в длинных очередях. Расхватывают мануфактуру, обувь, костюмы и даже очередь за косметикой. Сегодня промтоварные магазины закрыли, очевидно, администрация испугалась наплыва покупателей, т.к. публика брала всё под метёлочку. Очевидно, вспомнили, блаженной памяти колокольчики и украинки, которые остались во время революции у всех на руках. Хлеб достаётся с трудом. Продуктовые базы, очевидно, очищаются и развозят остатки продуктов по магазинам. Сахару бери, сколько хочешь, а ещё недавно с боем можно было получить $\frac{1}{2}$ килограмма и то один раз в месяц. Конфет в магазинах тонны. Постное масло отпускается в любом количестве, но зато муки и грамма нет. Базары совершенно пусты, мяса нет.

Овощи исчезли, некому и нечем привезти. Положение ухудшается буквально часами. Со вчерашнего дня выдают воду по норме $\frac{1}{2}$ ведра на душу.

Сегодня я совершенно свободный человек, вчера распрощался с фабрикой, сознаюсь без всякого сожаления, но будущее рисуется в самых безотрадных красках. Перспектив на работу нет и денег нет, да и какие деньги будут в ходу ещё неизвестно. В газетах пишут и даже усиленно распускают слухи о зверствах фашистов. Уж такие небылицы распространяют, что право совестно читать, но очевидно и немцы не остаются в долгу. Сегодня что-то тихо. Говорят, что немцев отбили. Возможно.

14/VIII 10 ч. утра. Вчера до 7 ч. вечера было совершенно тихо, не считая отдалённых выстрелов. Ровно в 7, вдруг, появился вражеский самолёт, и тут началась пальба. Слышен был гул, возможно, был сброшен снаряд. Затем ровно в 4 утра я проснулся от гудения немецкого самолёта, и тут же началась учащённая пальба зениток. Я вскочил с постели и через окно наблюдал, как несколько прожекторов медленно вели самолёт, но из-за деревьев я не мог точно видеть результат. Скоро всё стихло, и снова лёг в постель. С утра начали развозить снова сахар. Говорят, что немцы заняли Смоленск.

15/8. У нас во дворе настоящий адский концерт. Двое ребят наших соседей орут по очереди или вместе. К этому ежедневному концерту прибавилось ещё три голоса детей еврейки беженки, а к довершению этого концерта присоединилась голодная корова, которая, не умолкая, мычит каким-то надорванным отвратительным голосом. Затем появился новый слух: якобы немцы дали Одессе ультиматум эвакуироваться до воскресенья, в противном случае от Одессы они не оставят камня на камне. Довольно приятные слухи. По радио передали, что немцы заняли Елисаветград и Первомайск. В час дня я ходил купаться. Купались исключительно мальчишки, и я старый с ними. Вода удивительно тёплая, прозрачная, но едва я вылез из воды, появились неприятельские самолёты, и пошла зенитная стрельба. Пришлось мне укрыться у берега под горой. Самолёты благополучно удрали, и пальба прекратилась, лишь в направлении Лузановки не умолкая, громяхают сегодня целый день орудия.

16/8. Во вчерашней сводке сказано: в течение 14 августа наши войска вели ожесточённые бои с противником на всём фронте от Ледовитого океана до Чёрного моря. Мы это начинаем чувствовать всё больше и больше. Налёты неприятельских самолётов почти непрерывны. Сегодня сбросили бомбы на Заставе и взорвали гружёные снаряды. Цель частых посещений неизвестна нам, но в продолжение дня зенитки и орудия действуют почти непрерывно. Только что закончилась канонада по самолётам, но наша публика так привыкла к таким ежедневным концертам, что не уступает своим привычкам даже во время стрельбы. В данный момент наши дворовые дамы, прекрасный пол, здорово

переругиваются, употребляя при этом и не стесняясь, такие словечки, что лошадь бы покраснела. Были пущены вход все аргументы, чтобы досадить друг другу, вплоть до обширных задов. Даже сам Демьян Бедный позавидовал бы разнообразию и богатству лексикона. К довершению к этой картине один из соседей лежит мертвецки пьяный в подъезде, а другой на улице. Словом картинки.

17/8. 1 час дня. Немец умудрился в коротких промежутках сбросить две бомбы. Сидя у окна в кресле я слышал характерный свист сброшенного снаряда и, через $\frac{1}{2}$ часа, снова другой. Где разорвались пока неизвестно, думаю в районе порта.

Но публика ведёт себя удивительно спокойно. За это время вполне привыкла. В первое время от одного пустого выстрела шарахались в подъезды, прятались в погреба. У нас во дворе некоторые женщины в панике бросались, куда попало. Сейчас они совершенно успокоились, даже как будто не обращают внимания, кормят детей, стряпают, ходят. В очередях и подавно. Здесь идёт извечная ссора и ни выстрелы, ни свистящие бомбы не могут их ни утомонить, ни разогнать. Удивительное существо человек.

18/8. Какая идиллия. 7 ч. вечера. Солнце ярко освещает нашу комнату. Пьем чай, и тут же целый грохот выстрелов, концерт на славу. К чему только человек не привыкает, но всё-таки надо удирать вниз, где-то просвистел снаряд, слышится взрыв.

19/8. Вчера был настоящий бенефис полётов. Насчитали 3-4 свиста бомб. Говорят, попал в Сабанские казармы и на Маразлиевскую дом 13-14. Вчера целый день не было покоя до вечера. Все были внезапные налёты. Бесконечные тревоги и отбои. Надоело даже. Говорят, что немец сбросил где-то прокламации, напечатанные на лоскутах, в которых заверяет, что он не будет делать налёты ночью, а днем, чтобы население пряталось в щели и, при этом его не боялись, что он вреда нам не сделает. Посмотрим.

Сегодня 6-е августа. [По старому стилю – Л.М.] Праздник Спаса. Удивительная тишина весь день. Видно не хочет испортить нам праздник. Но какой праздник, когда большинство населения давно позабыло все христианские праздники. В 12 ч. ходил на море, купался на славу, вода слишком тёплая, купаются исключительно подростки и молодежь, и то в небольшом количестве. Со стороны Лузановки не прекращается гул выстрелов.

Сейчас ровно 7 вечера. Тоже раздаются всё время выстрелы. От Сергея получили открытку. В дороге была 3 недели. Проходил с купанья по Белинской, где упали бомбы. Просто сатанинская сила этих взрывов. Положительно нет нигде спасения от них. Стены рушатся, деревья ломаются как после урагана, железный трамвайный столб вырван и разбит в куски, а стекла в домах разбиты в округности на несколько кварталов. Просто ужас

берёт смотреть на эти последствия дьявольского изобретения. Ну и прогресс! Ну и культура! Не завидую я своим внукам в их будущем.

20/8. Итак, Одесса вся в баррикадах. Я только что ездил на фабрику и по дороге на всех улицах видел, как разбирали мостовые и из этих камней устраивали баррикады во всю ширину улицы, это всюду на всех подступах в город. Значит, решено Одессу не сдавать, а из этого выходит, что для жителей готовится кровавая баня. Как одна, так и другая сторона жителей жалеть не будут. Город представляет собой почти пустыню только у продуктовых точек бьёт жизнь ключом. С бешенством и остервенением, чуть ли не грызя, друг другу глотку рвут, что попадётся под руки. Сообщается, что Николаев сдан, верфи взорваны, сдан и Кривой Рог. Жара ужасная, вода отвратительно солёная, газовые заводы приостановлены, а если выпускают случайно пиво, то очереди колоссальные. Наша газета поместила заметку американского корреспондента, что Гитлер психически расстроен, да и вообще вся печать всякую ерунду и сплетню разносит, иной раз просто противно читать. Всё-таки нахожу, что пресса 14-го года, была куда в тоне деликатнее, теперь же в выражениях и в тоне не стесняются.

21/8, ровно 7 вечера. Я только что наблюдал три немецких самолета, как они, сравнительно не высоко, медленно летели по направлению к вокзалу. Стрельба поднялась буквально адская, буквально всё небо на большом пространстве пробуравили и всё-таки не попали. Захватывающая все-таки картина наблюдать, удивляюсь героизму лётчиков, какие нужно иметь нервы, чтобы быть под таким обстрелом. Один лишь снаряд попади и всё кончено. В час дня, когда я после купанья подымался на гору, под такую же бомбёжку я попал. Немецкие самолеты также спокойно невредимыми улетели. Завтра роковое 22-е. Все в тревожном ожидании этого числа, нужно быть готовыми ко всему.

23/8. Вчера весь день прошёл благополучно. Я ездил на фабрику, и за это время выросли новые баррикады со рвами. У моста Пересыпи я встретил грузовик с 5-6 ранеными. Одни из них лежали, другие сидели. Все перевязанные, а у некоторых были руки в крови и забрызганные кровью. Видно фронт не далеко. В нашей газете появились глупейшее воззвание к гражданам. Предлагают вооружиться камнями, бутылками с керосином и горячей водой и отражать этим врага. Право, трудно себе представить что-нибудь глупее этого. Только что неприятель где-то бросил бомбу, поднялась стрельба. Я нашёл на улице порядочный кусок осколка, попади этот осколок в голову, был бы конец.

На улицах пустыня, в магазинах давка за мануфактурой и другими товарами, люди спешат сбыть скорее свои деньги. В продуктовых магазинах совершенно пусто. За неимением материальной пищи купил духовную: книгу Дидро.

25/8. Сорвавшаяся буря с проливным дождём и громом слились с беспрерывным грохотом орудий. Сегодняшняя сводка гласит: особенно ожесточённые бои происходят на Одесском фронте. Вчера весь день, ночью почти не прекращаются гул выстрелов. Сегодня особенно слышно, очевидно фронт приближается, т.к. окна и стены начинают вздрагивать.

Сейчас ровно 4 ч. дня. Дождь стих. Деревья почти не шелохнуться, но зато орудийный гром слышится все явственнее. Мы буквально у преддверия страшных дней. Нет секунды перерыва в грохоте орудий. И в это время трамваи идут, дети играют и хохочут во дворе, на улице прохожие, в магазинах одиночные покупатели т.к. все они совершенно пусты. Сегодня получили карточки на хлеб по 400 гр[амм] и 500 – работающим. Начинается почти голодовка, т.к. привоза никакого нет и кругом пустота. Страшные дни подходят. В газете сообщают, что наши во всей Бессарабии и Буковине всё взорвали и уничтожили. Ожидают, что в случае нашего отступления и у нас взорвут электростанцию, мельницу и друг[ие] зав[оды], как это было в Бессарабии.

28/8. Оказывается, весь шум канонады производят три военных судна. Они-то всё время без передышки бомбили где-то недалеко румын. Военные суда производили такой грохот, что казалось, стёкла в окнах лопнут. Все же не без результата была эта стрельба, т.к. говорят сегодня, румын отбросили на приличное расстояние, будто бы на 65 к[илометров], вчера же утром неприятель как бы в отместку послал несколько снарядов, один из них взорвался на Пуш[кинской] ул. угол Троицкой, где в это время была очередь за хлебом. Ударилась о мостовую, разорвалась и убила человек 9-12 и многих ранило. На Канатной убило 2 человека. Сегодня тихо. Лишь изредка погромыхивает. Словом борьба затягивается. Наши оставили Новгород. Из всех магазинов вывозят все спиртные напитки на базу.

29/8. 10 ч. утра. Всё то, что я писал до сегодня, по сравнению с настоящим моментом, сущие пустяки. Окна, двери и стены дрожат от неумолкаемого гула выстрелов. Это сплошной непрерывный гром, ни на секунду неумолкаемый. Сейчас мы все лично переживаем то, что где-то читали. Я пишу, а окна дребезжат. Но что же дальше будет? Кто, в конце концов, останется жив, куда прятаться. Выселяют почти со всех улиц прилегающих к порту и Пересыпи. Очень боюсь, как бы не полопали стёкла и мы можем остаться с открытыми окнами на зиму. Но где враг? Гром всё усиливается, больше не могу писать.

2/9. За эти прошедшие дни было сравнительно тихо. Вчера я даже принял прогулку в Аркадию. На море стояли военные суда, и одно из них стреляло в сторону Лузановки, остальные около Аркадии мирно отстаивались. Весь мой путь порос обильным бурным бурьяном. В некоторых местах почти с трудом проберешься. От обильных дождей и вообще благоприятной

погоды вся зелень сильно разрослась. Было замечательно тепло. Я нарвал букет полевых цветов. По дороге просвистело мимо меня несколько пуль. Откуда они не пойму. На всём пути я не встретил ни одной души, но все приморские домики и дачи забиты людьми. Многие устроили себе в скалах щели, обезопасили себя. В отношении безопасности здесь гораздо спокойнее, чем в городе. Да и живут здесь, по-видимому, не плохо: ловят рыбу, много курей у всех гуляет вокруг дома. У некоторых имеются небольшие огороды. В самой Аркадии появились два немецких самолёта. Прямо напротив меня, на небольшой высоте, они летели не спеша. Тут же началась ожесточённая бомбардировка, снаряды рвались вокруг них, но они спокойно продолжали свой полёт по направлению в город. На берегу у ручейка толпы людей с ведрами, кувшинами и бутылками набирали воду и везли в город, т.к. наша теперешняя вода для питья и употребления совершенно не годна.

7 ч. вечера. Только что нем[ецкие] самолёты сбросили бомбу. Часть трёхэтажного дома до основания разрушена, из соседних квартир с обнажённых стен торчит мебель, на одном этаже шкаф, ниже этажом кровать. Жуткая картина. Говорят жертв нет, успели все жильцы выехать. Положительно нет спасения от этих бомб. На Канатн[ой] тоже сбросили небольшую бомбу. Видел, как одну старую женщину подсаживали в грузовик, всё лицо ей было в крови.

3/9. Говорят, что ещё в двух местах были сброшены снаряды и есть много жертв. Сегодня отвратительно холодная погода, я надел пальто. Небо хмуро-неприветливое, вдали снова слышится неумолкаемый гул. Вот уже около месяца немцы топчутся вокруг Одессы. Чуть ли не каждый день нам всё кажется, что настанет решающий для нас день, и эта пытка неизвестности продолжается без конца.

Сейчас ровно 8 ч. вечера. Сажу с открытыми окнами. Гося лежит на диване, изредка переговариваясь со мной впечатлениями и разн[ыми] сплетнями сегодняшнего дня. Мы как приговорённые прислушиваемся к каждому шуму и гулу. Не гудит ли вражеский самолёт, не повторится ли и сегодня вчерашняя катастрофа. В нашем доме мы одни спим на втором этаже, остальные разъехались кто куда.

4/9. 1 ч. ночи. Прошлую ночь я дежурил во дворе с 12 ч. Чьи-то тяжёлые снаряды пролетая свистели и со страшным гулом разрывались. Такой дьявольский концерт раздавался несколько часов подряд. Кто стрелял, и кто отвечал так нам неизвестно. Вот и сейчас раздаются где-то ужасные взрывы, даже слегка вздрагивает пол под ногами. Вот вдруг слышится где-то знакомый гул мотора, это самолёт. Но чей? Напрягаешь слух, хочется скорей узнать, вот он приближается, уже над головой гудит. Но зенитки молчат, значит наш, вздыхаешь облегчённо. Иной раз фантазия рисует ужасную

картину, кажется, летит снаряд, попадает в наш дом, а он рушится как карточный домик и хоронит тебя всей своей тяжестью.

Говорят, прибывают морем новые подкрепления, Одессу сдавать запрещено, значит, бой в городе неминуем. Что-то будет? Ко всем переживаемым прелестям наступило резкое похолодание. О продуктах питания я и не пишу. Началась почти голодовка. Говорю почти, т.к. дают по 400 гр[амм] хлеба и пока больше ничего. Базары совершенно пусты. Привозят к нам мешок картофеля, немного синих, помидоров, морковь и всё. Люди стоят в очередь с 4 ч. утра и ожидают до 12-1 ч., собирается толпа, которая всё время, не уставая, друг с другом ругается из-за очереди, давка ужасная, и чтобы получить кило[грамм] овощей нужно потратить несколько часов времени и перенести массу оскорблений. Только русский человек в состоянии выдержать эту пытку. Разве моё перо в состоянии описать, какие страдания переживает всё население. А ведь всему этому и приблизительно конца не видно. Не придётся ли и нам по примеру Парижа ловить кошек и есть их. Уже почти 12 ночи, а гул разрывов ни на минуту не умолкает. Уже сколько времени без перемен.

6/9. Только что пережили отвратительные моменты налёта самолётов. Жуткое непередаваемое чувство. В 8 ч. послышался гул самолётов. Я немедленно с Тосей спустился в подвал, но в это время просвистел пущенный самолётом снаряд, и я почувствовал на своём лице, как меня обдало воздухом. Недалеко грянул разрыв. Мы выскочили в подвал, и там была слышна дьявольская канонада всех зениток и взрывов. Когда всё утихло я выполз из своего убежища, вышел на улицу и увидел огромное зарево пожара в сторону Лермон[товского] переулка. Горело и одновременно что-то разрывалось. Очевидно, снаряд угодил в склад боевых припасов. Четыре раза возобновлялась канонада. Утром сегодня в 9 ч. я проснулся от сильных выстрелов, бросился к окну и сразу увидел 2 самолёта и услышал 5-6 жутких свистов. Вчера мы всю ночь провели в подвале.

Была перестрелка. Неприятель через нашу голову посылал снаряд за снарядом, и где-то со страшным грохотом ударяло. От одного такого удара наш дом весь задрожал, казалось, приближался наш смертный час. Сегодня был в городе, и рассказывали, что во многих местах были сброшены бомбы. Сейчас после часовой передышки изредка раздаются оглушительные выстрелы. Нервы у нас всех натянуты до крайности.

Сейчас 10 ч., выстрелы усиливаются, оставляю писать – невозможно.

7/9. 6 ч. вечера. Сегодня утром в 5¹/₂ ч. мы услышали шум герм[анских] самолётов, едва мы оделись и начали спускаться с лестницы, как услышали отвратительный знакомый нам свист самолётных бомб. На меня в лицо пахнуло небольшой струёй воздуха, и тут же мы услышали страшный

оглушительный взрыв. В нашем погребе мы слышали непрерывный свист бомб. Казалось, им конца не будет, окна вот-вот все лопнут. Наконец всё утихло, но через несколько минут опять загудело в воздухе и опять налетели самолёты. Такой бенефис продолжался четыре раза.

Утром я пошёл на место катастрофы. Угол Троицк[ой] и Канатной очевидно было брошено 4 бомбы, т.к. пострадало пять домов включительно. В одном месте видна кровь. Громадное дерево срублено у корня и отброшено далеко в сторону. Провода оборваны. Вокзал весь разрушен. Бомба угодила прямо в крышу левой стороны.

Одни развалины. Пьедестал Т. [Томаса] разбит на три части. В ограде огромный тополь буквально вырван с корнем, и тут же лежала убитая кошка. На Белинской второй раз упала бомба, на большом расстоянии выворочена мостовая. И во всех случаях вокруг на целые кварталы выбиты стёкла. Я под таким впечатлением всего виденного буквально удрал на берег моря. Погода сегодня чудная, даже жарко на солнце. Я там пробыл 4 часа, купался, вода холодная. Я отдыхал и телом, а главное нервами. Тишина замечательная и на всём берегу я был только один. Слышал шум моторов, вдали выстрелы зениток, но всё это как будто меня не касалось. Если бы я был один, кажется, остался бы до конца назревающей катастрофы. В городе положительно негде спрятаться. Сейчас, когда я пишу эти строки, снова начался неумолкаемый гул пушек со стороны Пересыпи. На улицах всюду снова в большом количестве появились гружёные подводы с беженцами. Но куда ехать? Город окружён. Правда остаётся ещё один выход. Это открытое ещё море. Но это опасный путь, некоторые пароходы потонули. Стрелка быстро подвигается к 7-ми. Это время почти обычного налёта самолётов, все трепещут в ожидании наступления сумерек.

В 4 ч. дня самолёты бросали листовки. Толпы людей бросались за ними, но были такие, которые сейчас же отымали у них. Но, конечно, ясно, что в этих листовках он не извинялся за причиненные им несчастья. В городе говорят тоже большие несчастья, всего не увидишь, не перечтёшь.

Лёжа на берегу и греясь на солнце, я наблюдал стрельбу броненосца по Лузановскому берегу.

8/9. Разве я сумею описать те прошедшие одиннадцать часов, которые мы все в нашем доме, да и во всём городе, мы пережили с 7-ми часов вечера до 6-ти сегодняшнего утра. Да, ведь это надо обладать пером Толстого или Достоевского. А виденные только что картины разрушений по многим улицам. Буквально кровь стынет.

Как я и ожидал, что немец и на сей раз будет аккуратен со своим визитом к нам. Он появился ровно в 7 ч. вечера и тут же начал свою дьявольскую работу. Свисты, взрывы потрясали и воздух и дома и землю. Наши все соседи

запрятались по обычаю в погреб, а я стоял в подъезде. Признаюсь, я из-за трусости не полез в наше убежище. Мысль что я могу быть раздавленным пугала меня, я предпочёл смерть встретить лицом к лицу. После каждого демонического свиста, который всегда, кажется у твоей головы, я ждал страшного удара и обвала дома. Этих свистов я насчитал до десяти, но потом я сбился со счёту, так их было много. Я сжимался и покорно ждал от судьбы страшного удара, но суровая судьба каждый раз отводила эту руку. Часа в два ночи опять зажужжал самолёт, и я увидел через наши ворота огромный огненный шар, свист, звон разбитых оконных стёкол на всей нашей улице и страшный удар, приблизительно через час снова гудение самолёта и снова удар в тоже место и снова звон стёкол. Оказалось, что фугасная бомба была брошена в быв[шую] Гособувн[ую] фабрику. Сначала я не заметил, что она загорелась, но резкое зарево ея отразилось в нашем дворе и я поднял панику, что горим мы, моментально полезли на крышу и здесь я увидел грандиозную картину пожара. Море огня. Я немедленно побежал на Троицкую. Здесь стояла одна часть пожарн[ой] команды, но тушить было трудно из-за отсутствия воды. Меня заметил конный милицейский и пригласил меня помочь спасти казённое имущество. Я согласился и начал выносить со склада печёный хлеб. Но, боясь вторичного налёта, я, поработав с $\frac{1}{2}$ часа, позорно удрал. Лётчик не ошибся, попав в эту базу военных заготовок, я сегодня проходил мимо и видел огромную картину разрушения и догоравшие остатки. Как я упомянул, налёт продолжался в продолжение 11 ч., с небольшими перерывами. Жутко было слышать это жужжание моторов над головой. Казалось, им конца не будет, и в тоже время свист, взрывы и адский грохот зениток, и, наконец, ровно в 6 часов утра появился ещё только один самолёт, очевидно, полюбоваться своим дьявольским делом, и ещё раз над головой просвистеть и бросить где-то снаряд. Каждый раз между такими мирными антрактами, в середине глубокой ночи при весьма яркой луне, редкие звёзды как крупные бриллианты так мило и приветливо сверкали своей красотой, точно у нас здесь ровно ничего не случилось, и вот после таких очаровательных промежутков опять начиналась адская работа самолётов.

Выходя на улицу, я видел, как некоторые жались у железных столбов, другие меняли свои убежища на более безопасные, как им казалось, перебегая с одного подъезда в другой, ну, а все другие заполнили подвалы своих домов, или в нижних этажах попросту не выходили из своих квартир. При полной тишине и ярком лунном свете громко запел петух. Его одинокий голос раскатился, мне казалось, на все прилегающие кварталы, но ответить ему было некому. Так закончилась и началась драма на рубеже двух дней. Сегодня 8-е, т.е. по старому 28-е августа. С последним взрывом снаряда и первым приветствием петуха ровно

65 лет тому назад, как говорит моя метрика, я появился на свет Божий. Думается мне, что в муках я появился на свет и встретил свой первый день появления, но ещё с большими муками, с растерзанными нервами я встретил сегодня свой 65 день рождения. И снова, как и вчера беспрерывно несётся гул канонады. Приблизительно к часу ночи бой совсем утих, и снова сегодня с утра начался и беспрерывно доносится их гул в наши окна. Вот уже ровно месяц, как немец топчется у нашего порога и никак ему не удаётся переступить его. Снова пришло подкрепление со стороны моря, подкрепления приходят беспрерывно, как говорят, берут и посылают на фронт даже 17-18-летних. Не стану описывать тех разрушений, которые я видел на многих улицах нашего города. Говорят, во всём городе и даже на окраинах, всюду есть большие разрушения. Уже смеркает, часы продвигаются к роковому вечеру, что-то будет этой ночью.

По всем улицам, в разных направлениях бегут люди со своими узлами. Всю ночь, во время налёта грузовики и автомобили, как бешеные, мчались по всем улицам спасаясь от бомб.

9/9. Ночь прошла совершенно спокойно. Население как-то сразу преобразилось после пережитой прош[лой] ночи, но публика всё же удирает куда может. Впрочем, нигде нет спасения, т.к. и на окраинах, на дачах имеются разрушения. У всех на устах только один разговор куда спрятаться. В городе сравнительно тихо, лишь изредка раздаются громовые выстрелы наших военных кораблей на море.

10/9. Ночь прошла в городе почти спокойно, без катастроф. Но всё же почти всю ночь раздавалось гудение неприятельского самолёта, который всё время кружился над нашей головой, и, казалось, как коршун искал своей добычи. Зенитки молчали, т.к. трудно было его обнаружить прожекторами, которые шарили по всему небосклону, но всё напрасно, а он упорно гудел, то приближаясь, то удаляясь и наши сердца в унисон ему то сжимались, когда жужжание приближалось, то облегчённо радовались, когда шум затихал. Всё же, как мы узнали, он нашёл несколько жертв на 12 ст[анции] и ещё где-то на окраинах. Сегодня мы простояли в очереди 6¹/₂ ч. за помидорами и луком, больше ничего не было, а ещё нужно за хлебом простоять несколько часов, так уходит каждый день в очередях, в волнениях и страхе. Разве эти несколько строк, которые я заношу в эту тетрадь, хоть сколько-нибудь дают отражение нашей несчастной жизни? Разве можно всё это выразить словами? Сколько разговоров в очередях, сколько глупейших мнений по поводу войны и их виновников, только теперь убеждаешься в непроходимой глупости, жестокости, даже варварстве этой гнусной толпы. Каждый хочет победы, но сами прячутся по всем катакомбам, каждый дрожит за свою шкуру и желудок, за кило[грамм] помидор, готов перегрызть горло своему соседу в очереди, лишь бы самому

первому получить. В очередях лица озверевшие, с пеной у рта вся толпа доказывает и старается один другого убедить, что он один из первых в очереди, все кричат, один другого не слушая. Мне кажется, что на протяжении всей человеческой истории не было подлее человечества, не было преступнее и глупее, чем за всё время революции и войны. Зато наши газетные писаки и некоторые писатели из кожи лезут доказать геройство народа, даже вплоть до стариков и детей. Читаешь и удивляешься, сколько разлито на бумаге этими безответственными лицами лжи и неправды, и это конечно во всём мире. В Англии Черчилль удивляется героизму русского народа, что он не жалеет своего добра и всё уничтожает уходя, сжигает хлеб, разрушает заводы, уводит скот, строит баррикады в городе, словом герой. В самом Лондоне оказывается жители тоже герои, т.к. выдерживают ежедневную бомбёжку и... молча умирают без протеста. Лихорадочно льют пушки, делают снаряды, летают и сбрасывают бомбы и т.д., словом конца нет героям всего мира.

Если можно было бы прочесть всю мировую печать, то окажется, что весь мир населён одними героями, и всё их геройство состоит лишь в том, что все они день и ночь изготавливают оружие, день и ночь этим оружием (тревога) крошат друг другу головы (ох как на нервы действуют эти тревожные гудки, а где-то вдали слышно гудение). При этом все уверяют друг друга, что именно они самые миролюбивые, самые идеальные, именно они хотят утвердить в мире счастье и справедливость. Каждая газета своего государства с пеной у рта доказывает преступность противника, без устали ежедневно перечисляет все преступления и даже факты. Конечно, противник в долгу не остаётся, тоже сочиняет небылицы, зверства. Один другого уверяют, что каждый из них хочет превратить народ в рабов. Даже по ту сторону земного шара и там взбесились, и с пеной у рта доказывают своё бескорыстное желание помочь оружием, конечно за плату, насадить справедливость. На эту тему можно исписать тысячи томов. Все ломятся в открытую дверь мира, и с оружием в руках, все силятся покончить скорей войну, но предварительно истребив и искалечив миллионы народов. Умнейшие головы мира, гении человечества, залезли в кошмарный преступный тупик и не в состоянии разрешить задачу, и придумали один лишь выход для народа: крошить друг другу головы, а мы в сторонке будем наблюдать и подбадривать их и для большей храбрости будем спаивать их спиртом и раздавать разн[ые] побрякушки, чтобы они носили на видном месте – на груди, и чтобы они все видели, и все преклонялись перед таким героем, который раскрошил несколько голов, удачно бросил бомбу и тем отправил несколько десятков мирных людей на тот свет, а третий пустил пароход с пассажирами ко дну и так без числа.

12/9. Вчера враг, пользуясь большою низкою облачностью в продолжение дня, сделал несколько налётов на город. В 2 ч. дня сбросил бомбу в порту,

видны были издали огромные клубы дыма, вздымавшиеся к небу. В 4 ч. я стоял в очереди за хлебом. Вдруг страшный взрыв недалеко, где-то в конце Ново-Рыбной. В это же время были брошены бомбы на углу Пушк[инской] и Н[ово]-Р[ыбной] ул., Риш[ельевской] – Н[ово]-Р[ыбной] и говорят во многих местах.

После вчерашнего осеннего, холодного дня, сегодня чудесная солнечная и тёплая погода. Я с утра предпринял свою обычную экскурсию по городу. Заглядывал в открытые окна некоторых разрушенных и полуразруш[енных] домов. В некоторых комнатах вся мебель перевернута, окна выдернуты. Но в некоторых учреждениях ещё мирно висят портреты наших вождей, молча глядящих на разрушенные стены и на всё уничтоженное вокруг. Был в парке. Лишь очень небольшую часть осмотрел, но, что здесь творилось, трудно себе представить. Масса громадных воронок. Есть огромное дерево, вырванное с корнем. Многие деревья буквально искрошены, поломаны, вырваны. Очевидно, раньше здесь была стоянка военных, но сейчас никого нет. Тишина гробовая, чудесная зелень, деревья с позолотевшими листьями, вдали блестит лазоревое море, я не встретил ни души, только я один, любитель нашёлся в такое время гулять. Бомбовозы целой стайей летят над головой, но на фронт ли они несут свои подарки. Сегодня где-то бросили бомбу.

13/9. Ровно пять по полудни. В этот момент раздаются страшные взрывы где-то далеко, вероятно в порту или в центре. Зенитка слабо стреляет. Где-то на позициях гулко раздаются громовые выстрелы, даже стёкла дрожат. Мы, одесситы, сидим точно в мешке и ровно ничего не знаем, что делается вокруг Одессы. Газета молчит и печатает одни лишь эпизоды. Наши сдали Чернигов. Вот уже сколько времени наше положение без перемен. Ежедневное напряжённое ожидание чего-то ужасного. Каждый в животном страхе за свою жизнь, или быть искалеченным, что ещё ужаснее. Каждый день всё кажется, что неприятель, вот-вот, ворвётся в город и начнёт резать жителей, не спрашивая ни возраста, ни пола. Наши газеты вот уже два месяца изо дня в день пишут о необычайных зверствах немцев, которых и не перечесть. Конечно, немцы не остаются в долгу и у себя строчат всякие небылицы про нас. Так уж на роду написано, чтобы своего врага хулить, на то он и враг.

Но мне кажется, что у наших одесситов больше злобы друг к другу, чем к немцам. Стоит на минуту остановиться и прислушаться к той отвратительной руготне, которую изрыгают стоящие в очереди, один другому желают, чтобы разорвала бомба. Нет! Писать не могу, просвистела бомба. Ухожу.

Снова настала тишина. Ни звука в воздухе, надолго ли. Говорят, то немец на парашюте спускает бомбы и уничтожает, чуть ли ни целый квартал. Где же прятаться. В нашем погребе-сарайе. Это могила, в подъезде – быть похороненным под камнями, оставаться на улице, быть искалеченным

осколками или силою воздуха убитым. Говорят, кому-то воздухом оторвало голову. На дачах и окраинах та же история.

17/9. За эти прошедшие три дня я не имел возможности писать, т.к. всё время был занят по устройству щели напротив нашего дома. Инициатором этого дела был я, один из соседей имел возможность привезти материал, т.к. в его распоряжении была лошадь. Начали мы рыть щель с 14-го и лишь вчера закончили. Нелёгкая эта была работа, натёр себе на руке порядочные пузыри. Глубина щели $2\frac{1}{2}$ метра, а в длину 15 шагов. Но наша публика как-то неохотно туда лезет, очевидно, потому что уж больно напоминает могилу, все предпочитают прятаться в погреб, в подъезд, и непременно все вместе. Уж действительно оправдывается русская пословица, что на миру и смерть красна. Между прочим, в это время, когда я пишу эти строки, гул выстрелов беспрерывно раздаётся уже гораздо ближе. Неприятель начал обстреливать город, редким огнём все части города. Вчера часов в 8 вечера, снарядом в д[оме] 40 пробил крышу. Сегодня ровно в 7 утра он послал несколько снарядов в наш район, где-то близко.

Тринадцатого числа только я хотел закончить свой дневник, как вдруг мы услышали шум неприятельских моторов. Я вышел на улицу. Немецкие бомбардировщики медленно плыли высоко под чудесным ярко голубым сводом неба, покрытым белыми барашками облачков. Вот медленно, не спеша, проплыла одна тройка самолётов, вот ещё четыре, а там, вдали плетётся ещё один. Сколько их было трудно выяснить. Зенитки бешено их обстреливали, снаряды рвались вокруг них, то вспыхивали огненным блеском, то показывался чёрный дымок взрыва. Но они всё дальше плыли, точно все эти выстрелы были не по их адресу. Начались взрывы. Было около 8 ч. вечера. Тося и я поспешили стать в нашем первом этаже у входа под лестницей. Вдруг раздался невероятный, страшный свист и адский грохот. Наш дом как будто подбросило, все стёкла, какие ещё остались целы от первых двух взрывов, со звоном полетели. Дверь у нашего входа сорвалась и нам всем стоящим под лестницей, казалось, что настал последний момент жизни. Некоторые из женщин от страха стонали, Тося молча молилась, я с каким-то тупым чувством ждал...

Но вот прошла минута, другая, всё стихло. Первым делом я вбежал в нашу комнату проверить самое больное место: это оконные стёкла. Оказалось, что ещё 4 стекла разбилось. Часы сдвинулись с места и остановились на цифре 8. В кухне целый хаос. Полка с разной рухлядьёю слетела на пол и разбилась. В это время прибежал какой-то военный с улицы и начал кричать, что в комнате горит свет. И действительно у соседки от сильного взрыва выключатель повернулся и зажгёт лампочку. Я оторвал замок и потушил свет. На улице выяснилось, что бомба наверно весом с тонну, упала как раз посреди двора, вырыла колоссальную яму, все здания вокруг разрушила,

исковеркала, и даже на прилегающих к дому улицах вырвала в окнах рамы, в квартирах попереворачивала мебель и вообще много бед натворила. К большому счастью все жители внутреннего двора были в подвалах и счастье, что бомба упала не на здание, т.е. все уцелели, только несколько легко ранило. Вся эта катастрофа разразилась меньше чем в $1/2$ кварталах от нас, приблизительно в третьем дворе от нас. Вот что и дало толчок к рытью щели. В этот злополучный вечер говорят, что во всём городе и на всех окраинах были большие разрушения. 14 и 15-го были дни спокойные, не считая одиночных налётов, где-то в городе. Налёт на наш город, как говорят, был ответом на налёт наших бомбардировщиков на Бухарест. Словом славные культурные дела делаются нашими всеми мировыми правителями. Впрочем, какое им дело до истерзанных ни в чём не повинных граждан, женщин и детей. Самое ценное у них это их идея, она должна восторжествовать, во что бы то ни стало, хотя бы ценою десятков миллионов невинных жертв, во имя вот этой самой идеи, которой никто не понимает даже в отдалённой степени. Спросить не только первого встречного на улице из-за чего ведётся истребление народов, но даже, если опросить каждого в отдельности, то получилось тысячи разных мнений и пониманий и это относится в равной степени ко всем странам. Все народы жаждут только мира, но их правители, не смотря на их гениальные головы, не в состоянии развязать этот всеевропейский гордиев узел. А посему, дорогие граждане, выручайте нас своею кровью и головой. Решение вопроса в духе нашего времени. И в самом деле, не даром же народы последнее двадцатилетие трудились денно и ночью в поте лица над орудиями самоистребления и их во всём мире столько понаделывали, что, наконец, настало время и испробовать на собственном теле.

Рассказывают, что в поле, недалеко от Одессы, женщины собирают помидоры, картофель и проч[ие] овощи. Бывают часто случаи, когда залетающие пули убивают, но работницы не обращают внимание и продолжают свою работу. Попросту все оступели или привыкли к ежедневным сюрпризам войны.

Эту запись я веду в продолжение всего дня. Кончали ещё кое-какие мелочи в построенной нами щели, не один раз приходилось в неё прятаться и изнутри ея слышать ужасный свист брошенной с самолёта бомбы. Ну, а раздающийся гул выстрелов то сливается в один сплошной гул и кажется в такой момент, что враг уже в городе, то сразу выстрелы стихают и раздаются лишь одни одиночные.

Вот опять пришлось прервать своё писание и удирать в щель. Сейчас ровно 7 вечера и в продолжение одного часа, т.к. я начал писать в 6 ч., три раза улепётывал. Только что сообщил нам один гражданин, что бросили на Мясоедовской и попали в один дом, и вторую прямо угодил в щель. Для нас,

строивших щель, хорошее утешение, но один из граждан объяснил нам, что это был садик, и там укрывались военные. Нам стало легче. Опять удараю.

18/9. 1 ч. дня. Я вчера закончил своё писание последним слово – «уди-раю». Так оно и было. Едва я добежал до щели, как над головой загудели вражеские моторы, заработали изо всех сил разнокалиберные зенитки, начиная от самых слабых и кончая громовыми ударами, как тотчас послышался знакомый и преследующий нас свист. Мы почувствовали сильный толчок, и воздушное течение пробежало через нашу щель. Свист и взрывы с небольшими перерывами продолжался. Наконец мы услышали 4 подряд свиста и взрывов, земля дрожала. Мы, находящиеся в щели, как живые в огромной коллективной могиле, молча, с биением сердца, прислушивались, и всё ждали очередных взрывов. Иногда подымался плач детей, громкие вздохи и причитания, но сидящие требовали молчания, и воцарялась абсолютная тишина во мраке нашей могилы. Эта дьявольская какофония длилась вплоть до 6-ти часов утра сего дня. Трудно было пересчитать свистов, бросаемых немцами бомб, но полагаю, что не меньше 20-ти. В продолжение одиннадцатичасового сидения в абсолютной темноте, в неудобном сидячем положении и тесноте ломило спину и ныли ноги, да и притом желудок всё таки требовал пищи. А где её взять. Получаемые 400 гр[амм] хлеба чернее ночи, а по вкусу и придумать хуже нельзя, больше ничего и нет. Тося варит стандарт[ную] бурду, коего съедаешь одну тарелку за весь день. Утром чистый чай с хлебом, а вечером идём спать и без оногo. Я говорю: идём спать. Ведь последнюю неделю фактически мы и не спим. В щель приходится днём забегать по десять раз. Постоянно тревога, то отбой, нужно быть всегда начеку. Ещё дней 7 тому назад, как-то было лучше, я неизменно занимался немец[ким] яз[ыком]. Читаю и перевожу, а в последнее время и этим нельзя заниматься. Все мы толчёмся с раннего утра до другого утра по двору, в подъезде или на улице. Тема конечно одна и та же: бомбы, тревога и так без конца, не умолкая. Плюс ко всей этой кошмарной обстановке это штук 13 детей, да каких крикливых и капризных, ещё плюс пять отъявленных бабьих языков. Да каких! С утра до поздней ночи раздаются брань и ссоры с пеной у рта ещё плюс голодная корова беженки с тремя детьми. Эта корова с утра и до вечера мычит на разные тона, а ея ребята почти не умолкая ревут. Плюс ещё к этому четыре голодных колхозных лошади. Они бьют яростно копытами в конюшне, изгрызли половину доски у стойла и вот весь этот концерт-симфонию из разных голосов и тонов приходится буквально целый день терпеть. Особая программа это утром и вечером, во время доения коровы. Несчастливая корова, которую кормят помоями из кухмистерской, количество молока уменьшила до минимума, и вот во время делёжки этих капель начинается хор из исключительно женских глоток.

Корова в это время молчит, а лошади умолкают топать и грызть, боясь вероятно нарушить настоящий шабаш ведьм. Но я отвлекся от своей темы.

В продолжение всей ночи два раза я пробовал пойти к себе в квартиру и лечь в постель. После первого раза я был разбужен, чем-то, казалось мне ужасным. Я едва сумел натянуть свои брюки и пальто, мне казалось, что рушится дом, я выскочил, но всё уже было тихо. Вдали лишь жужжал мотор, звёзды блестели, да холодным порывом откуда-то несло гарью. Где-то горело. Через полчаса я снова разделся и уснул, повторилась та же история, и я уже вплоть до 6-ти утра сидел в щели. Немец[кий] самолёт всё время где-то недалеко парил и словно хищник выглядывал свою злополучную жертву, и снова мы слышали уже одиночные свист и взрывы недобитых ими домов. В шесть мы выползли на свет Божий. Совсем рассвело. Одиночные лица спешат в очередь за хлебом, жмутся к стене, но раздаются выстрелы и они как стая птиц вмиг разбегаются. Ещё один появился запоздалый вражеский самолёт, бросил бомбу и исчез. Но вот и наши самолёты появляются, кто-то съязвил: «появились наши орденосцы». И в самом деле, наши самолёты заканчивают свои полёты над городом к 7-ми часам вечера, и сейчас же появляются хозяйничать немцы, работают до утра и улетают, сейчас же появляются наши.

Конец первой тетради.

* * *

18/9. За это время, когда я пишу эти строки, уже три раза была тревога и отбой. Сейчас тревога.

Два часа тому обратно я сделал небольшую экскурсию, всего несколько кварталов, начиная с уг[ла] Ремесленной и Успенской, вплоть до парка по Успенской ул. На этом небольшом промежутке расстояния разрушено более 10-ти домов. Стоит ли описывать всё виденное мною? Это сплошной ужас и смерть. Разрушенные многоэтажные дома, вырванные с корнем деревья, а многие стоят совершенно без листьев с поломанными ветвями, изуродованные трамвайные рельсы. На углу Ремесленной и Успенской бомба упала на мостовую, не задев рельс, но глубина воронки такая, что рельсы на большом расстоянии совершенно висят в воздухе, напротив, в огромном доме окна и двери вырваны, а в квартирах всё переверочено вихрем воздуха. Недалеко от парка, здесь особенно много было сброшено бомб, пострадал весь квартал и быв[шая] 3-я гимназия. Через вырванные окна видно всё имущество, очевидно уже бежавших хозяев. Одежда постель, подушки и вообще всё добро переверочено, исковеркано и разбито. В училище потолки обрушились и лишь одни портреты ещё висят улыбаясь. Ограда парка на большом расстоянии разрушена, а деревья обнажены и поломаны; вдали виднелся яркий цветник

петуний. Меня тянуло в парк, но признаться я побоялся. Как удивительно меняется погода. Когда я возвращался со своей прогулки, было очень жарко, и я жалел что надел пальто, а сейчас я сижу в пальто и пишу. Небо покрыто тёмными осенними тучами, дует холодный ветер, а в квартире так грязно, так неудобно. На подоконнике валяются битые остатки стёкол, на полу песок, который потоком занесло нам за ночь, цветы стоят в беспорядке на полу, так потоком воздуха их однажды свалило с окон, постель разбросана, собранные узлы кое-каких вещей стоят по углам, словом, картина отвратительная. Почти рядом, через дом, где бомба разрушила огромное здание, есть парикмахерская, через разбитое окно вижу, как какой-то гражданке делают маникюр. На углу собирается длинная очередь за овощами, и уже заранее громко пререкаются. Трамваи почти нигде не ходят, повреждены линии. На улицах пусто, как в деревне, у некоторых домов жители спешно грузят свои пожитки и куда-то уезжают. Но где это счастливое место, где можно было укрыться? Его нигде нет.

Я поглядываю на часы. 3¹/₂ ч. бьют. К 8-ми будет темно и снова тревожно. В комнате холодно. 8-мь стёкол в окнах разбито, а осень быстро наступает. Хорошо, что нет малых детей. А какой ужас сейчас с детьми. Есть нечего или очень скудно, все квартиры без стёкол. Удивительная сейчас тишина, словно ничего не было, выстрелы вот уже с час прекратились. Нужно правду сказать, что наши войска крепко противостоят немцам, и им не так легко будет справиться с нами. Наши отступили от Кременчуга. Возможно, затишье наступило от того, что наши самолёты, около 70, полетели на фронт, и возможно их разбили. Так говорят очевидцы. В город я не решился пойти, но говорят, что всюду колоссальные разрушения, даже на всех окраинах города.

19/9. 10 ч. утра. После всей бессонной, весьма тревожной ночи, пьём чай с чёрным чёрствым хлебом – снова под аккомпанемент громовых орудий, очевидно немец снова подошёл. Во время нашего «завтрака» произошёл воздушный бой, наших три самолёта окружили вражеский и куда-то повели. Вчера ровно в 7 ч. вечера по сигналу тревоги мы сели, как говорят в «бест» до 7-ми ч. сегодня [яшнего] дня. Через двадцать минут началась стрельба зениток, и за какие-нибудь ¹/₂ часа просвистело снова 5 бомб недалеко от нас, и снова полетели редкие остатки уцелевших осколков в окне. Начался обычный рёв детей, споры взрослых, набилось много чужого народа к нам в щель до отказа. Всю ночь непрерывно легали вражеские самолёты, сея разрушения и смерть. Сидеть мне было невтерпёж в щели и я, раз 10-15, вылезал из нея в разное время, но не проходило четверти часа, когда надо было лезть в нашу могилу. Иногда казалось, что налёт окончен, мёртвая тишина в воздухе, звёзды мерцают, улицы мертвы, тёмная полоса деревьев виднеется во всю длину нашей улицы, дома угрюмо висят как бы ожидая своей очередной гибели, огромное население

города зарылось в землю, попрятались в погреба, подвалы, где только можно было укрыться от смерти и не спать, и тревожно прислушиваются к приближающемуся гулу враж[еского] мотора, или с облегчённым сердцем слышат постепенно замирающий звук в воздухе. Два, три, четыре часа ночи. В эти часы, где-то одинокий петух пропел своё кукареку, но ему никто не ответил и возможно лишь я единственный слышу его пение. Я стою совершенно одинокий на улице. Глубокая темень. Холодный ветер шевелит ветвями и листьями, земля начинает всё более и более покрываться жёлтыми листьями. В голову лезут разные воспоминания. Я поочерёдно вспоминаю наших ребят, стараюсь представить себе, что, где и в каком положении каждый из них находится. Фаня где-то далеко с ребятами совершенно одинока, в какой же она обстановке, как чувствуют себя дети, есть ли у них всё необходимое для питания? А Сергей? Может быть, и он как мы здесь, сидит в подземелье и думает, одинокий, о своей семье.

Бедный мой вояка Володя, где-то с винтовкой в руках исполняет чью-то капризную волю. Веня одинокий где-то маячит, и, наконец, без вести пропавший Орест с семьёй. Увидимся ли мы? Когда? И при каких обстоятельствах. Будет ли всё благополучно... Но чу! Звуки неясные быстро приближаются, прожектора судорожно шарят по небосклону, вдруг блеснуло ярко белое, поймали в лучах самолёт и медленно ведут его. Вижу, целый снап искр посыпался из него, ещё немного пролетел, ещё больше посыпалось искр, вижу – он снижается, но и лучи прожекторов цепко его держат, пока они не скрылись вдали за крышами домов и утонули. Сбит ли он? Вдруг сразу у меня над головой блеснул луч прожектора, тревожно заметался, к нему ещё присоединились, ярко осветили дома и улицу, грянула внезапно очередь, и у меня дрогнуло сердце от внезапности, и я нырнул в щель.

Особенно ожесточённая бомбардировка была на рассвете в 5–6 часов. Они точно спешили освободиться от своих тяжёлых грузов. То и дело свистело, гремело и звенело. Мы ёжились, женщины громко причитали, дети пищали. Около семи некоторые выползли на свет Божий, после 12-ти часовой отсидки, но не тут-то было, какой-то запоздавший пассажир начал терять свои чемоданы нам на голову. К этому времени наши бомбард[ировщики] и истребители прилетают как бы на проверку, скорее нужно очистить своё поле ночной деятельности, ещё один свист и взрыв, и всё стихло. Через пять минут и даже казалось одновременно, уже парили гордо наши самолёты. Мы их узнаём по их страшному гулу. Вот они мчатся по небосклону давно желанные, мы с облегчённой улыбкой встречаем их, а тут сиротливо и громко ревёт сирена отбой. Всё прошлое забыто. Страшной – жуткой ночи, как не бывало. Вот у ларька спешат люди в очередь за помидорами и вообще овощью, авось,

может быть, сельди привезут. Другие спорят у хлебной лавки из-за очереди. Спорят злобно, хитрят, каждый друг друга хочет надуть и одному из первых получить 400 гр[амм] чёрного, отвратительного на вкус, хлеба.

Сейчас 11, гул не прекращается, только что просвистели тревогу, Тося полетела в щель, я сижу у стола в пальто и шапке, холодный ветер резко дует в разбитые стёкла, иногда застрявшие осколки со звоном валяются во двор... А я сижу и думаю... без мысли, равнодушно и без надежд. Бестолковые одиночные выстрелы раздаются на улице. Гремят по мостовой гружёные снарядами грузовики, а их много, очень много, день и ночь они снуют по всем улицам в разн[ых] направлениях. Чего-чего, а этого добра всегда есть в изоляции для всех, кроме еды...

Ну что ж, не довольно ли писать? Разве выйти на улицу, но на дворе дрянная погода сегодня, кстати, снова отбой. Вот так весь день без толку.

Ровно 6 ч. вечера. Немец редким шрапнельным огнём обстреливает город, в разных расстояниях слышны страшные грохочущие взрывы. В пять я лёг немного вздремнуть, но не мог спать от сильных взрывов раздававшихся где-то очень недалеко. Воздух и вся комната наполнились отвратительным удушливым дымом. Как бы синеватая пелена лежит плотной завесой в воздухе. Кто-то сказал, что в разбросанных снова прокламациях сказано, что если не сдадут город к 19-му, он разгромит его. Сегодня значит роковая ночь. Или наступают роковые дни. Во дворе неумолчный рёв детей сливается с редким грохотом. Эхо его то приближается, то удаляется. Я сделал маленькую экскурсию на базар за гвоздями, надо прибить фанерой окна. Ришельевская усеяна щелями, люди энергично копают. На базаре кучки людей шныряют кое-что купить. У одной корзины стоит 10-15 человек. Полголовки капусты стоит 7 руб. всюду видны громадные воронки от снарядов на улицах или разрушенные здания. Трамвайное движение окончательно приостановлено. Вчера часов в 9 веч[ера] мы услышали шум и возбуждённые голоса. Оказалось, что беженцев на пароход не приняли, и шофер на обратном пути попросту весь багаж выбросил из своего грузовика на мостовую, и уехал. Люди с отчаяния плакали, а тут свист и взрывы бомб вокруг. Положение не из завидных. В наших бывших монастырях полно беженцев евреев. Странная ирония судьбы. Здания отличаются особой крепостью своего строения, и с глубокими прочными подвалами. Только что сказала Тося, что горит порт, масса вчерашних пассажиров едут обратно в город. Вчера ушёл только один пароход. Невольно вспоминается газетная фраза «Спасибо... за счастливую жизнь». С тоской поглядываешь на часы, стрелка быстро продвигается к сумеркам. Ещё недавно я спал по 12-14 часов, а вот уже третью ночь без сна, днём уснуть трудно.

Темнеет, писать не могу.

20/9. За вчерашнюю ночь приводится сказать немцам «большое спасибо», т.к. она была почти совершенно тиха. Несмотря на то, что хозяевами города фактически они остаются с 7-8 ч. вечера, т.к. наши самолёты от нас ночью улетают, поэтому наш город остаётся в их полном распоряжении. Ровно 8 ч. вечера мы уже сидели в своём узком окопе. Первые четверть часа, конечно, было бурно. Публика с ссорой и бранью занимала места, дети как обычно ревели, их пинками унимали, но они ещё пуще кричали, какую-то гражданку выселяли с её занятого места, т.к. она была с другого дома. Тут завязалась настоящая свалка: ругательства с пожеланиями на голову нам всем бомб и прочих добродетелей нам не жалели. Наконец сразу наступила мёртвая тишина. Мы все сидели на скамейке точно в театре. Но там публика в ожидании появления артистов напряжённо пялила свои глаза на занавесь, которая скрывала сцену и артистов от нас. Конечно, занавесь была ярко освещена, а публика могла свободно разглядывать друг друга. Совершенно иная картина и обстановка представляла нашим зрителям. Мы сидели в абсолютной темноте, наши глаза видели один мрак, но вместо глаз наша мысль и слух были крайне напряжены. Мы мысленно представляли себе нашего артиста, появление которого старалось уловить наше ухо. Мы напряжённо ждали его. Не больше 15 минут длилось наше ожидание, слух уловил лёгкое далёкое жужжание, которое с каждым мгновением становилось всё явственнее. А мысль в это время работала вовсю. Она представляла себе какое-то незнакомое существо, которое внимательно всматривается в темноту и что-то ищет, зрители, с волнением и подавленными вздохами, ждали самого главного для них, самого страшного, это – свиста и несколько мгновений взрыва, и, когда наш невидимый артист завершал трюк без вреда для слепых зрителей, то вместо бурных аплодисментов мы внутренне восхищённо радовались, что он нас не заметил. Итак, ожидание прошло не больше 15 минут, как вдруг раздалось, так мало уважаемые нами, два последовавших за ним взрыва, даже без предварительного такого обычного аккомпанемента, как зенитки. Антракты ночью были очень большие. Над нашими головами пролетало много машин, их встречали приветственными залпами и довольно сильным гулом, от которого земля гудела, но он, почему-то, в нашу сторону не обращал никакого внимания. Три томительных часа я просидел в нашем чистилище, здорово промёрз, т.к. здесь порядочно сквозит, и решил идти домой спать. Признаюсь, в последнее время, насмотревшись солидных воронок и многоэтажных зданий, обращённых в груды камней и мусора, моя хваленая храбрость испарилась. Раньше я совершенно раздевался без предисловий в постель и, только в случаях приличных выстрелов, я поспешно одевался, чтобы удрать. Сейчас уж не то. Сначала я лёг совершенно одетый, и при малейшем гудении тревожно подымал голову, так прошло до 12-ти, наконец,

я набрался храбрости разделся и нырнул в постель. Но через 15-20 минут я снова услышал гудение мотора, но я твёрдо решил с постели не вставать.

Правда, я с замиранием сердца прислушивался к приближению самолёта и приблизительно определял, в каком он месте находится, но, к сожалению, мне всё казалось, что все неприятельские самолёты непременно находятся над моей головой. Признаюсь также, что я набожно крестился под одеялом, всякий раз, когда опасность надвигалась... Сейчас летят самолёты и стреляет зенитка. Я каждые полчаса слышал бой часов, так длилось до 4-х утра. В это время пришла Тося, не выдержав окопного холода и сырости, вся промёрзла. Но, улёгшись одетой, снова услышали самолёт, но я её уговорил не уходить и лежать спокойно, русский – авось вывезет. Так продолжалось до 7-ми утра, когда мы услышали знакомый нам шум наших самолетов, и мы крепко уснули.

Час дня. Я только что пришёл с моей дальней вылазки в город. Я прошёл часть Екат[ерининской] ул., она как обычно, не в пример другим улицам полна движений. Главным образом грузовиками, которые беспрерывно мчатся в обе стороны. Вся улица заволочлась гарью от взрыва снарядов, посылаемых кажется с берега Дофиновки в город. Затем прошёл почти всю Преображенскую. Несколько домов разрушено, но не так много, как говорили. Дерibasовская почти вся в развалинах, несколько домов уцелели. Когда я шёл, всё время обстреливался город в разных направлениях. Лишь только я дошёл до угла Дерибасовской и Ришельевской раздался свист, а затем разрыв снаряда в полу-квартале от меня, около гор[одского] театра. Я видел как посыпалась штукатурка соседнего дома. Счастье что я ещё находился на Дер[ибасовской] ул. Но самые ужасные разрушения все же только в нашем районе. Начиная от Ремесленной – до парка, по Успенской, очень много домов разрушено, так же по Белинской. Словом десятки домов. По пути всюду повозки с беженцами евреями в порт, я только не знаю, как там можно грузится, когда и порт обстреливается.

2 часа дня. Только что снаряд упал на нашей улице за аптекой. К счастью никого не убило, значит, уже добрался и до нас. Нет буквально нигде спасения. Только что бросили зажигательную бомбу, наш вокзал горит. У трамвая 18 убило снарядом два человека.

21/9. Сегодня с самого утра ярко сияет и греет наше солнышко. Даже жарко. Тем не менее, залетали самолёты противника, где-то бросали бомбы, даже, говорят, был воздушный бой. Как всегда много раз была тревога и отбой. В два часа дня я ходил к берегу. Море чудесное спокойное, так и манит к себе. Всюду видны расставленные на посты бойцы. Стреляют с Лузановки или Дофиновки по всему городу. Люди, идя, жмутся у стен. Хотел берегом пойти в Аркадию, но это опасная затея. Люди толпами жмутся в пустынных краях моря. Все каменоломни и катакомбы заполнены городскими жителями.

Город почти совершенно опустел. Говорят, что разрушения на окраинах ужасны. На кладбище горы трупов, я там не был, за это не ручаюсь.

Сейчас 5¹/₂ ч. вечера. День сравнительно прошёл благополучно. Все всё-таки нервно настроены в ожидании 22 с[его] м[есяца], дата 3-х месяцев войны. Болтают даже, что нем[ецкий] самолёт появится с белым флагом и если в него будут стрелять, то это значит, что Одесса не сдаётся. Не досужая ли это фантазия. Правду сказать все, или почти все, хотят поскорей какой-нибудь развязки. По улицам ловят всех, кто попадёт под руки, и посылают на военные работы. С нашего двора попались две беженки. Одна из них рассказывала, что они очищали огромное поле для аэродрома. Вчера вечером лишь только наши невольные слепые зрители заняли свои обычные места, как ровно в 8 ч. появился наш знакомый гастролёр и сразу начал свою жонглёрскую работу, за которой последовало несколько взрывов. Я только начал пить чай. От грома и шума я невольно бросился к выходу, но цветные пули указывали путь, что самолёт уже улетел. Я вернулся заканчивать свой чаевой ужин, но, едва я закончил, меня снова застала в комнате канонада и свист. Я немедленно отправился в свою дыру. Пришлось простоять в ней часа два. Было совершенно тихо. Я выбрался из неё, побыл немного на улице, полюбовался звёздами и решил пойти в комнату спать. Выспался прилично, хотя говорят, были ночью налёты.

22/9. Сегодня знаменательный день. Ровно три месяца начала этой настоящей бойни, а результаты пока для нас весьма плачевны: радио передало об оставлении нами Киева.

Что касается наших одесских событий, а вернее нашего небольшого района, т.к. мне нет возможности видеть события всего города, то они таковы: к 8-ми часам наша дворовая публика, как обычно заняла свои места, запасшись для ребят водой и проч[ими] необ[ходимыми] предметами.

На этот раз программа наших «воздушных артистов» несколько изменена. Неожиданно, без большого шума и эффекта зенитки, посетители сбросили в нашем районе приличное количество зажигательных бомб. В конце нашего квартала на крыше большого дома начало гореть, но один из граждан немедленно влез на крышу дома и оттуда сбросил горящую массу, благо она упала только на карниз. Таким образом, наш квартал не пострадал. Все же я полез на крышу нашего дома убедиться в благополучии. Отсюда, с высоты я увидел огромное зарево пожара сразу на 2-3 улицах, приблизительно уг[ол] Ремесленной и Троицкой, а затем в сторону базара. Всё небо пылало от зарева пожаров. Кроме того, опять в районе Троицкой были сброшены бомбы. После этого наступила полная тишина, вплоть до утра. Часов в 11 я пошёл посмотреть на места пожарищ. По Канатной ул. уг[ол] Троицкой ещё горел Евр[ейский] музей. На улице валялись старинные книги, бюсты еврейского

типа, очевидно знаменитые люди, картины и многое другое. Внутри в комнатах ещё горело, ещё висели и пылали разные портреты, тут же стояли пожарные и рассматривали разные предметы. Пожарные рукава были пусты, а пламя доканчивало свою работу. Нет воды. За углом ещё дымился табач[ный] склад, который своим огнём зажёг своих соседей с обеих сторон. Люди из обгоревших обломков спасали свои остатки. Иные повывтаскивали свои пожитки на обочины тротуаров. В этом же районе, и так уже очень пострадавшем, ещё прибавилось несколько разрушенных домов и огромных воронок. Всю ночь дым окутывал все прилегающие улицы и залезал в открытые окна. Я зарылся под одеяло, чтобы избежать дышать дымом.

Право, нет большего разорения от пожаров, колич[ество] разрушенных домов, как в нашем районе. Враг словно облюбовал его и после каждого своего визита оставляет страшные следы опустошения. Был я также и на Привозе. Почти все деревянные рундуки сгорели. Ещё дымятся груды железных и жестяных товаров: гвозди, замки, лопаты, духовки, краски и многое другое, что не смогло сгореть. Вот где можно было наблюдать людскую жадность и низость. Эта гнусная толпа, вероятно, с раннего утра, копошилась ещё в дымящихся остатках разн[ых] железн[ых] предметов. Каждый выискивал, что ему больше нравилось. Одни набирали себе гвозди, другие замки, бабы сковороды, одна из них краски. Немногие благоразумно отплёвывались от этого омерзительного зрелища. Фруктовый пассаж наполовину сгорел. Огромная масса лука и овощей полусгорели. На улицах видно небывалое количество кошек, исхудавших и еле передвигающихся. В парикмахерской наши «дамы» продолжают делать маникюр.

С утра была слышна сильная канонада, казалось, что идёт наступление. Но скоро всё прекратилось и вот уже 4 ч. по пол[удни] полная тишина. Без выстрелов. Говорят, что прибыли новые ночные бомбардировщики и будут ночью охранять город. Пора бы!

5 ч. дня. Человек половины (почти) двадцатого столетия не может пожаловаться на скуку, однообразие жизни, отсутствием интереса и т.п. Жизнь бьёт не ключом, а целым бурным потоком. Мысль ежеминутно напряжена, перед каждым не одна соня разн[ых] целей, успевай только за ними гнаться, и каждая из достигнутых целей доставляет каждому удовлетворение, правда минутное. Разве можно сравнить прожитые 24 года в Советской стране, с 24-ю годами до Советов. Это два полюса. Беда лишь том, что одна часть населения тяготеет одному полюсу, другая – к противоположному, и каждая из них имеет свою специальную, корыстную цель. Одна часть хочет жить мирной, трудовой, честной жизнью. Использовать свой личный труд для своего блага и его семьи. Другая, нафаршированная и расфаршированная бурлит и лепечет

с чужих слов о каком-то счастье, а пока что живёт на горбе всего трудового народа и силится загнать его в такие рамки, в такой тупик, откуда выхода нет. Прожитые 24 года наглядно показали всю фальшь проповедуемых идей. Нас загнали в такой тупик, вряд ли история может указать нам хоть тень подобного. Экзамен, который мы держим ровно три месяца, позорно провалился. Буквально нет человека, который мог найти какие-либо оправдания, которые наша страна сейчас несёт, и во имя чего. 24 года мы мечемся как угорелые. Нет, и не было буквально ни одного дня уверенности и спокойствия. Мы пережили гражданскую войну. Тиф. Два голода с тысячами смертей. Сейчас начинается третий голод. Вечная погоня за насущным хлебом. В очередях за прошедшие годы потрачены населением миллионы годов за получением картофеля, сахара и других необходимых предметов, которых в былое время было столько, сколько каждому угодно в любом количестве без всякой очереди и непременной драки и ругани. Это была кошмарная чудовищная жизнь, зажатая в крепкие тиски. И всё-таки, не смотря на всё это, не смотря на яркий провал, всё же есть группа людей, которые с пеной у рта силятся в чём-то уверить, что-то доказать и в чём-то убедить. Есть одиночки, с которыми нельзя откровенно говорить, ибо, само собой разумеется, это – паразиты, которые питаются народным потом и кровью. Они прекрасно отдают себе отчёт, что с ними будет при другом положении. Это никчемные люди, работающие своим ядовитым языком, чем здравым умом и честностью. Конечно, о наших верховных правителях я не имею права худого слова сказать, но их гигантские, сверхъестественные усилия повернуть народ на лучший путь не осуществились, именно благодаря негодьям, имеющимся всюду и везде в изобилии, на всех поприщах труда. Их шкурническая повадка – сладко пожить, выслужиться на доносах и привела к такому печальному началу конца.

Ну, а что касается интереса и отсутствия скуки, то, конечно, наша жизнь несравненно богаче прошлой первой четверти нашего славного двадцатого века. Взять хотя бы сиюминутный момент, когда я пишу эти строки. Сначала была заунывная протяжная тревога на разн[ых] голосах, начиная от самых резких тонких и кончая низких басистых октавах, буквально через минуту в воздухе пулемётный треск, грозное гудение и оказывается бесплатное зрелище воздушного боя. Но могло случиться и так, да и случилось, что сидишь себе мирно, как я вот сейчас, и пишешь, а откуда-то с небес этакая бомба с тонну весом обратит тебя, твой 2-х – 4-х этажный дом в груды камней, и никому никакого нет дела откапывать тебя, а так, подойдут пару зевак, прохожих, молча посмотрят и в лучшем случае скажут: «здорово». Часа два назад я стоял в очереди за газетой. Нужно было видеть и наблюдать эту толпу. Это дикая орда. Это собаки, дерущиеся из-за кости. Поток ругани и

оскорблений сыпется в изобилии друг на друга. Омерзительное и притом ежедневное, в продолжение многих лет, зрелище.

23/9. Ну, конечно, как и оказалось, что когда «говорят, то всё равно, что кур доят». Ровно 6 ч. Вся ночь и весь день облава, т.е. ловили... не собак, нет, а только женщин – на работу баррикад. Не знаю, удачная ли была ловля, но Тося видела, как какого-то старика поймали, а он слёзно умолял отпустить его т.к. ему перевалило за 60 л[ет]. Говорят: Москва слезам не верит. Надо полагать и в этом случае не поверили. Ну, а так всё спокойно. Я пошёл спать в 9 ч. домой. Конечно, это было рискованно. Один момент и был бы памятник нерукотворный из груды камней надо мной. Жильцы дома были до 12-и в щели. Сегодня говорили, что в городе было 32 пожара от зажигательных бомб. Мы в ежедневном ожидании визитёров. Вода в водопроводе окончательно исчезла.

24/9. Мне снилось, что я ел чёрный хлеб и кому-то ещё кусочек дал. Сегодня я пошёл на фабрику и попросил принять меня на работу, т.к. здесь затеяли закончить кое-какую работу по окраске оставшегося сукна. Итак, завтра с 25-го с 8 до 5, я на работе. Сидеть на чечевичной похлёбке мало пользы, а будущее пока что мрачно ввиду надвигающейся зимы, отсутствия денег и продуктов, так что считаю сегодняшний день удачным, ну, а дальше видно будет.

Затем, во время нашего скромного обеда, вдруг получаем открытку от Ореста. Оказывается он с семьёй в Харькове. Получил от Володи письмо, он под Смоленском связист. Веня 1/9 [первого сентября – Л.М.] мобилизован. Сергей очевидно работает.

Значит сегодняшний день дважды счастливый, так и записываю. Каким чудом пришла его открытка, никак не соображу. Очевидно морем, т.к. мы окружены немцами. Ночь и весь день проходят спокойно. Со стороны Дальника гром орудий не умолкает. Когда возвращался с фабрики, видел 5 грузовиков с ранеными. Я прошёл часть города пешком и видел – ещё пылает огонь. Улицы запружены обвалами домов. Пожарные с пустыми шлангами молча стоят. Картина не из весёлых.

Надо сейчас написать Володе письмо, но очень сомневаюсь, чтобы оно дошло.

25/9. Оказывается не так легко поступить на работу. Какой-то гад, как теперь принято говорить, ставит мне палки в колёса. Во всяком случае, я не вполне уверен, что меня возьмут на работу. А так как мои сны всегда точны до мелочей, то и выходит, что я полученный хлеб кому-то кусок отдал. Что сей сон значит? Завтра выяснится, во всяком случае, особенно жалеть не буду, да и нечего жалеть. Работа на фабрике теперь очень опасная, дым из фабр[ичной] трубы идёт, значит идёт работа и влепит бомбочку по первое число, а из-за шума машин и не услышишь, и не успеешь удрать.

Словом, я сегодня работал за тарелку жиденького перлового супа и два перца, пользы как слону муха. В третий раз приходится переживать те же прелести, как и в [19]21 и [19]32 году. Но теперь будет похуже, кажется, первых двух. А зима на носу. Всюду и везде хоть шаром покати, все кормятся своими запасами.

На фабрике куча народу, а всё – бестолочь. Одни роют колодезь, т.к. нет воды. Другие продолжают разбирать машины, паковать и отсылают куда-то в Сибирь, а третьи дорабатывают остатки сырья и чёрное барахло красят. Горе, а не работа. Конечно, при этом многие спасаются от фронта. О патриотизме приятнее всего читать в газетах, а также и громить врага, но доказывать это на фронте, или с винтовкою отражать немца, нет дураков. Это патриотическое дело предоставляется другим, а в особенности это видно в нынешней войне. Каждый спасается, как может, всеми способами. Но все с пеной у рта делают вид, что хотят прогнать немца с нашей земли. Что делается вокруг Одессы, сам чёрт не разберёт. Одни говорят, что немца прогнали и снова взяли Николаев, а сегодня целый день канонада не унималась до 7-и вечера, а потом вдруг настала тишина.

Кто-то, где-то читал немец[кие] прокламации, в которых граждан предупреждают, что до 30-го можем спать спокойно, ну а уж позже – извините, запасайтесь едой и питьём на несколько дней. Правда ли это? Неужели немцы такие джентльмены, что даже предупреждают нас. И откуда такое джентльменство взялось после всех тех ужасов, которые мы пережили. До проверки этого слуха осталось ровно пять дней. Посмотрим!

26/9. Тишина и спокойствие на нашем аэрофронте, вот уже который день, даже в щель наши не лезут. Ну, а там, где-то, всё-таки погромыхивает. Не умолкает. Мои дела на точке. Меня не оформляют на работу, но я работаю второй день, посмотрим, что из этого выйдет. Да и долго ли эта работа будет продолжаться. А денег всего осталось у нас ровно 200. Тяжёлые думы овладевают мною. Хорошо, что ещё не совсем холодно. Написал Володе и Оресту письма.

8 ч. вечера. Ставни наглухо закрыты. Затемнено. Где-то лает передача.

1/10. Ровно 10 утра. Пищу на фабрике, т.к. дома нет света, в комнате холодно и прихожу с работы в 6 ч. вечера, тут уж не до дневника. За прошедшие четыре дня ничего существенного не произошло. Город ни разу самолёты не бомбили, сразу наступила резкая перемена. Говорят, что большое число киевских самолётов прилетело к нам. Это возможно, т.к. наши самолёты летают даже ночью. Что касается залёта снарядов, то это удовольствие мы имеем ежедневно, имеются также и жертвы. Вчера сбили самолёт, сегодня тоже прилетело 4 непр[иятеля], но результата не знаю. В общем, мы как будто стоим на точке замерзания. Со всех фронтов обычные лаконические сведения.

«На всём фронте идут бои». Где немец, что взял, куда идёт, никто ничего не знает, сидим как в мешке или в щели, с закрытыми глазами.

На фабрике производится небольшая работа по окраске разного хлама; несколько станков дорабатывают оставшееся сырьё. Машины, большая часть коих уже разобрана и упакована для эвакуации, готовят в Сибирь. Следовательно, наша работа может ежеминутно оборваться или из-за отсутствия работы или прихода немцев. Только что сообщили, что снаряд угодил в трамвай №15, имеются много раненых. Погода стоит несколько дней солнечная и тёплая. Как жаль, что моя вынужденная свобода внезапно оборвалась. Хотелось бы быть независимым и распоряжаться своим временем. Прекратилась моя учёба и чтение. Ложусь в 8 ч. и встаю в 6½ утра, дни летят быстро и бестолково, а будущее никогда не было так темно и мрачно как сейчас. Живут сейчас все одним интересом: где достать пищи и как прожить сегодняшний день. Это единственный гвоздь нашего сезона.

Наш двор почти совершенно опустел, на днях ещё две семьи уехали. В общем 12 семейств уехали, и лишь 5 осталось. Воды в водопроводе совершенно нет, теперь приходится часами стоять в очереди у колодцев, чтобы достать одно ведро и притом вода скверная, солёная с осадками.

4/10. За эти три прошедшие дня сразу всё перевернулось. Лозунг: «Одесса была, есть и будет советской» окончательно и бесповоротно потерял своё значение. Вчерашний день это был день настоящей всеобщей паники. У нас на заводе вчера получили приказ: всем явиться в военкомат. Там была снова проверка. Одних окончательно освободили, других послали на комиссию, а третьих взяли. Войска полным ходом грузятся на пароходы. Лошади, пушки, снаряды, танки – всё грузится. Вчера весь день и всю ночь была артиллерийская канонада, сливавшаяся в сплошной непрерывный гул. Даже наши самолёты перестали летать, не видно и вражеских. Вчера распустили всех ткачих, наш цех спешно закончил остатки работ. Сегодня окончательно закончили; машины привели в негодность, частью разобрали. Готовое сукно раздавали направо и налево, конечно в первую голову начальству и проч[им]. Завтра иду за расчётом. В 6 ч., когда я шёл по улице домой, над головой свистели снаряды и где-то разрывались. Говорят, это был неприятельский салют отъезжающему пароходу с войсками. На улицах большое оживление, правда, не на всех. Многие стекаются с окраин и дач в центр

города. Я нашёл нем[ецкую] прокл[амацию] след[ующего] содержания: «Командиры и бойцы! Одесса всё равно, что потеряна! Такой город как Одесса не защищается без войск, без воды и без пищи. Крым и Кавказ атакованы и частью заняты герм[анскими] войсками. Петроград окружён. Москву, бомбардируемую днём и ночью, мучают жида, которые собирают детей на фронт сражаться. Киев, который некоторое время сопротивлялся, был занят! Через несколько дней падёт Одесса, несмотря на ненужные жертвы со стороны гражданского населения, стариков, женщин и детей. Кавказцы и кубанцы не будут защищать одесских жидов. Они поголовно сдаются в плен. Следуйте их примеру и переходите к нам!».

Только что передали по радио, что немцы на подступах Москвы. Таково положение сегодняшнего дня. События разворачиваются молниеносно. Я сегодня невольно вспомнил, как 24 года назад я заканчивал в Жирардовском маг[азине] свою 29-и л[етнюю] деятельность благодаря революции, а сейчас после 8-и лет, благодаря войне и пожалуй в недалёком будущем контррев[олюции].

Очень жалею, что не писал эти прошедшие советские годы – дневник. А было о чём. 24 года невзгод, унижений незаслуженных, два приличных голода и непрерывная драка в очередях из-за всего, начиная от лука и картофеля и кончая питьевой воды.

5/10. Я снова свободен. Опять потянутся безработные унылые дни с беспрестанной тревогой о недалёком будущем. Как и чем жить. Я получил расчёт и проторчал на фабрике с утра до 5¹/₂ ч. вечера за отрезом на костюм. С большим трудом еле удалось вырвать. Наблюдал вакханалию разбазаривания сукна военными. Раздавали направо и налево, но только не служащим.

В городе опять пошли новые слухи. Во-первых, никакой эвакуации войск нет, а попросту они уходят на отдых, а другие приезжают заменить их и продолжать борьбу. Ничего не поймёшь. Ещё третьего дня была полная паника, а сегодня как будто велено всё отставить. Но ведь я лично прошёл пешком весь порт и видел уезжающих, вернее грузящихся военных, а вчера говорили, что грузили снаряды, пушки и проч[ее], тоже на отдых что ли? Не поймёшь. Всё-таки оружейный гул слышен где-то недалеко, снаряды по старому в небольшом количестве летят в город. Сегодня промелькнул один вражеский самолёт и по нём стреляли. Думаю, что в ближайшие 2-3 дня всё окончательно выяснится. Погода по-прежнему стоит прекрасная. Тепло. Надо только всё своё свободное время употребить с пользой и не разбазаривать его, как это было в первый мой вынужденный отпуск. Надо со всей энергией подналечь на немец[кий] язык, авось пригодится.

6/10. 5 ч. по п[олудни]. Небо покрыто чёрными осенними тучами. Сильные порывы ветра рвут ветви деревьев, качаются стволы, а жёлтые листья тучей устилают землю на улицах и тротуары. Пыль стоит в воздухе столбом.

В воздухе не умолкая режут советск[ие] самолёты. В комнате приходится сидеть в пальто и шапке, довольно холодно. Сажу у окна т.к. в комнате уже темно. Сегодня первый день моего бездельничанья. В час ходил в город. Движение по некоторым улицам большое. Мчатся грузовики и машины с военными. Громадные хвосты у хлебных магазинов, т.к. многих пекарей взяли, и очевидно не успевают выпекать хлеб. Очереди за пайком. Заходил в главн[ый] гастр[оном]. Но там, кроме горчицы и зубн[ого] порошка, ничего нет. Каким-то чудом на Дериб[асовской] открыт один-единственный галантерейный маг[азин]. Одна чудачка, с физиономией, напоминающей орангутанга, с большой отвисшей губой, покупала губную помаду. Военный моряк купил 2 кор[обочки] пудры за 23 руб., публика спрашивает одеколон, но его уже успели выпить. Вся Дериб[асовская] имеет ужасный разрушенный вид, она вся забаррикадирована и по ней ездить нельзя. Здесь же, в громадной вырытой яме, вижу валяется в мусоре чей-то портрет. Лезу в яму, разворачиваю и вижу портрет М. [Молотова? – С.О.]. Весь испещрен мелкими дырочками. Я взял его с собою и водворил себя в более почётном месте, чем яма. Оказывается, что судьба портретов, неразрывно связана с личностью. Ещё так недавно разве он лежал бы в яме никем не замечаемый. Всё преходяще в нашей земной жизни.

Соборная площадь сегодня утром вся очистилась от военного постоя. Здесь стояли зенитки и проч[ее] имущество. Остались одни многочисленные рвы да щели. Женщины уже растаскали все брёвна и сооружения из дерева. Площадь представляет собой печальное зрелище. Каштановые деревья все пожелтели, плоды их обильно валяются вокруг них. Кое-где уцелели клумбы цветов, ярко пестреют всеми оттенками. Проходят редкие прохожие. В некоторых частях города баррикадные проходы закрывают. Неужели готовятся к уличному бою? Сейчас снова началась оружейная канонада. Издалека доносится упорная долбёжка снарядами. По улицам, в сторону порта, встречал в полном снаряжении войска. Значит эвакуация? Мародерство квартир, очевидно, идёт полным ходом. Вчера таких двух расстреляли. Удивительная черта у человека – зарится на чужое. Это – несомненно жадность. Трудно устоять от искушения, когда так легко мародёрствовать. На нашей Канатной ул. пятнадцать домов полностью разрушено. Ставни у некоторых едва прикрыты, а у других совсем открыты. Через развороченные окна видна приличная мебель, картины по стенам, шкаф с книгами, только протяни руку и всё твоё. Признаться и у меня является эта преступная мысль забраться в такую библиотеку, покопаться в куче книг и выбрать порядочную долю себе. Ведь всё равно кто-то расхитит их, так лучше уж я. А то глядишь: на грудах камней лежит шкаф, или кровать и вообще что-нибудь из мебели. На третьем этаже лежит матрац и ещё какие-то вещи. Недалеко от нас на груде камней лежит

прекрасная кафельная печь с духовкой. Большой соблазн. Что-то будет в переходное время. Воображаю, как будут таскать.

7/10. Прямо дьявольская погода. Ветер бешено свистит и завывает, как никогда. Холодище отвратительный, несмотря на яркое солнце. На улицах пыль слепит глаза. Бедные оставшиеся кошки десятками греются на солнышке исхудавшие и окоченевшие, ждут своего конца.

Публика массами покидает дачи и окраины, и спешат со своими пожитками на свои зимние квартиры в город. Толпы людей стоят со своими заявлениями в коммунал[ьные] учреждения, в надежде получить квартиру. Это те, у которых разрушены после бомбардировки. В продолжение дня и в данный момент идёт обстрел города, но куда падают снаряды не знаю. Стёкла дребезжат от выстрелов. Самолёты, не умолкая, гудят в возд[ухе], а вой ветра им аккомпанирует. В 11 ночи вдруг начался обстрел. Тося убежала в погреб, но у меня лень оказалась сильнее страха, и я продолжал лежать, с сжатым сердцем прислушиваясь к разрывам снарядов; то совсем казалось близко приближающихся и удаляющихся. Я не имел мужества оставить свою нагретую тёплую постель.

7 ч. вечера. Темнота быстро растёт, и я уже с трудом пишу эти строки у окна. Какая невесёлая картина. Может ли быть хуже ея? А ведь будет. Наши продолжают грузиться в порту, машины и грузовики неустанно шныряют всюду. Когда же этому конец будет. На днях рассказывали мне, что ввиду недостатка людей на одном фронте, послали мобилизованных ребят в возрасте 17-18 лет – 500 чел. Когда их подвозили к фронту и приблизились почти вплотную, они увидели и услышали канонаду, тогда подняли такой плач и рёв, что, пользуясь темнотой, все удрали. На утро еле удалось задержать 100 человек, остальные 400 ушли. Это мне рассказывали два разных тов[арища], рассказ коих совпадает. Какая жестокая отвратительная война. Также рассказывают, что имеются дезертиры, которые не хотят из Одессы уезжать, так, если у таких имеются семьи, их арестовывают и высылают.

День я провёл сегодня отвратительно и бессодержательно. Холод действует на меня, он парализует даже мои мысли, я не могу ни читать, ни заниматься немец[ким] яз[ыком].

Где та уютность, которая была в прошлые времена и которая казалась ненарушимым законом. Где та уверенность в завтрашнем дне, уверенность и в пище, и в питье, и во всём необходимом для всякого трудящегося человека. Это было только до революции [19]17-го года. А потом всё прахом пошло, перевернулось, настали другие времена, лозунги и даже люди. 24 года прошли в страданиях, нужде и напрасных надеждах ...

9/10. Сегодня сумасшедший день. Истерические крики и споры в громадных очередях, рев в воздухе самолётов и стрельба зениток, разрывы на улицах

снарядов от которых в двух кварталах от нас погибло две лошади, возможно, имеются убитые, а облитую кровью гражданку вели под руки в аптеку, я видел лично, стоя в очереди за сахаром. Мчатся вереницей гружёные грузовики, встретил части красноармейцев, из них много раненых, краснофлотцы перепоясанные пулеметными лентами, всё это направлялось вниз в порт. Видно перед недалёким концом, т.к. паёк сахара 200 гр[амм], а сейчас раздают без талонов по 2 кило[грамма] и получай – сколько хочешь. Чтобы получить что-нибудь: петрушки, морковки, сахара, под[солнечного] масла, люди рискуют своей жизнью. Ещё так недавно публика от почти безвредных выстрелов зениток шарахалась и пряталась в подъезды. А сейчас стойко стоит буквально от разрывов снаряда, видит собственными глазами кровь и всё-таки боится упустить свою очередь, т.е. эту самую петрушку, морковь и немного проч[ее]. В полном смысле борьба за существование. Борьба за право жить и не умереть голодной смертью. Люди меньше всего думают о нашей солнечной Одессе, что она, может быть скоро, будет в руках врагов. Думаю, что не вру, что огромная часть населения (сейчас тревога – зенитки стреляют вовсю) или проще – почти все, ждут перемены в любую сторону. На один медный советский грош не видно патриотизма, все с нетерпением ждут конца действительно невыносимого положения. Углубляться в причины всего здесь нет места, но нет единого человека, который бы хотел поддержать настоящий строй не только действием активно, но и словами, пассивно. И не мудрено, 24 года оставили глубокую борозду неудовольствия в нашей советск[ой] жизни. Только прислушаться к разговорам в очередях, в брошенных фразах, часто в открытом неудовольствии и многом другом. Даже евреи и те очень оптимистически (Sic!) настроены и многому не верят, что пишет газета.

Ровно 5 ч. в[ечера]. Какова-то будет ночь? Вчера весь день и всю ночь, не переставая, очевидно, шли на фронте ожесточённые бои. Город обстреливался почти непрерывно. Вчера на Привозе снарядом ранило 60 чел[овек] и 12 убито, об этом сообщила наша дворовая женщина, которая работает в больнице. Много попаданий в дома.

Я очень благодарен моей благодетельнице природе, что она была так милостива и наградила меня такими крепкими зубами, что я в 65 лет сейчас грызу сухари. Со вчерашнего дня население получает всего по 200 гр. хлеба, а, следовательно, наш небольшой запас сухарей пошёл в ход. Но надолго их хватит? А будущее долго и крайне зловеще.

Разве всё опишешь, что перевидишь и перечувствуешь за день? Всё проходит с быстротой кино. Картины меняются и молниеносно мелькают перед глазами. Вчера я снова сделал экскурсию по городу. Всюду и везде одна жуть. Развалины и почти на каждом квартале баррикады. На бульваре ни

души. Порт мёртвый, т.к. грузятся к вечеру, по ночам. Здание на бульваре возле Пушкина, быв[шая] гор[одская] дума, половина, которая против бульвара, в развалинах. Правая фигура стоит без головы. На клумбах ещё цветут ярко красные цветы, и я нарвал целый букет, и странно было возвращаться домой с букетом в руке, и идти по Пушкинской, среди разрушенных домов. Как они ещё ярки и свежи у меня в стакане.

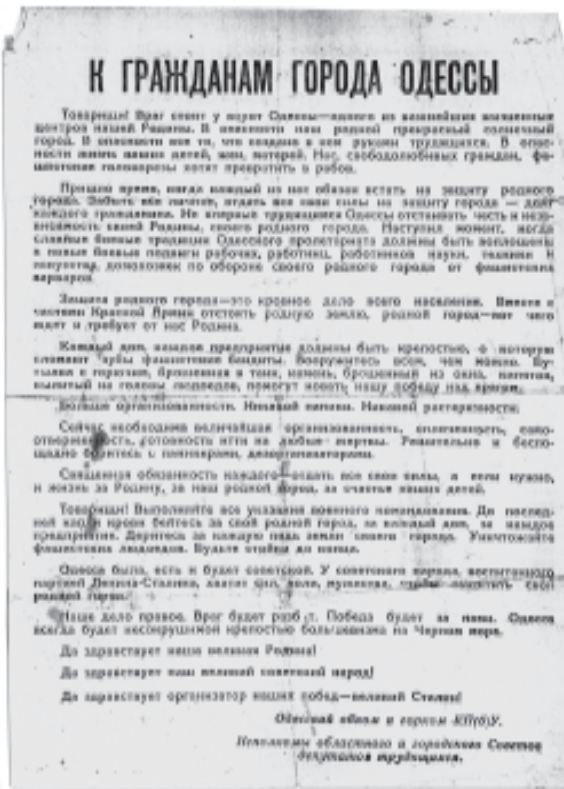
8 ч. вечера. Ещё луна не взошла, а потому на дворе темно. Часа $1/2$ я сидел на улице. Со стороны Слободки или Молдаванки ежесекундно вспыхивало небо от непрерывных залпов орудий, слышен настоящий адский концерт, гром орудий не умолкает. Кажется, вот уже настал решительный момент сдачи города. Смерть, наверно, собирает там свою обильную жатву. Грузовики с красноармейцами проносятся в порт с песнями. Суeta невероятная. Небо, как всегда величаво, спокойное, усеяно мириадами звёзд. С востока поднялся ярко-красный блестящий Марс, он выплыл, как-бы на проверку дерущихся адских сил на земле. Он быстро движется к зениту и охватывает своим блестящим сиянием преступное поле битвы народов. На чьей стороне он будет? На чью чашу весов благосклонно положит он свой тяжёлый меч? Все борющиеся дерутся за правду, все они высоко держат знамя свободы, права и справедливости, и все они нагло лгут перед своими народами. Мы на собственной шкуре испытали, что значит свобода, равенство и братство.

10/10. Сегодня с раннего утра открылся новый фронт – картошный [картофельный – Л.М.]. Я лично видел, когда счастливые граждане солнечной Одессы друг друга тузили кулаками из-за очереди. За всё лето мы почти не видели этого драгоценного овоща, т.к. он поедался армией. Но и вообще, со времени коллективизации, картофель стал для сов[етских] граждан деликатесом. А тут вдруг сразу привалило такое счастье: дают по 2 кило[грамма]. Конечно, страсти загорелись, у каждого потекли слюнки при виде этого благословенного американского плода, ну у многих душа не стерпела, а кулаки сами собой задвигались.

Что касается языков, в особенности бабьих, то, кто вблизи стоял, тот уже не мог слышать громовой канонады недалёкого фронта. Куда там! Всё было покрыто этим трескучим, визжащим бабьим гомоном. И, в конце концов, простояв 5 часов кряду мы пришли с пустой корзиной. Я молча стоял и наблюдал эту, с позволения сказать, «социалистическую» картину. Как это говорится где-то в мудром советском евангелии: каждому по его способностям и потребностям, что-то в этом роде, больно мудрёное. Я уверен, что на всём земном шаре нет более омерзительного зрелища, чем наша советская жизнь. Вот уж, подлинно, правда, что: «в борьбе ты приобретаешь право своё». Если бы можно было подсчитать, сколько советск[их] граждан простояли в очередях за эти 24 года, то получилась бы огромная сумма в сотни тысяч лет.

На эту тему можно было бы исписать тысячи страниц, но нет времени. В это время, когда я пишу эти строки, в уши лезут разнообразные звуки: то бешенная орудийная канонада, где-то очень близко, то жужжание самолётов, то громыахают и сигнализируют гружёные авто. Кстати недалеко от нас два таких сейчас столкнулись и разбились, есть убитые и раненые. То вдруг пулемётная трескотня. То страшный разрыв снаряда в нашем районе. Словом дивертисмент приличный для слуха, даже сидя в комнате. Но стоит выйти только на угол и для глаз развёртывается необозримое поле наблюдений. Сегодня утром, когда я получал свои 200 г[рамм] хлеба, какая то гражданка с возмущением говорила, что её муж, работающий в порту, обливал керосином и известью оставшиеся продукты: как-то муку и проч[ее]. Конечно, комментарии при этом излишни. Сахар привозят ко всем магазинам без устали. Сколько этого сахара было в Одессе, вероятно сотни тысяч тонн. Два месяца раздают и увозят, а он не истощается, и в конце концов остаток обильют керосином или бросят в море. Есть слухи, что тов[арищ] Сталин по радио приказал Одессу не сдавать. И правиль-

но! Ведь жителей осталось не меньше 400 т[ысяч]. Как-то в газете предлагали жителям вооружиться, кто чем попало: бутылками с керосином, кипяtkом, камнями и проч[ее] и когда немцы войдут в город, чтобы каждый из своего окошa угощал этим врага. Совет был недурён. Но наши одесские женщины не поняли мудрого совета и подняли это предложение на смех. Конечно, если наши танки и пулемёты не помогут, то бутылка с керосином, брошенная из окна женщиной или кем другим должна помочь. Я, впрочем, все газеты сохранил со дня начала войны. Для внуков будет интересное чтение.

4 ч. дня. Я всё время пишу урывками. Всё время топчусь на улице и не без пользы. Вдруг начали хлеб отпускать чуть ли не в любом количестве. Нам удалось получить три хлеба. Увеличили свой запас сахара. Это добро развозят по улицам и не знают куда девать. На сахарном заводе уже раздают сахар даром, говорят даже мешками. В городе растаскивают мебель, игрушки, словом всего не перече́тёшь. Написал нашим ребятам три открытки и передал проезжающим санитарам в порт. Авось письма дойдут. Орёл занят. Что делается на других фронтах нам не известно. А гром орудий всё не умолкает, то чуть-чуть затихнет, то с новой силой загремят. Сегодня снарядов по городу не бросали. Немец снова разбросал прокламации. В них угрожает вырезать всех евреев в случае порчи электростанции. С водой всё время плохо, приходится часами стоять у немногочисленных колодцев. На дворе тепло, хотя всё небо покрыто тучами, а в комнате ледяной холод. Надо бы вставить стёкла, но боюсь начнётся опять бомбёжка и все стёкла разлетятся. Надо несколько дней подождать. Сегодня унылая передовая «Правды» сознаёт серьёзное положение страны и предупреждает граждан, что в случае победы фашизма мы будем рабами у них. Не думаю, что бы нам хуже жилось, чем эти прошедшие 24 года.

6 ч. вечера. Вдруг страшный удар, от которого земля и весь дом задрожал. Я выскочил на улицу. Послышался свист бомбы. Загрохотала на все тона зенитка, превратившись в громовой ураган. Люди, как безумные, мчатся по улице. Высоко вверху плавно улетал герм[анский] самолёт. Очевидно, он летел в порт, но по дороге бросил бомбу. Снова сорвался сильный ветер и за окном зловеще завывает. Пыль и жёлтые листья кружатся в воздухе. Верхушки деревьев широко раскачиваются, небо мутное и неприветливое. А на недалёком фронте всё грохочет, не умолкая. Жизнь советской Одессы исчисляется, пожалуй, часами и обидно за те жизни, которые положат её за эти немногие часы. Сейчас лучше и не вылезать из щели или погреба. Что-то будет...

Буря и свист усиливается. Не завидую тем лётчикам, которые сейчас кружатся у меня над головой, воображаю, как его бросает во все стороны. Что за удивительная странная жизнь человеческая в последнее время. Ах, какой грохот! Какое вытьё за окном. А сумерки быстро надвигаются, ночь же таит в себе все ужасы, а каждый почти выстрел несёт кому-то смерть и разрушение. Раньше великие идеи были только в проповедях, а теперь они переселились в более надёжное место: в пушки, мины, бомбы...

А бедные наши внуки! Их матери. Где и как они переживают это страшное время. Когда мы с ними увидимся и при каких обстоятельствах. Мы бы хотели сейчас быть в Москве вместе с Сергеем и вместе переживать эти ужасы. Неужели завтра будут немцы. Ведь какая канонада, какая буря, как деревья раскачиваются.

Конец второй тетради.

* * *

11/10. Сегодняшний день можно назвать днём начала грабежа и тихого грабежа по всем домам, квартир уехавших, оставшимися добрыми соседями. Или как было при большевиках: «день мирного восстания». Но тогда грабили присутствующих, а теперь отсутствующих. Как будто меньше греха. Тогда этим делом ведало само правительство, а теперь сам хозяин – народ. Вот уже третьи сутки днём и ночью упорные бои не прекращаются, может быть и раньше не прекращались, но мы не слышали. Но теперь громы орудийные не прекращаются, стёкла в окнах с большой силой дребезжат, уже и пол под ногами как в лихорадке вздрагивает, и я пишу под аккомпанемент боевого гула. Часов в 12 я предпринял прогулку в центр. Картина также паническая; без конца шныряют грузовики и автомобили, набитые всяким добром, начиная от снарядов и кончая лошадиными сёдлами. В длиннейших очередях также ссорятся и дерутся. Выдают приёмники, как попало и кому попало, выбрасывают даже со второго этажа, и один такой упал кому-то на голову и сильно ранил, но тысячная толпа не обращает на это внимания. На улицах падали кое-где снаряды и, едва я дошёл до Пушкинской, как разорвался снаряд, и недалеко по Жуковско-го убило два человека. Я видел их трупы, подбежала белая собака и стала их обнюхивать и лакать кровь; я поспешил уйти. На Канатной разгружали хлеб, и едва окончили, как вся толпа ворвалась в магазин и начала хватать хлеб. Картина была жуткая, некоторые умудрились лезть через окно в магазин, из магазина слышны раздирающие крики, какой-то гражданин схватил нож и начал им размахивать; хлеб хватали без денег. Я побоялся лезть в эту разъяренную толпу и ушёл. По улице в разные стороны бежали, кто-то сказал, что по радио сообщили, что город сдан и чтоб граждане три дня не выходили из своих квартир. Как видно, это был провокационный слух, т.к. сейчас ровно 7 вечера, а бои не унимаются. Как в городе, во всех дворах началась повальная делёжка квартирантами оставшегося имущества. У нас в доме, напр[имер], просто срывают замки, входят в квартиру, занимают её со всем оставшимся добром и начинают хозяйничать. Соседки, одна другой, которые вселились в новые квартиры, завидуют, если у кого есть что-нибудь поценнее. Если можно было бы, каждая из них захватила бы по две квартиры со всей обстановкой. Таким образом, захвачено пять квартир. Правда, всё это, отсутствующие хозяева, не честным трудом нажили, либо спекуляцией, а то и просто воровством. Из них две квартиры партийных, конечно директоров. Один из них нагребил в Запад[ной] Укр[аине], и привёз целые тюки разн[ого] добра, ну, а другой, на протяжении всего советского времени тоже не дремал. Между прочим, я получил «на хранение» его радиоприёмник. Я говорю: «на хранение» потому, если он когда явится в Одессу, я ему возвращу. Словом раздел имущества

идёт полным ходом. Да и вообще многие сейчас не зевают. Тащат мебель, стулья, посуду, словом всё, что попадает под руку и что плохо лежит и вообще без хозяина. Всё это можно окрестить одной фразой: начинается новый поря-док в Европе, как хочет установить Гитлер, а у нас во дворе он уже начался.

Но народ, народ-то какой сделался – отвратительно, бессовестно нечес-тный. Какая огромная пропасть лежит между двумя поколениями: 1913 года и 1941 года. Всё честное и прекрасное когда-то погибло в этой пропасти как будто без возврата. Мне кажется, нужна работа многих поколений, чтобы наша Россия вышла на путь своих отцов и дедов. Двадцати четырёхлетнее владычество коммунаров наложило свой особый отпечаток на характер, взгляды и правила чести поголовно всего населения. Бесконечные недостат-ки в самом необходимом, пережитые два голода, свирепый террор и отсут-ствие элементарной справедливости, принизили и осквернили характер рус-ского человека. А теперь, почувствовав ослабление узды, он уже начал кое-где проявлять себя. Ещё в воздухе висит гипноз советской власти, но уже многие начинают выражать своё, так глубоко загнанное вглубь чувство про-теста, наружу. Что-то будет, когда он почувствует, наконец-то, свободу выс-казываться. Посмотрим, осталось не долго ждать.

Сейчас 10 вечера. Во дворе в полуметре ничего не видно. Тишина, только лишь изредка с промежутками раздаётся гул и громкое эхо далеко разносится над мрачным, уснувшим городом и пустыми тёмными улицами. Часть насе-ления сидит в подвалах, часть в убежищах и лишь немногие в своих кварти-рах. Опасно. Может вдруг разразится военная гроза. Надо быть готовым ко всему. Мне быть дежурному с 12 до 2 ночи. Пренеприятное занятие.

12/10 10 ч. вечера. Сегодня чудесная, солнечная очень тёплая погода. Тем-пература у нас в комнате поднялась с 9 до 12 гр[адусов]. Можно ходить в од-ном костюме. Даже жарко. Эх, кабы такая погода продержалась бы до 1-го но-ября. Что касается войны на нашем Одесском фронте, то происходит какая-то непонятная волшебная чертовщина. Вчера, казалось, что порвалась последняя волосинка, которая всё время удерживала неприятеля вступить в наш город. Но оказывается, что это так нам казалось. Ничего не поймёшь. Вчера с вечера гул совершенно затих. Так, иногда стихийно прорывались оружейные выстре-лы, иногда как в лихорадке учащаются, то снова надолго умолкают. Сегодня раза три «работали» зенитки встречая «гостей», а те плавно проплывали, как будто не замечая. На фронте полная тишина, лишь огненные вспышки на небе говорят об оружейных залпах где-то очень далеко. Говорят даже, что немцев отогнали на 8 километров. А в порт всё едут, всё грузят, всё уходят.

Говорят, что по радио получено распоряжение за грабёж и «разговоры» беспощадно расстреливать. Хлеб сегодня брали спокойней и по 400 гр[амм].

Но вообще в очередях творится одна жуть. Ничего не добьёшься, публика лезет как скот. На Большой Арнаутской убили женщину, не то за грабёж, не то за разговоры.

У нас во дворе переноска мебели, мойка и уборка новых квартир продолжается, как будто перед большим праздником. Ну, а в связи со строгим приказом не мародёрничать, я думаю, у всех кошки заскребут на душе. Признаться наше дворовое поведение похоже на мародёрство. Ведь старая власть ещё не выпустила из своих рук карающей дубины. Не знаю, во что это выльется. Некоторые дворовые дезертиры прячутся у нас в сарае, другие хотят прятаться. Один из раненых рассказывал жуткие вещи на фронте. Красн[ым] газет[ам] не верят, говорят, что пишут бузу. Но всё же их держат драконовски. Начальство пьянствует с сёстрами, объедаются, а бойцы изрядно голодают, и всё же, несмотря на всё, даже на плохое вооружение, как они сами заявляют, фронт до сих пор удерживают и враг не может войти в город. «Правда» трезвонит «о грозной опасности, нависшей над Родиной, и предлагает сплотить силы народные». Значит дело плохо, а чем может помочь голодное население? У него теперь одна забота, запастись побольше едой...

13/10. Эта сегодняшняя дата, обозначенная числом 13, также неприятна, как сегодняшняя отвратительная погода. Полная противоположность вчерашней. К ночи пошёл дождь и сорвалась буря с заунывным свистом за окном. Сегодня сыро и холодно. Все улицы обильно покрыты пожелтевшими листьями, а деревья наполовину поредели. Дрожь охватывает всего тебя, когда выйдешь на воздух. Безотрадно и отвратительно вокруг. А картина всё та же на улицах: нескончаемые очереди у магазинов и бесконечные пререкания.

Хлеба снова дают только по 200 гр[амм] на душу, власть как будто снова окрепла, похоже на то, как умирающий вдруг открывает глаза и собираясь с последними силами что-нибудь требует.

Сейчас 10 ч. вечера и часто слышатся одиночные, громкие ружейные выстрелы. Это, очевидно, пугают мародёров. Публика, как будто ведёт себя осторожно, правда я целый день сижу дома. А войны как будто и не было. Тишина всё время. В своё время арестованных, наших городских немцев, вчера всех выпустили из тюрем, говорят, что фашисты сбросили прокл[амации], в которых угрожают за одного немца вырезать сотню евреев. Насколько это правда, не знаю. Рассказывал один из заключённых, что все они решили драться до смерти, если только их посмеют выслать из Одессы. К счастью их освободили.

Положение становится с каждым днём невыносимей. Ведь за одной тарелкой похлёбки, а вечером и утром чай с сухарём, долго не проживёшь. Мы приобрели из чужого добра небольшую кафельную печь, таким образом, мы как бы обеспечены на зиму от холода. Но затем я также взял у своего

соседа на хранение с полсотни книг, а также и книжный шкаф. Все книги хороши. Завтра полезу на чердак, ещё пороюсь в книгах, т.к. наши просвещённые соседки – женщины выбросили их туда как ненужный хлам. А одна из них умудрилась в первую же очередь, как заимела квартиру с обстановкой, жечь книги. За этим ауто-да-фе [её – Л.М.] застала Тося и спасла Лермонтова, хотя уже начало и конец сожжены, и ещё пару весьма интересных книг. Книги везде растаскивают в невероятных количествах. Всё уничтожается и гибнет. Я сейчас за чтением «Истории Римского права». Крайне интересная и поучительная книга. Может быть, настанет время, когда мой милый внук Олег когда-нибудь начнёт её читать, тогда меня уже не будет в живых. Что-то они сейчас делают мои дорогие внучата.

14/10. Радиоточка сообщила, что Брянск и Вязьма нами оставлены. «Правда» ежедневно, уже третий день, строчит длинные передовицы, в которых сквозит уже некоторая растерянность. Призывает «бороться до последней капли крови», «опасность, нависшая над нашей Родиной, велика». Пересчитывает: сколько десятков тысяч убитыми потеряла Германия, сколько сотен танков разгромлены нашими и наконец предсказывает недовольство Герм[анского] народа этой войной и полный разгром Гитлера.

А пока что наши всё дальше отступают и сдают свои позиции.

Сегодняшний день у нас в городе был несколько тревожным. Раза три летели враж[еские] самол[еты]. Подымалась бешеная стрельба зениток. На один из наших пароходов уходящих упала бомба, и он горит в порту. Был снова обстрел города. Кто-то слышал по радио речь Гитлера, в которой говорилось, что война Сталиным проиграна, что программа Гитлера уничтожить крупный капитал, а мелкий будет существовать. Пока всё это для нас ещё не ясно. Одно могу сказать, что все русское население поголовно ненавидит нынешний строй и с нетерпением ждёт перемены.

Третьего дня разгромили мельницу и растаскали муку, были жертвы. Вместо хлеба продолжают выдавать по 200 гр[амм] сухарей. Чёрт их знает. Этого сахара неисчислимое количество, опять в нашу лавку привезли 35 мешков. Под[солнечным] маслом – хоть залейся. Какие огромные запасы были в городе, а нас мучили очередями годы и давали раз в 2-3 мес[яца] $\frac{1}{2}$ и 1 кг. сахара или под[солнечного] масла. А сейчас обливают его керосином и выливают в канализацию. На чердаке оказалась уйма книг и разн[ых] брошюр. Но, к великому сожалению, вся выброшенная литература большевистская. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и все их подручные были безжалостно выброшены в кучу, всё это я бережно собрал, очистил от пыли и грязи и перетащил к себе в комнату. Один лишь Некрасов угодил во всю эту компанию, не знаю, каким образом. Шесть томов Лен[ина] и ещё Ленин, Сталин и ещё Сталин, три тома

«Капитала» и так без конца. Благоразумные люди уже давно сожгли их, как отживший ненужный хлам, а я их подбираю. Перед всем этим громадным трудом, который заключается в этой сотне книг и брошюр, невольно задумаешься. Какая масса труда и мысли была затрачена, сколько десятков лет люди спорили с ожесточением, остервенением доказывая правильность их доводов мысли и предсказаний, чуть ли не на сто лет вперёд. За эти идеи, которые я подобрал на чердаке, как никому ненужные устарелые журналы мод, страдали тысячи и тысячи людей по тюрьмам, каторгам и оставили жизнь на виселицах. Миллионы сражались за эти идеи и ещё сражаются. И когда берёшь первую попавшую книжку, открываешь наугад и читаешь первую фразу «Ленин всегда верил в массы...», как-то невольно улыбаешься. Мне сегодня рассказывали, что когда бойцы возвращались с фронта на грузовиках для эвакуации, женщины на Слободке окружили их и говорили бойцам: «за что вы сражаетесь, за что проливаете кровь», а те растерянные слезали и недоумённо оглядывались, не зная что им делать. «Ленин верил в массы». Как странно сейчас это звучит. Когда всюду и везде дезертиры прячутся, когда у всех глаза сверкают, пока молча, злобою. Когда недовольство сквозит в каждом слове, взгляде...

И вот вся эта Вавилонская башня, строившаяся сотню лет разными языками, два с лишним десятка лет ежечасно восхваляемая, начинает сильно колебаться. Всем нам казалось, что эта башня коммунизма уже готова или почти готова, нас беспрестанно ежечасно уверяли, что она стоит на самом прочном фундаменте, что у нас бесклассовое общество, что счастье, благодаря Стал[инской] конституции, наполняет чуть ли не все поры нашего исстрадавшегося в очередях тела. И в самом деле. Сколько написано хвалебных песен, сколько послано восторженных писем творцу славословия и празднословия. Вот передо мной лежит в прекрасном переплёте книжка стихов «Закон нам дав великий Сталин» – 300 стр[аниц]. Все эти гимны творцу нашего подневольного счастья. Эта книжка также была выброшена в пыль на чердак. «Ленин верил в массы». Но довольно об этом. Вавилонская башня ещё только, как будто, качается, посмотрим, что же дальше будет. Может, капиталисты Англии и Америки напрягут свои усилия и не дадут башне коммунизма рушиться!

16/10. Вчера вечером ровно в 7 ч. я закрыл ставни, зажёл свет, чтобы продолжать свой дневник, как вдруг оглушительный взрыв, весь дом задрожал, шкаф закрипел и свет потух. Днём, в продолжение 2-3 часов, усиленно обстреливали город, пришлось прятаться в погреб. В продолжение дня где-то недалеко были брошены две бомбы, от которых в конце Канат[ной] вылетели последние целые окна (сейчас раздался громовой ужасный выстрел недалеко). Наши где-то разбросали листовки, в которых сообщают, что город сдают временно. Всюду и везде начали растаскивать, что попадалось под руки.

Ночью были слышны огромные взрывы и зарево многих пожаров. Ночью также обстреливали город. Сегодня с раннего утра по всему городу начался настоящий грабёж. В парке брали керосин и вообще оттуда тащили всякое добро, оставленное красноармейцами. Я тоже поплёлся с ведром за керосином. Но оказалось, что не так легко его получить. Возле скважины толпилось человек 20-30, все они спускали свои ведра на верёвке и, конечно, получалась беспорядочная толчея, т.к. один другому мешал. Хотел устроить очередь, но никто и слушать не хотел. Мне было противно смотреть на эту звериную породу людей, а потому, посмотрев немного на этих двуногих скотов, я ушёл с пустым ведром домой. В парке в огромном количестве валялось всякое добро. Люди тащили всё: одежду, сёдла, лошадей, дрова, крупы. Валялись винтовки, шины, много грузовиков – всё не перечислить. Тут же в саду разрезали на куски две убитые лошади, от одной остался уже только один остов, а другую доканчивали. Мальчишки уводили лошадей и по всем улицам разъезжали верхом. Их видно десятки. Некоторые запрягали в повозки и уезжали. В это время в порту раздался страшный взрыв. Громадный столб дыма высоко подымался к небу и застилал весь горизонт, на улицах тротуары покрылись пеплом, а ветер разносил в воздухе горелую бумагу. В парке кто-то стрелял и толпа, как шальная, убегала во все стороны. Так я и пришёл ни с чем домой. Оказалось, что и Тося полетела с ведром в парк за керосином и вскоре принесла целое ведро и опять собралась во второй рейс. Мне уж неловко было, я взял банку и снова направился в парк. Я едва, с большим трудом, налил полбанки, и то это оказался бензин. Тося же снова притащила ведро керосина. Через час я со своим соседом направился на Ришельевскую, где раздавали приёмники. Здесь творилось что-то ужасное. Мне удалось проскочить в ворота. Здесь уже была огромная толпа. Стреляли из винтовок, давка ужасная и крик. Снова ворвалась в ворота толпа, видя такую историю, я благоразумно удрал, чтобы, в конце концов, не ранили, а в лучшем случае не убили. Едва я пришёл домой, как увидел, что на Канат[ной] ул. толпы людей тащат целые бум[ажные] мешки с сухарями. Сначала я не решился идти, но наши соседи принесли по мешку сухарей, а иные умудрились и по два. Я набрался смелости и пошёл на Чаеразвесочную [фабрику – Л.М.], где две сотни людей, давя друг друга, врываются в разрушенное огромное здание, влезали в окна и тащили сухари. Влезть в окно на высоком расстоянии было не легко, т.к. каждый тебя отталкивал и сам лез. Я был так любезен, что несколькими помог влезть, но на мою любезность никто не обращал внимания и я, потолкавшись, чуть не сломав себе шею и здесь позорно, ни с чем отступил.

Соседи же вторично пошли и ещё раз притащили по мешку. Во дворе меня встретил другой сосед с мешком и предложил с ним отправиться на Ришельевскую за картошкой.

Я вооружился мешком и пошёл. На углу в погребе, в глубине было совершенно темно, при свете зажжённых спичек я увидел копошащуюся массу людей. В этом мраке я ничего перед собой не видел, только при вспышке зажжённой спички я видел перед собой толпу. Что же оставалось делать? Мой сосед исчез в темноте, а я беспомощно озирался вокруг и в конце концов ушёл с пустым мешком. Где-то тащили мешки с консервами, везли мебель, дрова, словом, это была такая вакханалия, что трудно всё виденное передать. А на всех улицах мальчишки взапуски скачут на лошадях, тащат мешки, бегут, стреляют. На Ришельевской подожгли пекарню. Дым застилал всю улицу.

Взрывы не унимались и дым заволакивал всё небо. Из нашего окна видно, как тянется огромное облако дыма. Один чудака вёз на нашей ул. огромную свинью пуд[ов] 15. Вдруг она вывалилась у него из повозки, он схватил свою винтовку и хотел здесь-же, на улице, пристрелить её. Но, очевидно, на счастье свиньи у него не оказалось патрона, т.к. он повертел свою винтовку и опять вскинул на плечо. Между тем свинья пользуясь свободой вбежала в соседние ворота, а там их захлопнули. Чем окончилось всё это не знаю.

Но вот уже 4 по п[олудни], а немца всё нет и нет. Неужели он ждёт нашего приглашения. Он недалеко стоит и полная тишина. В воздухе снова появились наши самолёты. Что за чертовщина! Откровенно сказать, все ждут их появления с нетерпением. Евреи, правда, со страхом. Воображаю, сколько наши быв[шие] благодетели натворили бед со взрывами. Во-первых, света нет, а это самое главное. С водой, по-прежнему, очень плохо, надо тащить её из колодцев.

Итак, как у нас говорили в рулетке: игра кончена, ставок больше нет. Вчера отпечатали газету от 15-го уже в последний раз. Сегодня мы без газет. Поживём несколько дней без сов[етской] лжи. Какие это будут новые вести? Сегодня настоящее междоусобие. А пепел в обильном количестве сыплется к нам во двор, а выстрелы и взрывы всё продолжают. Самолёты наши в воздухе ещё режут. Что-то будет дальше?

Пока что наша героическая Одесская эпопея окончилась. Два с лишним мес[яца] «мы героически» сопротивлялись. «Население» показало образцы стойкости и мужества... в драке в очередях за всеми предметами первой и всякой необходимости. Баррикады, которые так лихорадочно строились, разбирая и коверкая мостовые и тротуары, оказались совершенно излишними. Остались исковерканы мостовые с огромными ямами, попорченными тротуарами, сотни тысяч мешков испорченными и бесчисленное множество людей всех возрастов и полов потратили свою энергию на всю эту глупую бесцельную затею.

ОТКРЫВАЕТСЯ НОВАЯ СТРАНИЦА НАШЕЙ ОДЕССКОЙ, А ПОЖАЛУЙ И ВСЕРОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

1941г. октябрь (16), 4^{1/2} часа пополудни.

В то время, когда я писал эти строки и мне казалось надо мной летает наш самолёт, мне сказали, что входят румыны, а летают румынские самолёты. Я немедленно пошёл на Ришельевскую ул. и действительно целые колонны грузовиков и всяких других машин целой вереницей тянулись по улице. Не могу выразить того омерзительного зрелища, какое я всё время их движения наблюдал.

Толпы народа, а большей частью женщины, кричали «Ура» и размахивали шапками, т.к. машины часто останавливались, то публика и опять таки женщины, буквально облепляли их. Многие раздавали румынам табак, бросали им спички, а одна русская женщина даже печенье. Евреи особенно глупо и заискивающе себя вели. Ещё так недавно ходили под красным флагом, и нельзя было ни одного слова сказать критически – сейчас был бы донос. А сейчас эта гнусная толпа распинается перед ними. Я опять вспомнил слова Ленина, что он верил массам. В то время, когда величайший писатель Гёте ненавидел толпу и презирал её, другой ей доверяет и верит в неё. Я скорее на стороне первого. Румыны доехали до театра, ну а там всюду баррикады, вероятно, им придётся ночевать на улицах, т.к. всюду проезд закрыт. Возможно, завтра будет приказ всему населению разобрать баррикады. Наши не пожалели электростанции и повредили её, так как света нет. Я забыл сказать, что приёмники давали ещё возле гортеатра, туда упал снаряд и убил и ранил несколько десятков человек. Говорят, что раненые просили помощи, но на них никто не обращал внимание. Не могу не вспомнить, когда я дошёл до угла Троицкой, здесь румынская колонна как раз остановилась. Так вот, интересная была картина для кино. Длинная колонна румын на машинах, толпы приветствующих людей, а здесь же на углу пылающий дом, от которого остались уже только одни голые стены, а несколько далее разрушенное здание. Вот продажные люди. Не помогла и не перевоспитала 24-х летняя агитация сов[етской] власти. Всё воспитание пошло прахом.

Ровно 9 ч. вечера. Я сижу один, Тося сегодня дежурная, во дворе крошечная тьма. Полная и глубокая тишина. Снаряды, ружейные выстрелы, грозный до ужаса свист бросаемых бомб, как будто ушёл в область преданий. Одни щели и разрушенные дома ярко напоминают о всём, так недавно пережитом, и вместе с тем, кажется так давно. Странное животное человек!

17/10. Сегодня двойное продолжение грабежа и огромных пожаров. Всю ночь были слышны одиночные выстрелы в разных направлениях города и пулёмётная стрельба, а утром вплоть до сего часа – 4 ч. дня – непрерывно реют очень низко над домами румынские самолёты. Всю литературу наших бывших вождей я вынес в сарай, т.к. чёрт её знает, может принести нам неприятность,

не хочется жечь её, т.к. эти книги сейчас вдвойне интересны. В будущем, если не помру, кое какие нужно всё же прочесть. Утром, при топке нашей печки, Тося со злобой схватила портрет М. [Молотова – С.О.], который я нашёл в сорной яме, и бросила в пылающую печь со словами: «они жгли портреты наших государей, так теперь я их сожгу». Напрасно я протестовал, не помогло.

Ровно в 11 утра я пошёл в центр города посмотреть, что делается на улицах. Из окна нашей квартиры видны огромные облака дыма, да и в других частях города.

На улицах встретил отряды румын. Больно они неказисты на вид. На углу Троиц[кой] и Риш[ельевской] горела аптека. Это огромный 4-х этажный дом. Он весь в пламени, конечно, никто не тушит, т.к. пожарные все эвакуировались вместе с обозом, да и воды нет ни капли. Тут же на противоположной стороне тротуара горящего дома собраны все пожитки жильцов. Большая часть мебели изломана. Какие-то две еврейки увидели друг друга, со слезами на глазах обнялись и показывали на 4 этаж, что их имущество там всё погибло. Я подошёл к углу дома. Румынский офицер снимал горящий дом. Я повернул на Риш[ельевскую], и в тоже время у меня мелькнула мысль, что не может ли горящая стена завалиться и так как к этому времени подошёл отряд румын, то я несколько отошёл к перекрёстку, где рум[ынский] офицер с картою в руках нашей Одессы искал нужную ему улицу. Я подошёл к нему и дал несколько объяснений, как вдруг я услышал ужасный грохот и моментально подняв голову я увидел как рушится вся стена 4-х эт[ажного] дома. Мы мгновенно отскочили от этого места. Всё заволокло дымом, и весь отряд румын выскакивал из густого чёрного дыма, но к счастью никто не пострадал. Росшее у аптеки огромное столетнее дерево сразу свалилось и легло поперёк Риш[ельевской] ул., а пожар с новой силой разгорался. Если бы я вовремя не отошёл с того места, то горящая стена, наверное, накрыла бы меня. Двумя кварталами дальше кто-то разломал железную штору и рум[ынские] солдаты, а также и наша публика выносили разн[ые] галант[ерейные] предметы. С десяток солдат с чемоданчиками в руках, очевидно уже набитыми, стояли у грузовика, а публика ещё робко поглядывая на румын, залезала в узкую щель и исподволь тащила. Дальше за углом сидел на тротуаре рум[ын] и штыком своей винтовки ковырял деревянный ящик, сделав дыру он достал оттуда печенье и тут же отправил его в рот. Протянул и мне одну штуку, но я отказался взять. На углу Риш[ельевской] и Дер[ибасовской] накануне взорвали банк и угловой дом, бывший Пурица, где был наш Жирардовский магазин. Всё это было в пламени. Горело на втором углу, т.е. уг. Екатерининской и этот дом, где был комис[сионный] магазин, взорван и горел. Дальше на Дерибасовской, на тротуаре лежала убитая лошадь. Румыны и здесь заглядывали в некоторые

магазины, но они были уже очищены, вероятно, нашими. На Соборной площади рум[ыны], без церемоний, останавливали с пакетами и присваивали их себе. Я зашёл к своему приятелю и мне там рассказали, в кратких словах, передачу вчерашнего радио. Наше правительство тайно собирается на самолётах удрать в Англию. Вынуло из мавзолея бальзамированное тело Ленина, а какой-то англичанин в кабинете Сталина уже распоряжается вместо него, покуривая трубку. Очевидно, тело Ленина увезут на самолёте в Англию. Всё похоже на сказку. Крым занят. Харьков также, есть надежда, что увидим Ореста с семьёй, дай-то Бог поскорей. Не думаю, чтобы он был таким наивным и пошёл защищать коммуну. На бульваре с верхней ступени также видны пожары в порту. Здесь же, возле памятника Дюка, стоял немец[кий] автомобиль-радио. Из Варшавы передавали нем[ецкую] информ[ацию] и разн[ые] песни. Нем[ецкий] ун[тер]офицер, очевидно, связист этого автомобиля, любезно показал мне фото Гитлера, снятым с девочкой. Я только не знаю, кто у кого стащил идею сниматься с ребёнком, девочкой лет 6-7. Так как и Сталин снят таким же образом и его портрет с девочкой таскали по всем улицам во всех демонстрациях.

Возвращаясь домой по Дериб[асовской], возле книжного маг[азина], в вырытой яме валялось десятка два книг, но все к сожалению были коммунистические. Несколько томов валялись «Вопросы ленинизма». Пришлось их обратно швырнуть в канаву. Все же между ними я нашёл книгу «Е. Золя – франц[узская] живопис[ь] XIX столетия», но к великому сожалению на укр[аинском] яз[ыке], конечно, если бы я был более нахален, то влез бы в магазин, но я не хотел. При возвращении домой – рум[ыны] успели на всех углах расставить свои караулы и каждого проходящего с пакетом уже осматривали. Конечно, если что было для них подходящее, они, не церемонясь, присваивали себе.

Должен заметить, что вся заслуга последних взрывов и пожаров принадлежит нашим бывшим «благодетелям». Это их чистая Стахановская работа, что сейчас горят целые кварталы и многое разрушено, чего мы ещё не знаем. Всё сделано по Сталински, как он в своём обращении к народу предлагал жечь, уничтожать и истреблять. На улицах народу всё же очень мало. Рабочих совсем не видно, больше всего толкуются на улицах женщины, большая часть которых продажны. Ещё так недавно они с пеною у рта были советские, и не дай Бог попасть им на зубок, сейчас же они все контр.

Уже темнеет, заканчивается первый день без Сталина и разворачивается первый день истории Одессы совершенно по-новому, ещё для нас неизвестному.

Солнце сегодня очень ярко и горячо светило. Словно летом. Но всё-таки радости, настоящего веселья ещё нет у нас. Солнце ещё для нас так радостно, а осень и зима таят в себе все возможности.

Но какой вид я имею сейчас, даже противно на себя смотреть. И всё это итог 24 лет власти большевизма. Ботинки мои с оторванными подмётками, а других нет и конечно негде купить. Брюки все в дырах и внизу с бахромой. Спасибо Сергею, что снял со своих плеч и дал мне свой пиджак, но в каком он виде теперь! Один рукав без подкладки, манжеты обрезаны и удлинены другим цветом, весь в пятнах. Каждая пара кальсон в дырах и латках, и когда Тося однажды накладывала чуть ли не 20-ю заплату, то невольно громко пожелала Сталину носить такие же. Бельё не лучше. Конечно, о галстуках и воротничках говорить не приходится. Сравнительно недавно начали у нас продавать сорочки по цене 70 руб., это ровно на неделю работы чтобы её купить, в то время, когда я мог за один день труда её приобрести. В магазины пустили в продажу только манишки и галстуки, так что если хочешь франтить, надевай манишку на голое тело, т.к. в продаже всё время не было (сорочек).

В это время, когда я пишу эти строки (7 ч. вечера), очевидно произошло три взрыва где-то недалеко, так я три раза почувствовал сотрясение всего пола. Неужели оставшиеся преступники продолжают свою чёрную работу по заданиям свыше. Есть ещё у нас негодяи, которые на языке сов[етов] наз[ываются] патриотами. Уже темно и начинаются ружейные выстрелы повсюду. Недавно рум[ыны] вели партию арестованных всех возрастов, за что, ещё неизвестно. Очевидно, завтра будет объявление, которое всё выяснит.

18/10. Сегодня большой день треволнений. Начать с того, что приехали наши соседи и началась переноска вещей в чужую захваченную квартиру со всей обстановкой и даже с пианино. При этом, на радостях, один другому давал разн[ые] подарки: одна соседка подарила трюмо очень хорошее, приличной стоимости, а другая дарит кровать, та диван, другие просто входят в новооткрытую квартиру и без церемоний хватают, что попадётся на глаза, при этом страшно одна другой завидует, что та или иная больше и ценнее захватила. Ещё не все квартиры разобраны, но самые ценные уже захвачены. Если зайти в одну из захваченных квартир, то она представляет собой скорее мебельный магазин или музей всяких вещей. Мало того, что квартиру брали со всей обстановкой, да ещё и свою тащат, и вот когда уже мебелью набита квартира до отказа, начинается раздача в виде подарка вещей, для которых не хватает места.

При всём этом, сколько зависти, сколько скрытой злобы, исподтишка наговоры и сколько у каждого страха и неуверенности, что можно будет удерживать награбленное. Если не было любителей на столы, буфеты и проч[ую] мебель, то просто ломалось на дрова.

Мне тоже кое-что перепало: это книги. Почти полное собрание Толстого, Лермонтова и штук 30-40 других разных книг. У меня собралась приличная библиотека. Сегодня утром мне пришлось собрать всю коммун[истическую] литературу

и снести в сарай, к прежнему количеству спасённых. Всё таки, теперь ещё интереснее прочитать хотя бы часть того, над чем, так много потели Ленин и Сталин, и результат этого гигантского потения выбрасывается, как негодный и опасный хлам в подвал, для того, чтобы постепенно листок за листком превратить в пепел.

Во время всей этой суматохи пришли два рум[ынских] солдата в квартиру К. и взяли у него приёмник, бельё, сахар и ещё кое-что, а через час пришли ещё двое и ещё пограбили, захватили даже немного халвы оставшейся, пудру и разн[ую] мелочь, а в бутылку с маслом написали, при прощании подали руку. Словом рум[ынская] армия «отличается», при этом замечу, что когда они вошли, то спросили где живут иудеи, им конечно любезно указали. Они преспокойно вынули револьверы, и приказали хозяевам удалиться под видом того, что пришли искать оружие, квартиру перекинули вверх дном. У другого соседа еврея взяли 100 руб. и тоже кое-какие вещи. Мне по всему этому печальному происшествию пришлось излишне погорячиться. Меня возмутило то обстоятельство, что все поголовно соседи не обратили абсолютно никакого внимания, как будто этот грабёж кем-то узаконен. Между тем, я уверен, что если бы все соседи проявили смелую активность против грабежа, то, безусловно, этого печального события не было бы. Обидно то обстоятельство, что как раз эти два еврейских семейства рабочие, безусловно, честные труженики и их нажитое только своим собственным горбом. Кроме того, как раз в нашем дворовом грабеже они единственные не принимали участия и ни одной чужой нитки себе не присвоили, между тем, как все остальные с награбленным чужим, остались нетронутыми.

Сколько было волнений за сегодняшний день трудно передать. На улицах так и видишь рум[ынских] солдат с чемоданами награбл[енным] раз[ным] добром, с приёмниками, патефонами и проч[им] добром. Снимают также и ручные часы или же попросту залазят бесцеремонно в карман. Когда же это кончится? Пока что, многим это боком вылезет. Впрочем, разве мы имеем право осуждать румын, когда каждый из нас ничуть не лучше, в нравственном отношении, первого попавшегося солдата. Между прочим мне один немец[кий] солдат сказал, что всех евреев отсюда вышлют. Кто же тогда в городе останется? Поживём – увидим.

Вчера я был дежурным до 2 ч. ночи, и стрельба не прекращалась до утра. И сейчас 8 ч. вечера непрерывно раздаются одиночные оружейные выстрелы. Пришла соседка К., которую сегодня ограбили, и рассказывала про отвратительный грабёж двух рум[ын]. Они не только унесли разл[ичные] вещи и мелочь, но даже поломали вилки, перемешали крупы, разорвали подушки и всё портили. Прямо поражаешься такой дикости, которая происходит в XX веке.

19/10. Сегодня несколько меньше волнений. Грабить не приходили. Вывешены объявления от 16/10, в которых приводятся разн[ые] правила и приказы:

сдавать противогазы, телефоны и радио. Военнообязанные регистрируются, и много других статей – всех не упомнишь. Говорят, что в некоторых частях города сгоняют всех евреев поголовно и куда-то уводят. Точно ещё ничего не известно относительно их судьбы. Я стараюсь привлечь каких-нибудь офицеров в пустующую, смежную с нами, квартиру. Всё-таки, такого чудака интересно в такое время иметь под боком. Но не знаю, придут ли они, т.к. обещали.

Гнусность наших некоторых, а, пожалуй, большинства не имеет границ. Одна из наших соседок уже приходила одолжить ей икону. Конечно, с целью оградить себя от налётов. Во все 24 г[ода] сов[етского] времени почти все православные жгли, уничтожали, или в лучшем случае прятали свои иконы, т.к. считали чуть ли неприличным иметь таковые. Теперь сразу в моду вошли иконы и экстренно вывешивают их по углам и всячески выставляют своё православие на показ. Что касается Господа Бога, то он вошёл в обиход с первого дня бомбёжки. Теперь без него никуда. Говорят, на Соборной площади был молебен. Я не ходил, т.к. боюсь оставить квартиру и сию целый день дома.

Очень интересное обращение в первом приказе к населению. Завтра постараюсь переписать его целиком, а сейчас непрерывно толпы народа читают его. Идёт мелкий дождь, но сравнительно тепло.

20/10. Сегодня день новых волнений. Ходил в город и видел новые огромные пожары: горел ГУМ. Такого пожара я ещё не видел: целое море пламени объяло всё здание, пламя пожирало с огромной быстротой, на беду сорвался сильный ветер и ещё больше раздувал пламя. Куски горящего железа крыши и разные другие горящие предметы летели в стороны. В общем, была жуткая картина. Там ещё осталось большое количество товара и всё это погибло в огне. На Дерибасовской ещё пострадало несколько домов, уже это была работа большевиков по заданию Сталина.

По всем направлениям идут и едут рум[ыны], пока ещё никакого порядка нет. Моего знакомого, он моложе 50-ти, взяли на улице и всю партию мужчин в числе около 2-3 тыс[яч] гоняли по всем улицам до Кривой Балки. Где-то на улицах ночевали и лишь на следующий день всех отпустили без всякого толка. Что это за цель, не понимаю. На некоторых ул. из домов выселяют поголовно всех евреев и куда-то уводят. В городе ужасная паника, особенно, конечно среди евреев. Я, впрочем, ничуть не удивляюсь рум[ынам], если имеются кой-какие недоразумения. Стоит только вспомнить описание вступления наших быв[ших] войск в Бессарабию и Западную Украину, что они выдвигались. Сколько было разграблено, расстреляно и сослано людей. А первое время властвования большевиков в Одессе. Каждую неделю в воскресенье, как закон, был напечатан список 20-30 расстрелянных. Да и вообще, сколько было перенесено ужасов, ну, а теперь наступило возмездие им.

К вечеру где-то снова горело, видно было с нашего двора огромное чёрное облако дыма. Очевидно тайно работает партизанщина, и невинные за это поплотятся.

К ночи в наш двор на постой пришло человек 20 рум[ынских] солдат. Заняли пустующие квартиры. Им сейчас же соседи дали чай, сахар и сухарей, каждый старался им чем-нибудь угодить, конечно, имея тайную цель себя таким образом обезопасить от неприятностей. Всё это, конечно, отражается на нервах, никто не уверен ни в чём и каждый ждёт чего-то неожиданно неприятного или просто ужасного. Вечером и сегодня сносили противогазы, их собралась целая гора, сдавали телефоны, некоторые с перепугу тащили радио, но их не принимали, бинокли, о которых сдавать не говорилось.

Сечас ровно 8 ч. вечера. На дворе чёрная ночь. Стрельба буквально не умолкает, мы сидим с Тосей одетые, т.к. в комнате довольно холодно, лампа тускло горит и коптит, спать ещё рано и мы прислушиваемся к этому отвратительному концерту. Впереди нет никаких надежд. Мы совершенно одиноки, нет никакой надежды видеть наших сыновей с их семьями. Что все они сейчас делают?

Полагаю, что хуже всех чувствуют себя Володя и Сергей, немцы совершенно окружили Москву и находятся в пяти километрах. Вена тоже вероятно недалеко Москвы. Полагаю, что Орест сидит в Харькове. Мне сказал сегодня один рум[ын], что Одесса будет рум[ынской], значит мы будем отрезаны от наших детей границей. А нам так мало осталось ещё жить!

Семья Оржеховских. пригл. 1938

Ни света, ни воды, ни хлеба ещё нет. Сидим на сухарях и похлёбке. Спасибо ещё Веничке, что в своё время он прислал нам грибов из Челябинска, всё-таки сваренная похлёбка имеет приличный вкус. Сахаром и под[солнечным] маслом мы обеспечены на несколько мес[яцев], если у нас его не заберут. Спасибо соседке, вчера принесла нам большую порцию сухарей, ими мы обеспечены недели на две. Правда Тося ест их с трудом, т.к. у нея нет зубов, но для моих зубов они вполне подходящи. Если у нас останутся рум[ыны], то придётся учить рум[ынский] яз[ык], а также подучить фр[анцузский], т.к. вся военная интел[лигенция] говорит на нём. Боже мой! Ведь мне... [фраза не дописана – С.О.]

Только что пришла к нам соседка, девушка, она вырвалась из рук рум[ына]. Он ворвался к ней и едва-едва она улизнула от него. Не знаю, чем вся эта история окончится, боюсь, как бы они не искали её и не зашли к нам. Словом час от часу не легче. За окном свистит и завывает ветер, и мы уже трое суток сидим в ожидании чего-то...

Всё течёт и всё меняется, так и у нас, то боялись бомб и пережили неопишемые ужасы, а теперь – оккупация, которая тоже несёт неизвестные переживания. Ещё появился для нас один бич – это вши. Оказывается, все этим добром наделены. Причина проста, бани не функционируют за отсутствием воды и угля. Словом все ужасы ополчились против нас и надо всё это твёрдо выдержать.

21/10.

«Граждане города Одессы.

Победоносные германо-румынские войска уничтожили последнее сопротивление на Украине. Неприятель поджёг прекрасный город Одессу, также как поступил всюду, откуда бежал, не считаясь с нуждами народа.

Германо-румынские войска освободили Закарпатье и г. Одессу и спасли Вас от коммунистического террора.

Будьте спокойны.

Никто не причинит никакого вреда мирному населению, которое будет заниматься своими делами и будет выполнять изданные приказы. Вы будете восстановлены в Ваших священных правах и откроют Вам церкви.

Будут заботиться о Вашем питании и здоровье и обеспечат Вам жизнь и имущество.

Советую Вам.

Не проявлять враждебности по отношению к войскам и служащим, которые придут для управления городом.

Доводите до сведения властей о всех тех, которые имеют задания терроризма, шпионажа и саботажа, а также о тех, которые утаивают оружие.

Будьте бдительны и подчиняйтесь всем мерам, принятым военным и гражданским управлением.

Считаю своим долгом довести всё это до Вашего сведения. Однако же, если кто-либо из Вас нарушит предписание данных приказов и тех, которые будут даны в будущем, знайте, что будет расстрелян на месте.

Беритесь за работу в порядке и с верой в Бога.

Дано в штабе нашего командования сегодня – 16 октября 1941 года.

Ком. Арм. Кор. Генерал-адъютант Якобич

Начальник штаба генерал Н. Татареску».

[Обращение командования оккупационных войск, распространенное в листовках – Л.М.].

21/10. Два часа назад и у нас были «доблестные герои», посетили с «якобы» обыском оружия. На самом деле просто пришли два рум[ынских] с[олдата] пограбить. К сожалению, я отлучился на $\frac{1}{2}$ часа из дома и как раз в это время они пришли. Перерыли буквально всё. Не посмотрели, что мы «рус» и всё-таки спасибо и за это, взяли мой фото[аппарат – Л.М.], которому уже ровно 40 л[ет]. Один из них нашёл в сундуке... [неразборчиво – С.О.] ещё с Пасхи, завёрнутую в лоскут и прицепился, что мы «жидан». Словом, все обшарил, не оставил ни одного места, куда бы его воровские руки не тянулись. Я успел прийти в то время, когда он делал такой же обыск у соседки. Нужно было видеть его лицо и глаза, с каким воровским азартом тянулись его руки буквально ко всему. Кажется, он у нея взял только элек[трический] фонарь.

Словом, XX век своим прогрессом, культурой и современными нравами отличается. Невольно вспоминаешь 19 век. Для нас, современников, чудесный, спокойный, справедливый, законный, сытый век. Во всяком случае, он был, безусловно, спокойнее. Не было ни одного дня всеобщего голода, в то время как в 20-м [веке – Л.М.] мы пережили два и наступает третий. Был закон, а теперь полное бесправие, была полная уверенность в завтрашнем дне, а в 20-м [веке – Л.М.] никогда не был уверен в завтрашнем. И это во время величайшего технического прогресса. Имеются ли слова, которыми можно было бы выразить всю накипевшую на душе горечь и переживаемую, ни за что, обиду? А люди, какие теперь стали люди. Это шакалы и гиены, и, в тоже время, подлые подхалимы. Для этой черни нет даже презрения. Православные особенно выделяются. Жадностью, трусостью, нахальством и шкурничеством. Так придётся из этого подлого воровского и насильнического мира уйти без всякого сожаления и с проклятием. Жалко покинуть одну чудесную природу: яркое чудесное солнце, море, цветы, небо и всех животных, но только не человека. Мне снились в прошедшую ночь все четверо моих ребят. Веня и ещё кто-то были огромного роста, а Сергей очень маленький и с горбом. Страшный сон. Где-то они бедные сейчас. Москва ещё не слана, но совершенно окружена. Петроград тоже. Скорей бы конец. Когда шёл домой, видел, как из одного дома выселили всех евреев и под конвоем куда-то увели. Было 7 ч. вечера. О таких экспериментах говорят ежедневно. Ничего не пойму.

22/10. Полчаса тому назад, где-то раздался такой сильный взрыв, что нам казалось, весь дом закачался и вот-вот рухнет. Выяснить, далеко ли это случилось сейчас невозможно, т.к. на улице мрак (7 ч. вечера).

Сегодня всеобщая регистрация всех докторов, инженеров и проч[их] интел[лигентного] труда. Говорят, стоят целые толпы их.

Между прочим, день сегодня отвратительный. Ещё с ночи беспрестанно идёт дождь. Одно хорошо, что все хозяйки запасаются дождевой водой и

заполняют все свои посуды. Целый день сижу дома, т.к. боюсь повторения вчерашнего. Кстати, сегодня утром мне возвратил рум[ын] мой аппарат. Конечно, только потому, что он очень уж устарел. А евреев всё уводят небольшими партиями. Газет ещё нет, а потому все живут разн[ыми] нелепыми слухами, о которых не стоит и писать. Оказывается, что наши бывшие «благодетели» всё-таки взорвали недалеко от Беляевки водопровод, его спешно починяют. Взорвали также электростанцию, не успели взорвать две турбины, которые едва ли смогут питать весь город светом. О преступлениях этих негодяев, не хватит, вероятно, целого тома, чтобы описать их. Мало того, что во многих местах они расстреливали лошадей, но они вывезли их большое количество на каком-то плоту и в море утопили.

Попортили большое количество трам[вайных] вагонов, пустили под откос оставшиеся поезда и паровозы, облили керосином муку и массу продуктов. Взорвали много домов, складов и лучших магазинов, и, наконец, взорвали дамбу на Пересыпи и затопили все рабочие дома. Преступлениям, этих мировых мерзавцев, нет границ. Когда-то покойный Троцкий изрёк такие слова: «Если мы уйдём когда-либо, то мы так хлопнем дверью за собой, что вся Европа задрожит». Троцкому это не удалось, ибо сам получил по башке, а вот этот ирод рода человеческого, действительно хлопнул. Воображаю, что он ещё наделал. Но дни его царствования сочтены, а может быть и уже закончены.

23/10. 12 ч. дня. В данный момент наша улица оцеплена рум[ынскими] с[олдатами] и делают вероятно обыски и выводят евреев. На Куликовом поле уже несколько человек висят. Говорят, поймали их на поджоге. Сочувствующим русским тоже нет пощады. Оказывается, что вчерашний взрыв, от которого наш дом вздрогнул, был взорван дом ГПУ. На Б[ольшой] Арнаутской, 10 поймали поджигателей евреев, они облили бензином некоторые части дома. Я сижу дома, и никуда не хожу. Из дома, где живут Г., всех евреев вывели. Наш дом пока обошли. В общем, состояние у всех жуткое.

10 ч. вечера. Сидим дома с плотно занавешенными окнами. Съели по паре сухарей с солью и этим поужинали. За окном, не переставая, оглушительная пальба слышна с разных сторон. Иной раз как грянет, так чуть сердце не оборвётся. Были с обыском у Б. Кое-что взяли у неё и записали её адрес. Боимся, как бы с ней чего не вышло, т.к. у неё нашли полотенце, а оно со штемпелем. Возможно, что наши привезли из Рум[ынии], когда там грабили больницы, для санатории, а она их себе взяла. У нас не были. В продолжение дня я пошёл по Канатной до Троицкой, на углу лежал старый седой еврей с простреленным черепом, громадная лужа крови покрыла всю ширину тротуара. Тут же всюду стоят часовые, разъезжают военные автом[ашины], пешеходы, но как будто никто не обращает внимания на бледный труп старика и разлитую алую кровь.

Меня дальше не пустили. Тут же, на Канатной, из разрушенного бомбой часового магазина, ребята тащат обломки мебели, двери, окна и всякие щепы. Тут же валяются разные книги. Я не выдержал и поднял две: «История средних веков» – учебник, и ещё не помню. Книг набралась у меня целая уйма, но не до чтения сейчас. Днём целый день в ожидании гостей, а вечером бесконечная перестрелка. Погода продолжает быть пасмурной, холодной. Листья быстро редеют на деревьях, и мы всё ближе продвигаемся к зиме и неизвестному.

В соседнем доме по Канатной некоторые евреи спрятались на чердак. Их оттуда повытаскивали и всех жильцов увели. Я уже не знаю, что хуже переживать: свист бомб бросаемых с самолёта, или это бесконечное ожидание чего-то ужасного. Там были страшны минуты и часы, а сейчас бесконечные дни.

24/10. У нас во дворе с утра рев. Оказывается, расклеен приказ, чтобы все евреи до единого собрались и пошли регистрироваться в Дальник, а это всего 19 км расстояния. Я пошёл по улицам до центра города. Всюду во всех дворах и на всех кварталах собираются поголовно все евреи со своими необходимыми пожитками и узлами и направляются в Дальник. Приказ грозит смертью, кто из евреев не послушается данного приказа, а также и русским, скрывающим их. Описать всю эту картину невозможно. Старики и старухи, еле волочащие ноги, больные и калеки на костылях, все направляются в указанное место. Большинство женщин и детей, молодёжи не видно.

Я себе не могу представить, как они все пройдут это расстояние в 19 км. Едва ли часть их сможет доползти за черту города. Уже два часа. В семь совершенно темно. Как женщины дойдут с детьми, в особенности, с грудными, не могу представить, конечно, всё это ужасно, но кто посеял ветер, тот пожнёт бурю. Невольно в памяти воскрешаются давно забытые картины, многое из нашей памяти исчезло, все детали забыты. О терроре во время прихода их, т.е. большевиков к власти не буду вспоминать, ибо этому давность уже 24 г[ода]. А перед войной, когда арестовывали всех немцев, армян, турок, болгар и проч[их] подданных ни за что. Разлучали матерей с детьми, выбрасывали семьи репрессированных из их квартир, разве всё, что они делали было мягче, человечнее. День и ночь «чёрный ворон» возил арестованных в тюрьму и на Маразлиевскую на допросы. Грузили целые поезда без всякой вины осуждённых. Жён с детьми не подпускали к вагону что-нибудь передать и попрощаться, уезжали без тёплой одежды в Сибирь. Да разве мы, наконец, знаем все подробности красного террора.

Я был однажды в тюрьме и видел, как толпы несчастных женщин целыми днями выстаивали, чтобы какую-либо передачу допустили. Было одно сплошное издевательство над женщинами. По ночам прятались на кладбище, т.к. разгоняли, нужно было быть первыми в очереди для передачи чего-либо необходимого, в противном случае не примут. Так вот теперь наступило возмездие.

Пробило 8 ч. вечера. Темень на дворе ужасна. Выстрелы очень редки, вероятно, потому, что всех «врагов» выгнали из города.

Я с Тосей сидим у стола и читаем при нашей коптилке. Свет отвратительный, едва видишь строчки, но спать не хочется. Наша мысль невольно следует за этой несчастной толпой, которая сейчас или ещё плетётся, или где-нибудь у дороги сделала привал на ночь. Но где, в степи, на голой мокрой земле, с ребятами, стариками, больными, усталые, продрогшие и голодные. Ведь вся эта толпа состоит не меньше 100 тысяч людей, если не больше. До Дальника они не могли дойти за такое короткое время, т.к. в путь пошли не раньше 11-12 часов, а многие и того позже. Значит, за 8 ч. пути 19 км не пройдут медленным шагом без привычки и с тяжёлыми узлами в руках. Да и в Дальнике для них нет пристанища, для такой массы людей. А сколько нужно времени, чтобы эту массу там зарегистрировать. По моему мнению, никакой регистрации там не будет, а просто поддержат их там некоторое время и отправят по домам. Правда, это было бы в лучшем случае. Но что же ещё можно придумать? Недалёкое будущее всё объяснит.

Сегодняшний приказ это месть за произведённые взрывы. Рум[ынский] оф[ицер] мне говорил, что в здании НКВД погиб рум[ынский] ген[ерал], немец[кий] ген[ерал] и много других. Всего его разговора я не мог понять, он также говорил, что евреи студенты убивали рум[ынских] студентов и вообще много нехороших дел было с еврейской стороны.

Это в особенности было тогда, когда наши пошли освобождать Бессарабию. Гнусные дела творятся в 20-м веке и нет им конца. Но кто же истинный виновник всему? Конечно, коммуна показала пример жестокости. Мы лично и неоднократно были свидетелями их бессмысленного зверства ко всем. Я уверен, что весь путь от города до Дальника усеян отстающими старцами, больными и детьми. Сколько из них заболит и умрёт. В каждом дворе остались лишь небольшие кучки русских, а в некоторых и того нет. Улицы совершенно пусты. Видны лишь рум[ынские] с[олдаты], машины и патрули. Уже восемь дней прошло, как заняли город, но ещё ровно ничего не сделано, даже баррикады не убраны, а это можно было бы сделать. Ведь все руки свободны. Тяжёлые темпы восстановления. Улита едет...

25/10. Ежедневно писать уже вошло у меня в привычку. Как жаль, что эта привычка не привилась у меня хотя бы лет 30 назад. А было о чём; много пережито, много перевидано, а уже к концу комедия жизни подходит. Как глупо проводит жизнь каждый человек, у всех она самотёком идёт, не по плану, хотя бы приблизительному. Впрочем, я думаю, так живут поголовно все русские. Немцы, англичане, амер[иканцы] куда лучше и разумнее устраивают свою жизнь. Наконец, видно по результату сегодняшнего дня:

громадная страна за три-четыре месяца превратилась в груду развалин. Вот она Русь несчастная, горемычная и обездоленная.

Пробило 11 ночи. Тося дремлет на сундуке возле печи. Я устал от трудного чтения «Богослов[ские] полит[ические] трактаты Спинозы», хочу хоть несколько отдохнуть и развлечься писанием дневника.

Наших евреев, изгнанных из Одессы не видно и не слышно. Вторую ночь они, несчастные, проводят в сырости, в холоде и без горячей пищи. Ужас берёт, как вспомнишь о них. Что эта несчастная масса людей сейчас делает и какие страдания она испытывает. Я только дважды выходил за ворота, чтобы принести воду из колодца, а потому совершенно не знаю, что делается в городе. Завтра воскресенье, на Соборной площади, наверное, будет служба, как и в прошлое воскресенье, как мне рассказывали, надо будет пойти.

Сегодня наши соседи вдруг вздумали проверить все сараи и их содержание. Начали ломать замки и рыться, и вытаскивать разн[ые] продукты, которыми бедные люди запаслись на всю зиму в небольшом количестве. Всё это делалось под видом искания оружия, чтобы себя застраховать от, могущих быть, неприятностей. Конечно, никакого оружия не нашли, но мне едва удалось убедить, что высланные скоро возвратятся домой, а следовательно, их продукты трогать не следует. Послушались и всё снесли обратно, если ночью не растащат. Стреляют редко. Полная тишина, все давно угомонились, только мы вот одни ещё бодрствуем.

Хотелось бы знать, что делается на свете, но мы сидим, как в клетке под семью замками и ничего не знаем и не видим.

26/10. Слишком слабо моё перо, чтобы описать те ужасы, которые творятся уже третий день. Всюду кровь и трупы, массовые расстрелы от мала до велика. Еврейство несёт сейчас величайшие страдания, оно расплачивается сейчас целыми потоками своей крови и сотнею и сотнею своих жизней. Возвратились времена средневековья, а с ними и все ужасы прошлых веков. И это в 20 веке. На глазах моей знакомой, на 7-ой станции расстреляли толпу евреев и добивали раненых. По дорогам к 7-ой станции лежат трупы, около тюрьмы, много повешенных всюду, даже на Александровском бульваре целый ряд их.

Вот уже третья ночь настала, как ушла главная масса евреев в Дальник, но ещё никто не вернулся. Правда, встречаются небольшие кучки их, но в дом евреев не пускают, т.к. нет на то официального распоряжения, а оставшиеся в домах христиане боятся впустить в собственные их квартиры. Наконец, в одном месте их отпускают, а по пути их снова арестовывают. Рассказывают такой случай сегодня: приехало главн[ое] лицо, которое встретило большой отряд мужчин евреев по Пушкинской ул., идущих куда-то на работу. Лицо

остановило весь отряд, сказало речь, в заключение долой коммунизм. Толпа подхватила этот лозунг, даже бросала шапки, дали распоряжение всех распустить, но в другом месте их снова задержали. Квартиры евр[еев] поголовно все разграблены, если не солдатами, то своими добрыми соседями. У нас, например, один за другим следит, чтобы кто-нибудь не взял чего, разговоры и споры идут бесконечные, один другого упрекают, кто больше взял, каждый выставляет свою честность и невинность, а тайком открывают квартиры и тащат, что попало. Страсти по грабежу разгорелись до наивысшей точки напряжения. При этом, жалея и соболезнуя умершим, тащат елико возможно всё, и все же каждому кажется, что он обижен, что он меньше взял, что его сосед слишком много взял, а у него ничего нет. Больше всего, конечно, спорят женщины. Сейчас гвоздь спора и жестоких укоров друг другу, это оставшиеся 4 евр[ейские] квар[тиры], которые ушли на регистрацию в Дальник. Никто не хочет считаться с тем, что, может быть, эти несчастные жертвы могут вернуться, голодные в свои опустошённые квартиры, т.к. у них «реквизировали» всё необходимое для них, начиная с подушек и тёплых одеял, а всё остальное, что было, попорчено, или уничтожено. Так вот не считаясь с этим положением, они хотят забрать последние их сухари, сахар, масло и проч[ее]. Женщин никак не убедишь, что надо подождать несколько времени их возвращения, но каждая, из этих гнусных типов буквально дрожит от зависти и страха, что её соседка прежде её стащит себе. И уже растаскивают втихомолку, одна перед другой. Какой теперь гнусный народ, нет в нём ни капли совести, сострадания, ни стыда. Двадцать четыре года террора большевиков превратили людей буквально в зверей.

Собственно причина этому весьма проста. Перспектив в будущем никаких нет. Вот уже ровно 10 дней, как пришла новая власть, а ещё ровно ничего не сделано. Баррикады ещё не убраны, работы нет, хлеба, воды и света нет. И даже газетного ободряющего слова нет. И само собою разумеется отсюда и страх перед голодом, а одесситы его прекрасно знают, пережили их два раза и каждому неохота пережить и третий раз. А потому меньше всего думают об отсутствующих жертвах.

Сегодня вывешено новое объявление командования, в котором напечатано: что в связи с покушением на военное командование 23 с[его] м[есяца] за каждого офицера было расстреляно по 200 человек, а за солдата по 100 человек большевиков, а также взяты заложники и в случае повторения взрыва будут таковые расстреляны. Мне сегодня сказали, что при взрыве ГПУ погибло около 50, между ними 30 человек рум[ынских] офицеров. А ведь ещё до взятия Одессы с самолётов бросали прокламации с предупреждением не взрывать элек[трической] ст[анции] и проч[ее], в противном случае будут расстрел[яны]

евреи. Но что могла масса сделать, когда за этим делом следили вооружённые большевики. Поди, попробуй противиться и получишь пулю в лоб. У нас, напр[имер], пришёл приказ окончательно последние машины испортить, и в последнюю минуту пришёл из ГПУ проверить сделанное. В 11 ч. утра я пошёл на Соборную площадь. На Риш[ельевской] ул. лежала старая женщина мёртвая. Публика проходила и не обращала никакого внимания. На Соб[орной] площади было много людей, большинство женщин. У фонтана, где был прежде собор, на том месте приблизительно, где был алтарь, священник служил обедню. В сущности, это была не публика молящихся, а любопытная чернь. Другая огромная толпа стояла за хлебом, давали по одному кило[грамму].

Какую жуткую картину представляет собою сейчас Одесса. Проходишь по улицам и видишь «работу» коммунистов.

Весь ГУМ сгорел дотла, одни голые стены торчат, много крупных зданий, в другом месте целый квартал. Взорван хлебозавод, да разве можно всё перечислить. В одном месте обнаружили 38 мин. Говорят, что оставшиеся турбины электростанции не могут пустить в действие потому, что в случае пуска ток соединён с заложенными минами и может быть взорвано пол Одессы.

Никак не могу добиться узнать: взята ли Москва. Болтают, что война закончена, Москва взята, а Сталин застрелился. Всё это конечно ложь. Не такой Ст[алин] человек, чтобы он пустил себе пулю. Воображаю, как Англия и Амер[ика] из кожи сейчас лезут, чтобы руками коммунистов, кровью русского народа обезопасить себя от грядущей расплаты за их преступления. Не поможет! Дорого заплатят они. Поживём – увидим. Но что с нашими ребятами. В каком они положении. Хотя бы они все со своими семьями уцелели в этой кровавой катастрофе. Не скоро придётся о них узнать.

После нескольких дней тумана и слякоти сегодня, воскресенье, первый день выглянуло солнышко. Очень тепло. Осень прекрасна, но не радостна. Деревья всё больше и больше оголяются, жёлтые листья целыми тучами сыплются и устилают тротуары жёлтым ковром. На улицах редкие прохожие, исключительно русские. По-прежнему проходят части рум[ынских] с[олдат], патрули на всех углах. Горы сданных противогазов и телефонов ещё не убраны, но кому они нужны.

Прочёл соч[инение] Синклер Льюиса «Полёт Сокола». Глупейшая книга. Сплошная галиматья, а потому завтра она предаётся сожжению. Спинозу читаю 11 главу. Медленно продвигаюсь вперёд. Он даёт в своём сочинении подробные описание о пророках, о чудесах, о Божественном законе и многое проч[ее]. Как я уже сказал, книга интересная, но чтение тяжёлое.

Близится 11 часов. Перестрелка на улице сегодня оживлённая. Мрак такой, как будто бы луна нырнула в преисподнюю и никогда не вернётся к нам.

27/10. 10 утра. Сегодня с самого утра начался последний и окончательный грабёж двух квартир: Г. с двумя детьми и К. муж и жена, которых уже до ниточки обобрали. Грабёж начат с квартиры К. нашими добрыми соседями. Мы ещё лежали в кровати, когда нам сообщили об этом. Несколько позже пришли двое р[умын], взяли подушку, перину, диван и ещё кое-что. После их ухода докончили уже сердобольные соседи кв.2.

К этому чёрному делу все слетелись как коршуны, мы наблюдали эту мерзостную картину через наши окна. Уже больше двух часов не могут успокоиться наши православные христиане; бесконечные споры и взволнованные разговоры и конца им нет. Остатки мебели ломают и пилят на дрова. Почин сегодняшнего дня неплох для некоторых, а весь день ещё впереди.

Ночью лил дождь и сейчас ещё слегка моросит. Небо серо и угрюмо, но лица у православных сияют довольством и радостью. Я вспомнил, как вчера на Соборной площади была церковная служба, как стоял священник с крестом, а возле него суетился дьячок, как он молился, а толпа не то с умилением, не то с любопытством следила за божественной службой, я далеко стоял и ничего не слышал, но, несомненно, читалось и Евангелие и произносились Христовы слова о любви к ближнему, и как раз в это самое время многочисленные трупы повешенных качались на деревьях, а дороги были усеяны ими.

Божественный закон, заповеди Христа как никогда глубоко втоптаны в грязь людскими ногами. Но эта многочисленная толпа, как будто молящихся, и в самой отдалённой степени не отдаёт себе отчёта в происходящих событиях. Как бы хотелось на это варварски-скотское время уйти в глухую тайгу и не видеть человеческого лица, и его бесстыжих жадных глаз. Не слышать лживых и льстивых слов и жить только среди природы и зверей.

Уже прошло ровно трое суток, а изгнанных всё нет. Неужели они не придут, быть этого не может, слишком уж их там большое количество. Сколько из них найдут смерть там, сколько умрут от голода и болезней, а если некоторые придут домой не на чем им будет даже свою несчастную голову склонить.

12 ч. дня. Дождь непрерывно идёт. Соседи без усталости бегают и тащат топливо и разговоры, разговоры без конца. Как бы мне хотелось уйти сейчас подальше, на берег моря, и вообще идти, чтобы рассеять мысли и остановить свой взор на природе, на бесконечной дали, наполовину оголённых деревьях и шелестеть ногами по обильно усыпавшим дорогу листьям. Я бы пошёл в парк, где между деревьями можно наблюдать Чёрное море и седые гребни катящихся волн, но если я буду бродить одинокий, я рискую получить пулю, т.к. такая прогулка в уединённых местах может навести на подозрения, и расправа тогда коротка. К книгам не тянет, хотя их накопилось изрядное количество. Я открываю шкаф, читаю их заглавия, просматриваю первые страницы

и снова ложу их в полку. Внимательное чтение книги требует равновесие души и удовлетворённый желудок. Ни того, ни другого в наличии нет. Я полагаю, что у узника настроение должно быть гораздо лучше, он весь в прошлом и черпает свои силы из прошлого, чем и подбадривает своё настроение. Он ничего не ждёт, жизнь у него размерена на годы. Здесь не знаешь, что тебя ждёт через час. Болеешь за других – за честных, безответных людей, попавших в огромную беду. Тебя беспокоит совесть, что те безответные люди третьи сутки мокнут под дождём без еды, многие с детьми, а ты сидишь в своей квартире в тепле и всё-таки имеешь стакан горячего чая с сухарём. Как будто ты косвенно виноват в этом, в страданиях этих обречённых людей.

А дождь уже шумит за окном. Ручьи текут, беззаботные хозяйки здесь подставляют свои вёдра и собирают дождевую воду, варят обед, кипятят молоко, взятое от оставшейся коровы еврейки-колхозницы, в то время, когда ея трое детей сейчас мокнут под дождём голодные.

Я пришёл к тому убеждению, что человек – и в особенности твой сосед, самый подлый враг тебе. Ты можешь с ним жить бок о бок 10-20 лет. Один другого за это время до косточки знает, один другому подчас даже помогает в мелочах, дружески встречаются и всё-таки в итоге человек человеку – волк. Никогда не следует близко подпускать к себе человека, не открывать свою душу и не заводить дружбу. Ибо это гиена, лисица и волк. И прошлая революция и настоящая контррев[олюция] наглядно показала всю наготу и подлость человеческой души. В каждой душе человека, как в оркестре имеются все звуки, начиная от самой тончайшей и нежнейшей струны, до лязга медных тарелок и барабана, но при случаях медные тарелки и барабан большей частью заглушают нежные тонкие звуки и безобразно играют на них, даже не отдавая себе ни малейшего отчёта.

Никто не хочет отдать себе хоть небольшого труда и проанализировать свои поступки к ближнему. Но где же выход отсюда, так отвратительно построена жизнь человека, хотя Божеский закон так ясен для всех.

11 ч. ночи. А дождь как из ведра льёт. На улицах стреляют.

«Приказ Военного Командования г. Одессы 23 окт. 41 г.

Приказ № 12.

Военное командование приказывает.

Все жители г. Одессы еврейского происхождения (мужчины, женщины, девушки, дети) независимо от их возраста и профессии обязаны явиться в распоряжение Военного Коменданта села Дальник.

Жители евреи, которые не подчинились этому приказу будут наказаны смертной казнью.

Все жители г. Одессы, обязаны донести начальникам соответствующих полиц[ии] районов, имена и фамилии всех евреев г. Одессы,

Дом князя Гагарина

которые не подчинились этому приказу; виновные в нарушении этих мер будут также наказаны смертной казнью.

Каждый житель обязан иметь при себе все документы для установления личности.

Никто не имеет права покидать свои квартиры за исключением экстренных случаев: как-то вызов врача, в случае пожара, вызов в гос[ударственное] учреждение и т.д.

Все те, которые будут найдены в чужих квартирах или дворах без серьёзных уважительных причин, будут преданы военному полевому суду; эти меры будут применены к дворникам и хозяевам квартир, у которых найдутся лица, не проживающие в этом доме.

Строго воспрещается переселение жителей из квартиры в квартиру или из дома в дом, без предварительного письменного разрешения районных начальников.

Комендант гор. Одессы   под. Никулеску.

Префект полиции   С. Плугаров».

[Приказ, распространенный в листовках – Л.М.]

28/10. Вода в водопроводе появилась сладкая, следовательно, первый шаг сделан. Всё остальное пока ещё в неизвестном будущем. Погода сегодня на диво хорошая. Яркое солнышко, тепло, синее небо и всюду жёлтые листья. Пока дворники не убирают их. Пошёл в город по Ришельевской и увидел убитую женщину, которую я видел в воскресенье. Она всё ещё лежит на том же месте на углу. Лицо обгрызли голодные кошки, вероятно. Публика равнодушно проходит мимо. На базаре идёт первобытный обмен продуктов. За бутылку под[солнечного] масла – 3 кило[грамма] картошки. За старый женский кафтан – 2 литра молока. Конечно это уже грабёж. Никакие деньги не признают пока, т.к. до сих пор никакого объявления по этому поводу не было. Предложение весьма ограниченное. Хлеба до сих пор нет. Сухари с похлёбкой страшно надоели. Утром чай с сухарями, вечером тоже. Но всё-таки я вчера вечером ожил, т.к. добрая соседка принесла нам немного сухарей, а то эти были уже последние. На улицах тоже жуть. Редкие русские прохожие и всюду развалины. Едва ли другой город больше пострадал, чем Одесса.

Вчера вышел первый номер газеты, я его не читал и не видел. Москва пала, правительство удрало на Урал. Сегодня мне сказали, что Ростов и Севастополь взяты. Пропала великая, свободная Россия. Большевики угробили её. Ленин начал, а Сталин добил. Будь они оба навеки прокляты. Но, кто поддерживал этих мировых вырожденков получил и получит по заслугам. Тысячу раз был прав Гитлер, когда в Берлине на площади совершили аутодафе над Карлом Марксом и коммун[истической] литературой. Вот кто достоин всяческой благодарности за избавление нас из-под дьявольского ига коммунистов.

Тоже были времена не лучше и не хуже нашей эпохи. То же варварство, та же чернь, грабёж, кровь и религия. Одни пришли к нам в 1917 г. с расстрелами, разрушением церквей и обещанием счастливой жизни, справедливости и равенства. Другие пришли на место первых в [19]41 году уже с бомбами, разрушением зданий, 1000 жертв, но с обещанием восстановления церквей и священных прав, а также с заботой о нашем питании и здоровье. По этому поводу даже было две обедни под открытым небом с 1000 повешенных. Так начинается всякая власть с обещаний. Первая власть 24 года обещала лучшую жизнь рабочему классу, наконец, ей самой надоело ждать эту лучшую жизнь, т.к. она упорно не приходила, тогда наше «солнце», наш мудрый Сталин – «гений человечества», объявил счастливую жизнь в газете «Правда» и, конечно, тогда никто из рабочих не смел сомневаться в этом. В то время, когда «Правда» и другие газеты, усиленно печатали благодарности купленных дураков из черни, за данную Сталиным счастливую и свободную жизнь, а продажные поэты слагали стихи, мы мёрзли по 3-4 часа на морозе в очереди за 1-2 кило[граммами] картошки и вообще за всяким пустяком. Наши жёны десятую заплату накладывали на рубаху, кальсоны или штаны, ну, а в последнее время и кальсоны вывелись из моды и ходили в трусах и тоже рваных.

Словом разделяй и властвуй обещанием и террором. Таков лозунг каждой власти. Чёрт его знает, когда, наконец, наступит хотя бы сносная жизнь на этой, залитой кровью и слезами, земле.

С тревогой и трепетом смотреть в окно на пришедших солдат во дворе, куда они направляются, видеть, как они под мышкой тащат, уже который раз, последние тряпки у бедняков, грызть, чёрствые как камень сухари уже 13 дней и ничего больше. И всё это в 20 веке. Веке радио, авиации и сотне других изумительных открытий. Мозг современного человека исключительно занят собственным истреблением. Он выдумал одной бомбой превратить в груды развалин огромные 3-х этажные дома, стреляет за сотню километров по беззащитному городу и сотнями убивает мирных граждан, женщин и детей, он обливает керосином тысячу мешков муки, топит сотни лошадей в море, и нет числа и меры тем злодеяниям, которые человек 20-го века не проявлял с упорной жестокостью и хладнокровием. Шестнадцатый век гугенотов и католиков, а 20-й век – фашистов и коммунистов. К какому результату те пришли, и к какому, в конечном итоге, эти придут. На последний вопрос ответят только мои внуки.

Не являемся ли мы своего рода действующими лицами огромной драмы, трагедии или комедии, для того только, чтобы какой-нибудь новый великий Шекспир не изобразил наш век, а в 25-30 веке, сытые буржуа, сидя в удобных креслах театра, будут с интересом и удовольствием смотреть, а потом разойдутся по ресторанам вкусно поужинать в весёлой компании.

Ведь ещё прошлым летом мы видели Отелло и Дездемону, восхищались ими и всей игрой их, и с удовольствием ещё не раз вспоминали все события этой драмы. Но ведь переживание Отелло было не из приятных, также как и Дездемоне было не очень весело быть задушенной любимым человеком. Несомненно, были же такие драмы в жизни во времена Шекспира, Генриха IV и друг[их]. Значит и наша эпоха готовит интересный материал для будущих поколений, чтобы им не было скучно. Ну, а уж великие писатели, биографы, поэты и художники постараются преподнести будущему читателю что-нибудь интересное вроде Мериме «Варф[оломеевской] ночи».

Словом, мировой дух или разум, зорко следит за тем, чтобы человечество случайно не впало в добродетель и не уснуло навеки.

В это время (10 ч. вечера), когда я пишу эти строки, происходит необычайная стрельба: пулемёты трещат, оружейные выстрелы, словом как будто на нас напали партизаны. А всё может быть, мало ли осталось головорезов. Сегодня сижу весь день дома, т.к. дождь лил всю ночь и почти весь день. наших соседей двора, оказывается, загнали в тюрьму. Сегодня одну отпустили с двумя детьми, очевидно за продуктами. Я видел её у нашего окна. В то время, когда она сидела у соседа, пришли четверо рум[ын] и снова заглянули в её квартиру, но у нея уже нечего брать, все же один из них наполнил корзину чем-то. А о Дальницких изгнанниках ничего не слышно, а уже шестой день пошёл.

30/10.

Военное Командование г. Одессы

доводит до сведения населения Одессы и её окрестностей, что после террористического акта, совершённого против Военного Командования в день 23 октября 41 г. были расстреляны.

за каждого офицера или штатского чиновника германца или румына по 200 большевиков, а за каждого солдата немецкого или румынского по 100 большевиков.

Взяты заложники, которые в случае повторения подобных актов будут расстреляны совместно с их семьями.

Эти строки я списал с объявления, как исторический в будущем документ. Так же как и предыдущие документы, они войдут в историю освобождения от большевицкого 24-х летнего террора в России.

Передо мной лежит «Одесская газета» № 2 от 29 октября, получил её совершенно случайно, т.к. в продаже газета теперь редкость, спрос колоссальный, а печатают мало. Выходит три раза в неделю, цена 10 коп. Собственно это не газета, а газетка в $\frac{1}{4}$ листа размером. Это своего рода новорождённое дитя, худосочное, тощее и едва лепечущее «а-а». Передовая статья «Развитие частной собственности». Призывается народ к инициативе, которая будет

Общая картина сложившихся обстоятельств, для всего населения пока безрадостная. Помощи не откуда ждать. Свою инициативу проявить с пустыми руками и без приличной квалификации невозможно. Остаётся надеяться на его «Величество Случай». Если подсчитать весь наш капитал в марках, то он: 200 р. = 20 маркам. В мои 65 лет, какую я могу проявить инициативу. Вот если бы со мной был Орест, то в недалёком будущем можно было бы заняться мелкой торговлей. Его квалификация тоже пойдёт насмарку, разве он может открыть фото[ателье]. Также не нужны будут и экономисты при нынешнем строе, и бедному Сергею придется не с мёдом. Зато наши строители Володя и Венья обеспечены работой на сто лет с первого дня. Только, чтобы они все у нас были невредимы и здоровы. Остаётся, пока что, запастись терпением и надеждою.

Оказывается, что вчера вечером, когда была сильная стрельба из зениток и пулемётов, нас посетили английские самолёты. Разведочные.

Каждый раз, когда я иду в город и прохожу новые районы, мною ещё не виденные, я просто прихожу в ужас, что наделали при своём отступлении большевики. До сих пор ещё дымятся некоторые, ими подожженные или взорванные дома. Просто трудно пересчитать количество подожженных и взорванных домов ими. На Ришельевской я снова увидел труп старого седого человека, как мне сказали, он лежит уже третьи сутки. Какой-то сердобольный человек подложил под него рогожу, и он лежит с вытянутыми вверх руками. О евреях ни слуху, ни духу. Сегодня раздали анкеты-заявления, в которых требуется указать помимо фамилии и проч[ее], «материальное положение», т.е. количество муки, бакалеи, дров и угля, а также одежда или обувь на какой промежуток времени. Последний пункт не вполне ясен.

Мы с Тосей счастливы тем обстоятельством, что у нас совершенно отсутствует: зависть, жадность, ненависть, а имеется большая скромность во всём. Мы довольствуемся минимальным, и пока у нас имеется сухарей дней на пять, мы этим совершенно удовлетворены, поэтому если бы я нашёл работу с самым небольшим окладом, мы бы уже были вполне довольны.

31/10. Когда слушаешься в каждом доме и в разных районах разговоров о людской подлости, об их жадности, об их бессердечности к своему ближайшему же соседу, об их закоренелой чёрствости – невольно вспоминаешь, что вот уже прошло почти две тысячи лет, как заповеди Христа ежедневно повторялись, преподавались, учили народ и во всех школах о любви к ближнему, о милосердии к бедному, об участии к заключённому, но всё это учение, когда столкнулось с суровой действительностью, рассеялось как дым. Редкие одиночные, честные люди, с горящим сердцем, неизменной справедливостью, сознательно отдающих себе отчёт в своих поступках, буквально тонут, в общем хамстве несправедливой, жестокой толпы. Честный голос, это буквально

«глас вопиющего в пустыне». Спрашивается: сколько же нужно тысячелетий, чтобы исправить всю эту чернь человечества? Сколько нужно времени, чтобы переделать человеческие мозги так, чтобы в случае повторения такой же катастрофы, какую мы переживаем, и вообще, когда в жизни встречаются испытания добродетели каждого, чтобы этот индивидуум мог сознательно и правильно настроить свой мозговой аппарат не ко вреду своего ближнего, а ко благу его. Хуже всего то обстоятельство, что каждый упрекает другого, что он больше награл, каждый себя считает абсолютно ни в чём невинным и ни в малейшей степени не сознаёт своей вины и своего участия в отбирании последнего сухаря у голодного. Конечно, я слишком повторяюсь, я уже писал об этом. Но я пишу дневник, а наши несчастные дни только и наполнены этой сплошной частной и государственной несправедливостью. Вот у нас сидела и рассказывала, только что, одна женщина о своём мытарстве, когда их всю крестьянскую семью «раскулачили» и сослали на крайний север. Её рассказ – одна жуть. Когда со всех концов России их собрали на север, и когда во время зимы в бараках жило по 50 семейств, и каждый день умирало от холода и голода по 100 ребят. Когда, наконец, многие разбежались, и ей пришлось идти лесом 16 дней и питаться листьями, и корнями. Вот она большевицкая организация, забота о бедном и пролетарская справедливость. Но довольно об этом.

Я сегодня пошёл на Слободку. Наша быв[шая] суконная фаб[рика] сгорела и торчат лишь одни стены. Ещё недавно так – в начале войны, ставили караулы вокруг фабрики, чтобы враг не поджёт фабрику, и мне пришлось дважды в тёмную ночь, охранять её целостность и, в конце концов, свои же негодня уничтожили её. Тут же, недалеко, на железнодорожном пути сброшены под откос насыпи штук тридцать цистерн и разн[ых] вагонов, иные гружёные разн[ыми] железн[ыми] предметами. Из одной громадной цистерны перевёрнутой на бок, бабы с ведрами набирают какое-то вареное масло. Десятки ребятишек лазят по перевёрнутым вагонам и тащат, что находят подходящим. Картина жуткая и отвратительная. Мудрая большевистская власть решила, что для народа подобный Сталинский фортель пойдёт на благо. Один из молодых рабочих как-то правильно заметил: почему, когда мы брали Бессарабию, румыны, отступая ничего не портили, а наши уходя, всё взрывают. А между тем, наши изовравшиеся большев[истские] газеты всегда кричали, чуть ли не о варварстве капиталист[ических] стран и о высоком благородстве новой пролетарской культуры. Да, они блестяще выдержали экзамен по этому предмету, народ долго будет их вспоминать с проклятиями на устах.

День сегодня чудесно тёплый. Вся наша бывшая красавица Одесса, как нищий в рваном рубище, освещена ярким, даже горячим солнцем. И всё же радости ни у кого нет. Рум[ынские] войска всюду и на всех перекрёстках, и улицах стоят толпами или прохаживаются гуськом. Их огромные грузовики

тихо мчатся во всех направлениях. Но улицы пусты, редкие прохожие неизменно тащат свои пожитки. То и дело встречаешь, вот уже сколько времени, с тюками, стульями, разн[ой] мебелью, пожитками. По всем улицам только и видишь с какой-нибудь поклажей, когда уже эти женщины уgomонятся. Но дела никакого не видно. Правда, кое-где открыты парикмахерские. Берут за бритвьё всего 5 руб. У маникюрш уже образовалась очередь. На известную породу женщин ничего не действует. Они во всякую политическую погоду невинно и беззаботно протягивают свои холёные пальчики, для придачи им красоты. Для чего и кого, это уже их секрет. Вон там, в маленьком киоске от мороженого, внутри стоят два рум[ьнских] с[олдата] и девица, у них оживлённый разговор на мимике и пальцах. Полагаю, они поймут друг друга.

А всё-таки, несмотря на горячие приветствия евреев пришедших рум[ьн] в первый день их прихода, о чём я писал в своём дневнике, евреи всё ещё маринуются по тюрьмам и другим местам. А вот только что (8 часов вечера) Тося пришла от соседки почти с сияющим, но во всяком случае оживлённым лицом. Как же! Ей только что гадали и карты показывают, что все четыре короля будут в Одессе. Один из этих королей, шатен, в каком-то горе, как будто не ладно с ребёнком. Дороги открыты. Первой приедет брюнетка и брюнет. Что ж проверим, не врёт ли гадалка, поэтому я и записал этот эпизодик.

1/11. Докатились до 1-го ноября. На дворе теплынь продолжается, это конечно приятно, легче всё-таки переносить существующее положение. Был на Привозе, где тысячи покупателей, а предложений ничтожное количество. Мена воспрещена, т.к. курс рубля установлен – 4 коп[ейки]. Но крестьянам это невыгодно и вполне понятно, он отдаёт свой продукт за кучу сов[етских] бумажек, стоящих гроши, на которые он ровно ничего не может купить и домой поедет без товара и только с денежными знаками. Носил пару брюк, обменять на картофель, но не удалось. Толпы людей стоят у новых полиц[ейских] участков для получения ордеров на квартиру или на пропуск из Одессы. Говорят, как будто какой-то поезд куда-то недалеко едет, а то и подводой. Я в бесперспективном состоянии нахожусь, будущее чернее ночи, с моим характером и дряблой волей хоть ложись заранее в могилу. Не умею крутить и изворачиваться. Мне как-то несколько раз снилось, что я нахожусь приблизительно в таком положении как сейчас. Я очень страдал во сне, что я ничего не умею делать, что я беспомощен и во сне же я вспомнил, что это только сон и я имею твёрдую работу на фабрике, и я так радовался этому обстоятельству. Вот удивительное тяжёлое предчувствие. Пошёл бы в чернорабочие, камни таскать, так и этого нет. Буквально не за что взяться.

Завтра воскресенье, будет на Соборной площади, очередное третье моление. О чём? Полагаю, что и поп толком не знает, о чём просить Бога. Ведь

кому суждено растянуться на улице от пули, то это его не минёт, или сделать-ся в недалёком будущем первым купцом в Одессе. Капризная и злая судьба.

2/11. Воскресенье. Проходя по Соборной площади с Тосей, видели народное моление на прежнем месте собора. Мы не подошли. День прекрасный. Толпы народа на площади. На улицах встречаются исключительно русские. Евреи исчезли. Похоже на то, как евреи вышли из Египта, но там они по своему желанию, т.е. воле Моисея, а здесь по воле рум[ынских] властей. Впрочем, не случись взрыва в НКВД, где погибло 42 человека, в том числе много видных людей, ничего подобного не случилось бы. Сегодня одна женщина, очевидец, идущая из Люстдорфа, рассказывала, что двое евреев переодетых в военную форму хотели что-то взорвать, но заметила вовремя девочка, донесла об этом и тут же их расстреляли.

Тося не могла представить себе такого сильного разрушения, какое она впервые увидела. Опять пришла пора суеверий, снов и разных признаков, как в былое тяжёлое время, во времена прихода большевиков. Сегодня над носом со лба спустился маленький паучок, так вот Тося упорно ждёт известий от наших ребят. Несмотря на мои доводы, что ещё поезда не ходят, всё-таки она упорно твердит, что получит известие. Блажен – кто верует. Впрочем, мне также снился сон, что огромный вол подошёл ко мне. Не к прибыли ли это – я подумал, и что ж, мне удалось променять пару комнатных туфель на 5 кило[грамм] картофеля. Вот так удача! Мы каждый вечер с Тосей сидим и читаем под аккомпанемент уличных выстрелов. И не надоест им ежевечерне, без умолку стрелять. У меня так много накопилось книг, что книжный шкаф не вмещает всех. Сегодня я сделал изъятие книг из шкафа Г., всё равно пропадут, а если они спасутся, возвращу им. Квартира их совершенно разгромлена, как и всех других. Кое-какие предметы у нас хранятся, когда их выпустят, немедленно возвратим. Но трудно представить себе их ближайшую судьбу. Говорят, из тюрьмы ежедневно выносят десятки трупов. И не удивительно, ведь их там не кормят, имеется там много стариков больных и детей. Сегодня ровно десять дней как их всех держат.

Вода доходит уже до второго этажа. Но водой сыт не будешь. Если мы воду ждали больше двух недель, то спрашивается когда будет хлеб?

3/11. В то время когда я слушаю рассказы пришедших наших соседей из тюрьмы, о всех ужасах, происходящих там, у нас за стеной непрерывно топаят танцующие ноги победителей. Их целая команда поселилась в соседнем доме, и заняли свободные квартиры. Как-то странно слушать жуткие рассказы о тех зверствах, которые творились в тюрьме. Двадцать девушек рум[ыны] изнасиловали и их отправили в больницу. Одному еврею вырвали седую бороду. Нашего соседа хромого за то, что он не мог быстро идти, избили до

полусмерти. Когда заключённые ходили за водой в них стреляли и не давали её носить. Рассказам нет конца. Говорят, что в тюрьме было 40 тыс. заключённых, были также и русские партийные. А в это время раздаётся весёлая музыка, громкий топот многих ног и, наверное, веселье без конца. Нет у меня умения описать все рассказы об их страданиях. С какой радостью, после десятидневного заключения они шли по улице и мечтали прийти домой в свою квартиру, первым долгом вымыться и очиститься от насевших на них паразитов. Но какое жестокое постигло их разочарование, когда они вошли в свои квартиры совершенно опустошённые, а продукты расхищены «добрыми» соседями. Даже вилки, ножи и тарелки утащены. Где глаза у этих негодяев? Как они могут смотреть им в глаза? Но что же будет дальше? Как и чем жить? Война ещё не окончена, Сталин ещё сражается, ещё льётся кровь. А мы как обречённые ждём своей очереди – умереть голодной смертью...

4/11. После чтения стихов Надсона грустно-грустно стало на душе, а после пережитого, впечатление сегодняшнего дня стало просто невыносимо, попросту жить не хочется. В такое время, в такие дни жить, нужно быть только философом, как никогда. Но это легко сказать, но исполнить не по силам. Видишь всюду, буквально на каждом шагу, одни людские страдания, которым нет имени, названия, а быть философом значит быть равнодушным ко всему окружающему, быть глухим, немым и слепым.

Сегодня в 11 ч. утра, я пошёл на кладбище в церковь с одной знакомой еврейкой замужем за русским, чтобы попытаться счастья получить венчальное свидетельство и тем спасти её. По грязной с лужами дороге длинной вереницей плелись выпущенные из тюрем евреи. Огромное большинство из них были старики и старухи. Они еле плелись, вид их был ужасен, многие из них были буквально древние, слепые калеки, некоторые с огромными синяками под глазами. Пять человек несли на носилках не то уже умершего, не то больного. Какая-то старуха лежала, скорчившись мёртвой. Другая – лежала на мокрой земле и лишь едва шевелила руками. Толпы молча проходили мимо нея, по возможности спеша поскорее и подальше уйти от места ужаса и невероятных страданий. Но, как и чем ей помочь? И я молча прошёл мимо нея и она осталась лежать и ждать помощи только от одной смерти, только она одна сжалится над ней. А по дороге всё мчатся военные грузовики, партии солдат, десятки всадников, автомобили с высшими чинами, и все они, эти мученики с узлами бесконечной вереницей плетущихся и жмущихся к заборам и домам.

Сегодня оказался праздник Казанской Божьей Матери. Хотя мы пришли уже к концу обедни, но народу было полно в церкви. Не ирония ли всё это моление людей? Не лицемерие ли их? Подходят и спрашивают свечи.

Ставят их, крестятся, а тут же мимо ворот проходят тысячи и тысячи голодных, оборванных в грязи и нами, православными, обворованные.

Дело, за которым мы пришли, отложено до завтра. Пришёл домой и здесь застал ад и слёзы. Какой-то комендант занимает против нашей квартиры все комнаты, и выбрасывает женщину с ребёнком. Пришедшие вчера из тюрьмы вновь устраиваются и, приходя в свои прежние комнаты с выбитыми стёклами и начинается переноска мебели, крик, ссора, т.к. прежде одна другой дарили мебель, а теперь приходится отнимать их. Бедные дети голодные и продрогшие кричат, но топить печку напрасно, т.к. ни одного стекла в окне нет. Одна жуть, да и только.

11 часов ночи. Выстрелы не прекращаются. Часы тихо нарушают в комнате тишину, лампа коптит. Тося только что прилегла на кровать и дремлет, а я вот пишу эти несвязные печальные строки, чтобы хоть ими разогнать тоску моей души и успокоить себя. В продолжение целого дня и сейчас, передо мною, как в кино представляется картина сегодняшнего дня, но гвоздь этого всего умирающая древняя старуха, может быть до сих пор, лежащая там на дороге, одинокая, беспомощная среди мрака холодной ночи.

Живые сливаются с мёртвыми, при посредстве изменения видов.

Как жалок род человеческий!

О! Люди, из какой борьбы и стонов вы родились!

Я рыдал, проливал слёзы, наблюдая непрерывную жизнь.

6/11. Часы бьют 12. Тося только что ушла к А. Чтобы хоть немного отвести душу и... погадать. Я остался один в комнате. Куда идти и что делать? Сегодня съедаем последние сухари. Есть на насколько дней макарон, а дальше?..

Сегодня утром нас разбудили и сказали, что соседка К. сошла с ума. Она не могла перенести всего пережитого ужаса в тюрьме, а тут дома к довершению ко всему она застала разграбленную целиком свою квартиру и осталась совершенно без запасённых ею продуктов. Мужа её также ещё не выпустили и погнали на работу неизвестно куда. Всё это вместе взятое повлияло на её голову. Чем всё это кончится?

Наши дворовые грабители дважды прибежали и докладывали о К., но что мы можем сделать, это убийство человека пусть ляжет на их душу тяжёлым камнем до конца. Когда я писал эти строки ко мне ввалились два солдата, якобы для поиска оружия, а на самом деле пограбить, открыли в буфете два ящика и тем успокоились. И за это спасибо.

Сегодня утром, у нашего бежавшего соседа коммун[иста], вывезли всю мебель, даже веник забрали.

Словом бочка снова перевернута, и кто был внизу, очутился наверху. Так было в 1917 году, а теперь точно также, только наоборот. Все доярки, пастиухи и другие отошли на задний план, на своё старое место, но, к сожалению,

кто был в [19]17 году на своём месте, того уже давно нет, за них орудуют другие, чужие нам люди. У всех возвратившихся из тюрьмы серые лица. Вчера одна из наших дворовых подошла ко мне с плачем, что она ничего не ела, мы ей дали сахару, т.к. у нас самих ничего нет.

Я главным виновником являюсь в нашей голодовке. Ибо это была преступная небрежность не заготовить хотя бы сухарей побольше, а можно было, но эта повинная теперь бесполезна. Сегодня утром я дал соседке несколько кусочков сахара, так эти солд[аты], которые ходили якобы с обыском по квартирам, у неё забрали этот сахар. Что можно к этому добавить. Удивительный этот рум[ынский] народ. До чего власть доводит людей, нет самой элементарной честности не только у нас, но вероятно и во всей Европе. Дождь лил всю ночь, уже два дня дрянная погода.

Вышел номер газеты 3 и 4, но её трудно достать, да и опасно ходить, т.к. на улицах забирают на работу. Написал заявление о том, что знаю Алек.[?] не как коммуниста. Он арестован. Поможет ли? Нет почти ни одной семьи, которая не пережила драму в той или иной форме. Жутко на людей смотреть, а в особенности на наших дворовых евреев. Но чем помочь. Даже малейшего проблеска нет на улучшение материального положения, тот лишь обеспечен, кто рвал и метал, тащил и крал. Что делать? Что делать? Какую теперь можно проявить инициативу и в чём, с голыми руками, без денег и с пустым желудком. Эти 180 руб., которые у нас есть, грош им цена, крестьяне на деньги ничего не продают. Заставили одного крестьянина продавать картошку за деньги, так он высыпал её из мешка на мостовую, и уехал. Конечно, толпа бросилась подбирать.

Даже в госпитале больным не дают хлеба, варят одну похлёбку. А мы-то читали в газетах в [19]39 году за французов, что они едят ворон и кошек, а сами не подозревали того, что мы на очереди их. Мысли беспорядочной толпой гнездятся в голове, да проку от этого мало. Никудышний я человек, а стоит ли жить такому человеку.

Вот я всё пишу про себя, а каково сейчас нашим ребятам, в особенности Сергею и Володе. Разве их положение не во сто крат хуже нашего. В особенности Сергею плохо приходится. Неужели он сражается на баррикадах Москвы, а Фаня, одинокая и беспомощная, с ребятами где-то на Урале. Самая смелая фантазия не может себе представить все их сегодняшнее положение. Не будем ли мы завидовать, в конце концов, мёртвым?

Знакомая, которая пыталась получить удостоверение о её венчании, конечно, потерпела фиаско. Таких хитрых, оказалось немалое количество, и их заявления будут рассматривать в будущем. Записей церковных, конечно, не сохранилось, и на этой почве кое-кто хотел спасти себя. Между

прочим, я спросил свою знакомую, когда она шла на кладбище, о той несчастной старухе, которая лежала на земле полуживая; она уже лежит мёртвая. На Пушкинской лежит убитый мужчина, как передала мне наша соседка. Голод, кровь и трупы.

Вчера разбирали щель, где мы прятались от бомб. Пожалуй, то время было лучше сегодняшнего. Была угроза на несколько часов, прошла опасность и всё забывалось, а теперь не то. С досады, тоски и одиночества затопил печь. Дрова весело потрескивают и огонь пожирает свою добычу. Говорили, что несколько тысяч расстрелянных собрали в кучу и также сожгли их, как эти дрова. Уже начало третьего. Тоси ещё нет. Выглянуло солнышко и осветило все крыши домов. А вот и она идёт. Отчёт о гадании таков: получим скоро известие, которое нас обрадует. Приедет к нам блондин и брюнетка. Будет в доме радость. Поживем, увидим и проверим предсказание ворожеи. Притом у брюнетки будет горе нас не касающееся.

8/11. Ровно год сегодня, когда мы вчера и сегодня, так торжественно праздновали 24-ю годовщину [овщины] советской власти. И, конечно, наш стол всё-таки во время обеда был более обилен, чем наш сегодняшний. Сегодня третий день, когда у нас наступила настоящая форменная голодовка. Едим один раз в день тарелку-две какой-то бурды, с несколькими плавающими картофелинами и несколькими клёцками. Но и картофеля и муки хватит лишь на несколько дней. Променять на наши вещи тоже нельзя, т.к. крестьяне окончательно ничего не привозят в город, а по дороге, говорят, отнимают румыны. Положение создалось архи-невыносимое. Конечно, тот, кто бессовестно обобрал своего соседа, или смело проявил себя в грабежах магазинов и разных складов, вполне с избытком застраховал себя на продолжительное время не только от голодовки, но, даже, смеясь втихомолку, не отказывают себе ни в чём. Такие характеры как мы сейчас жестоко расплачиваются. Помощи не откуда ждать, и мы сидим, как в мешке, ничего не видя перед собой и не зная, что делается для изжития настоящего ужаса.

Всё-таки, как каждый человек страшно ограничен. Он буквально на один волос дальше своего носа не видит. Он не может отдать себе хотя бы приблизительно отчёта, что его может ждать, в каких условиях он может очутиться. И лишь когда попадёт в беду, лишь тогда ему всё так просто и ясно кажется, и удивляется своей близорукости и естественного последствия переживаемых событий. Утешение лишь в том есть, что такой «гений человечества», как Ст[алин] и тот оказался дураком буквально молниеносно. Он-то всё время болтал своим языком о надвигающейся опасности, но о такой, которая свалилась внезапно на его мудрую голову, он никогда не допускал.

На Соборной площади был молебен. Громкоговоритель, т.е. радио, сообщило, что в Бухаресте сейчас проходит народное молебствие о присоединении Бессарабии и Буковины, так нагло, в своё время, оторванной. По этому поводу было совершено благод[арственное] молебствие в присутствии короля и проч[ее], проч[ее], и в ознаменование сего, некоторым улицам и площадям дали имена как короля рум[ын], маршала Ионеску, даже Гитлера и Муссолини. После имеют продефилировать все вдовы, мужья которых сложили свои головы на поле брани. Что касается сводки, то она очень кратка. Немцы приблизились вплоть до Чёрного моря. Сов[етские] войска дезорганизованы и все отступают. Немцы продвигаются к Уралу, где нанесут последнее поражение Сталину. Англия и Америка ничем помочь большевикам не может. Завтра в воскресенье в 12 ч. дня будет снова сводка. Была небольшая кучка народа, которая молча выслушала о победах румын и дальнейшем наступлении немцев. Всё время шёл приличный дождь. На улицах у всех нельзя было заметить ни радости, ни печали. Все лица как бы одеревенели. Всюду и везде раздаются страстные желания избавиться рум[ын] и мечтают о приходе немцев. Говорят, что в занятых ими областях царит полнейшее спокойствие и даже обилие продуктов. Даже евреев не трогали. А мы, мы самые несчастные...

Чего стоит только пустынный вид улиц и бесконечные развалины кварталов. На углу Успенской давно разрушенный дом снова дымится. Очевидно, кто-то поджёт его. На Пишоновской ул. убили двух рум[ынских] сол[дат] и сейчас же из этого дома всех расстреляли.

Сегодня приказ гласит всем евреям, от 18-50 [лет – Л.М.] явится в тюрьму для работ. Семьи обязаны приносить им кушать. Не знаю, каким способом они могут кормить, когда они разграблены. Приказ также всем коммунистам и комсомольцам явится, и те которые явятся, будут признаваться, как заблуждающиеся и прощены, в противном случае – смерть. Наши знакомые Г. ещё не возвратились, их куда-то погнали из Дальника неизвестно куда. Говорят, те счастливы, которые в тюрьме, правда, многие из них не вернулись.

А ровно год тому назад, сколько было веселья, сколько раздавалось песен, театры и кино были набиты, и никто не предчувствовал, что многие из них ровно в этот день не будут в живых, а в лучшем случае будут в тюрьме и поголовно ограбленные, и без корки хлеба. Так хочет история.

Конец третьей тетради.

* * *

9/11.

*... Что значу я, со всей своей любовью,
И разумом моим, и волей, и душой,
Пред льющейся века страдальческой кровью,
Пред винным злом и вечною враждой?!*

Надсон

Сегодня, в 12 ч., я стоял на Соборной площади у радио-передат[чика], сзади меня, на прежнем месте собора служили обедню. Победители рум[ыны] с винтовками в руках, с железными касками на голове окружали церемонию богослужения, огромная толпа толпилась вокруг. Издали я видел большой крест, сделанный из живых белых цветов, обыкновенный стол, накрытый белой скатертью, а на нём обыкновенная небольшая икона Спасителя.

У громкоговорителя другая толпа напряжённо слушала сводку. Короткая сводка, но полная ужасного русского трагизма: операции вокруг Петрограда и в предместьях города развиваются успешно. Документы, найденные у захваченных в этих боях пленных, свидетельствуют о большом падении дисциплины, разложении и пьянстве в Сов[етских] войсках. В Крыму, гер[манско]-рум[ынскими] войсками захвачено свыше 30 тысяч пленных, то есть свыше $\frac{1}{2}$ состава всех войск, принимавших участие в обороне Крыма. Новороссийск был вновь подвергнут сильной бомбардировке. Причинены большие разрушения порту и, особенно, военной гавани. Военно-черном[орский] флот, перед угрозой окончательного уничтожения герм[анскими] самолётами, имеет только два выхода: 1) уйти в Турцию, где он будет интернирован, 2) быть потопленным своими же собственными экипажами. Советское рад[ио] передало воззвание, обращённое к Красной армии и гражданскому населению с призывом о спасении власти, положение которой, стало критическим. Как свидетельствует передача Лонд[онского] радио, англичане уже убедились в безнадежном положении и обречённости Советской армии.

Публика молча слушала эту ужасную, позорную для всякого русского человека сводку. Половина России побеждена, взята и залита кровью, герм[анские] войска подходят уже к Уралу, для России уже спасенья нет, хотя Сталин, формирует вторую армию у себя в тылу. Какой позор, какой ужас!

Мы же с пустым сердцем и без дум, стоим здесь и слушаем эти зловещие для нас, русских, слова. Бесконечно великая, могучая Россия, Россия без края и конца, погибла навсегда. Что от неё останется, она будет подневольной и под крепким тяжёлым сапогом германца. 24 года лишений и страданий, миллионы невинно загубленных душ, такова цена безумных экспериментов фанатиков коммуны. Тысячу раз были правы французы, что так жестоко расправились со своей Парижской коммуной. Сердце переполнено обидой и

ненавистью к тем, которые уничтожили свободную некогда Россию, и исковеркали нам всем пол нашей жизни. Россия, которая кормила всю Европу своим чудесным хлебом, на сегодня сама не имеет грамма, уже почти месяц мы не видим хлеба и лишь сегодня пообещали, через несколько дней давать хлеб, и только работающим. Всё идёт крайне медленным темпом. Работы никакой не видно и люди как тени слоняются без дела или кучками стоят у своих ворот. Медленно и молча расходится публика, и вдогонку им звучат победные марши немцев. Солнце ярко светит, редкие трамваи по Преображенской мчатся украшенные красно-жёлто-чёрн[ым] флагом рум[ын] и несмотря на плату – один рубль, переполнены. А когда идёшь по улицам, мертвечиной и дымом пахнет город. Дождусь ли я хоть немного лучших дней, увижу и буду ли я есть хлеб, как в былые Николаевские, царские времена? Этот настоящий царский, душистый хлеб, а не отвратительный советский, который с таким тяжёлым трудом нам доставался и часто в бесконечных очередях.

В сегодняшней газете проф[ессор] Александру, гражданский губ[ернатор] Транснистрии, между прочим, заявляет: «Мы хорошо осведомлены о всех нуждах населения, о тяжёлом положении, в котором находится город и о страданиях, которые вы переживаете. Наше сердце глубоко опечалено тем, что в данный момент мы не имеем возможности сделать для вас много, однако, мы не посчитаемся ни с какими средствами и жертвами для того, чтобы обеспечить вам скромную, но человеческую жизнь...»

11/11. Час дня, а встали в 10¹/₂ ч. Неохота вставать с тёплой постели, а главное, когда лежишь есть не хочется. Но всё же нужно вставать. Выпили по стакану чистого сладкого чаю и так до обеда, а обед известное дело две тарелки воды с тремя картофелинами, да с десяток мучных клёцок. Да надолго ли хватит и этого продукта. На базаре крестьяне уже установили новый обмен. Одежды им больше не нужно, давай им сахар, масло под[солнечное] и мыло, другого они не берут. А где его взять? Словом, что ни день, то всё хуже. Вчера простоял в очереди за помидорами больше часа и, конечно, не получил – не привезли. Но зато наслушался разных бабьих разговоров. И чего только не говорят. Каждая из них рассказывала о том, как рум[ынские] солдаты искали мины по ящикам в комодах, столах, гардеробах. Если находили сахар, то без церемоний забирали, да и вообще не брезговали ничем, если было что подходящее для них. Станный народ этот рум[ыны], начиная от простого солдата и кончая высшим чином. Я сам был свидетелем, как один из них постеснялся взять в доме лечебную синюю лампу. Потом разговор перешёл на еврейскую тему. Евреи страдают от того, что их предки замучили Христа и всё в этом роде. Затем все евреи будут носить отличительный знак на руке. Языки без устали трепали всякий вздор, всего не вспомнишь, да и не стоит. Удивительный

народ эти женщины, редко у какой есть хоть капля здравого смысла, я никогда не думал, что этот прекрасный пол так ограничен. Из Черноморской ул. и прилегающих к ней, выселяют жильцов, т.к. говорят там находят в большом количестве заложенные мины. Ещё много будет бед нам от большевизма, их и не перечить, до весны придётся испить большую чашу страданий многим. Вчера, наконец, вернулся наш сосед еврей К. Из тюрьмы их погнали в степь, где-то далеко около деревень убирать брошенные снаряды, мины и прочее. Когда их вели, все должны были идти строго в ряд, сохраняя известные интервалы, и кто отставал или спешил, получал прикладом или пощёчину. Когда они пришли, наконец, к месту назначения, офицер выстроил их всех в ряд и заявил, что он имеет приказ всех их расстрелять, но он дарит им жизнь. Затем спросил, кто из них желает креститься. Все евреи подняли руки, но один из них не хотел или не успел, и не поднял вовремя руку. Офицер это заметил и тотчас позвал его к себе, поднял револьвер и угрожал убить его. Но несчастный еврей начал оправдываться, что он тоже желает креститься. Словом издевательств не было конца, били прикладами без всякой причины и вины.

Уже два часа дня. Сижу, пишу эти строки, и сам не знаю, что предпринять. Нет выхода из создавшегося положения, только одно чудо может спасти, но они теперь так редки...

Тося снова пошла в очередь за помидорами, в городе другого больше ничего и нет, пойду её сменить, очередь тысячная, стоит как всегда брань и беспорядок, а как я всё это ненавижу. Просто противно смотреть на людей, на их озлобленные лица, каждый норовит без очереди взять и производит беспорядок.

12/11. Почти уже полночь. Прочёл 40 стр[аниц] «Истории философии», несколько строф «Песнь о Гайавате», Лескова рассказ и, наконец, Надсона, печальные стихи, которые так гармонируют моему настроению. Тишина немая. Даже реже стали выстрелы за окном. Прошлую ночь меня мучила бессонница почти до шести часов утра, о чём только я не передумал... Боюсь, что и сегодня повторится та же история.

Мудрецы древнейших времён действуют на меня благотельно. А особенно Платон. Его нравственный облик, и его учение о Боге произвели на меня сильное впечатление. Его жизнь чудесна. Нет теперь таких людей, сильных духом, бесстрашно защищающих свою идею, не страшась ни яда, ни огня, ни вырывания языка. Всё теперь измельчало, продалось за деньги, разн[ые] побрякушки и тёпленькие местечки. Впрочем, это как будто сейчас ушло в область преданий, ибо в газете пишут о наступлении новой эры в Европе. Но пока война продолжается, кровь льётся, а над мирным несчастными жителями издевательств нет конца. Дорого заплатит за эту новую Европу человечество, как дорого заплатила Россия за коммуны.

17/11. Вчера был месяц вступления поб[едоносных] румынских войск в Одессу. Как сейчас вижу их проход по Пушкинской ул. и жидкие овации кучки дураков, а в особенности евреев. Но что это было за войско! Они были скорее похожи на банду цыган, чем победоносных воинов.

Этот страшный мес[яц] можно назвать месяцем крови, грабежа, вседозволенных издевательств и незаконных действий, начиная от рядового солдата и кончая высшими чинами. Месяц виселиц, расстрелов и непрерывного ежедневного грабежа до сегодняшнего дня. Когда я сегодня пришёл с базара домой, то застал, как трое солдат отняли у несчастной старухи последнее одеяло. Она плакала и умоляла отдать ей одеяло, но один из грабителей пригрозил ей ружьём, сняв с плеч своих винтовку. Горе и ужас царит на всех лицах, а в особенности, конечно, на лицах несчастных евреев. Они уже носят вышитые знаки на груди. Сегодня вышел новый приказ для евреев сдавать всё золото, имеющееся у них на руках, за утайку – смерть. Наверное, давно земля не была так обильно пропитана кровью и слезами, а воздух воплем и проклятиями варварам, как в этом несчастном [19]41 году.

Мои дела равносильны отчаянию евреев, но конечно не в той степени, но своё горе всегда кажется не легче другого. Второй день сегодня, как я хожу на базар, со знакомой Б., и стоим часами на холоде в ожидании чуть ли не милостыни. Наше дело заключается в следующем. Б. достала обык[новенные] весы, я их тащу на базар, она скамью. Мы ставим весы на скамью, раскладываем гири и ждём, когда покупатель и продавец уговариваются в обмене своих продуктов, и случайно подходят к нам, чтобы взвесить два-три кило[грамма] картошки, и за эту услугу мы получаем 2-3 картофелины. В начале этих обменов, когда на базаре было мало весов, владельцы их всё-таки кое-что имели, но теперь, когда весы стоят рядами друг возле друга, стало очень плохо. Вчера мы заработали по два кусочка сахара, 8 шт[ук] картоф[елин], а сегодня тоже штук по 8 кар[тофелин]. Но размером покрупнее. И это нужно простоять на холоде 7-8 часов. Я замерзаю до ужаса, в особенности в ноги, вообще моё состояние доходит до ужаса. Завтра решили выйти из дому в 7 ч. утра и будем чередоваться, и все же выстоять 4 часа тоже неважно, а ещё не начались сильные морозы, и даже эти два дня немного потеплело, т.к. было уже 6-7 град[усов]. Твёрдых надежд нет ни на что. Правда, один знакомый, которому удалось самому поступить в гор[одскую] Управу сказал мне, что в городе предполагается открыть 3-4 магазина, куда он постарается меня устроить, но это обещание пока писано вилами на воде. Он сам, работая в Управе ничего, даже хлеба не получает, да и вообще никто в городе. На торговлю надеяться совершенно нечего, т.к. нет ни продуктов, ни твёрдых денег, а сов[етские] знаки никто брать не хочет и, таким образом, вся торговля ограничивается исключительно обменом,

а крестьяне в небольшом количестве останавливаются по дворам и там производят обмен. Единственно, что хорошо, что всё течёт и всё меняется, ничего не стоит на месте. Но пока всё это учёт и изменится, то многие сотни лягут своими костями, а в лучшем случае неимоверной голодовкой и страданиями. Рум[ынские] власти буквально не способны проявить дух организаторства, дать населению работу и хотя бы 200-300 грамм хлеба. Вся их задача пока сводится к ограблению населения, выкачиванию денег и золота, и раздаче фотографий царя рум[ынского] Михаила и маршала Ионеску. Между прочим, я был в воскресенье, т.е. вчера на Соборной площади и видел эту бесплатную раздачу портретов в газетном киоске. Люди как озверелые, давя друг друга, протягивали руки за портретами. Я стоял в стороне и наблюдал эту давку и дикую картину, от этого зрелища омерзение к толпе у меня не было границ. Что за народ, что за презренная тупоголовая толпа, буквально не отдающая себе хотя бы минимального отчёта ни в чём. Даже выходящие рум[ынские] газеты брались с бою, платили по рублю за номер и брали сразу по несколько номеров, причём не понимая рум[ынского] языка. Просто так брали, лишь бы взять. Тяжёлый мне выпал жребий на 66 году моей жизни. Но каково моим несчастным ребятам сейчас. Москва до сих пор ещё не взята, хотя давно находится в кольце. Всё время идут уличные бои, и это уже, пожалуй, больше двух недель. Бедный наш Сергей вероятнее всего мобилизован, или бросил свою квартиру и с учреждением эвакуировался, хотя едва ли. А Володя, а Веня. Может Орест будет хитрее их и увильнёт от мобилизации в Харькове. Всё это ужасные, неразрешимые и загадочные вопросы, а разрешения их надо ждать Бог весть, сколько времени и вообще дождёмся ли мы их. Когда я шёл с базара по Канатн[ой] ул. она была буквально пустыней. Куда девался народ, ещё недавно кишевший на ней? Всё мертво и всё утроблено вконец. Даже если и открыть у нас лавочку, то и покупателей не будет, да чем торговать и за какие деньги. Сказки, самые невероятные сказки творятся в культурном 20 веке. А кто все эти сказки натворил как не гении Европы, умнейшие и гениальнейшие люди нашего века. У них власть в руках, они одни сеятели добра и зла, и это происходит только потому, что несколько избранных судьбою человек не могут помириться и уступить друг другу, в своих идеях для блага всего народа. Каждый из этих мудрецов уверен, что его рецепт счастья людей находится исключительно в его руках, только он один может осчастливить людей, а потому с таким ожесточением и беспощадностью поднимают тёмные массы на борьбу и на страдания. Где-то я читал, что сам Господь Бог не любил мудрецов, а больше склонен был к глупым людям. А в комнате всего 10-12 градусов, а лампа еле даёт свет и коптит, и керосина хватит не на долгое время. Да, вторая половина нашей совместной жизни с Тосей вышла весьма трагична. Ещё так недавно, в апреле, мы получили от наших сыновей поздравительные

телеграммы со всеми пожеланиями к нашему сорокалетию и вдруг такой пасаж!.. Восьмой час бьет, надо идти в постель зарыться под одеяло и думать, думать с открытыми глазами без конца, и как нарочно не можешь уснуть.

18/11. Сегодня моё настроение несколько веселее. Во-первых, мы заработали на базаре на обед: по $\frac{1}{2}$ кило[грамма] картофеля, по куску сахара, горсти по две фасоли, гороху и даже размола, и ещё по две луковицы. Словом, на хороший обед. Это уже огромное достижение на сегодняшний день. Если так дальше будем зарабатывать, то есть гарантия не умереть с голода. Кроме того, ещё одна большая радость: поставили кафельную плитку, которая горит и греет на славу. Тут тебе и чай кипит и липовый суп варится, жаль только, что в духовке не пеклись пироги. С плиткой собственно получилась двойная радость, экономия керосина, которого у нас не так уж много. Словом, стало жить лучше – стало веселее и, добавлю, теплее. Жаль только, что обед без хлеба будет. Вчера мне удалось променять у немца на 2 кило[грамма] чёр[ного] хлеба 25 г[рамм] чая и две ложки кофе. Едим его осторожно и с оглядкой. Хватит его на 3-4 дня. Впрочем, за этот месяц, мы привыкли обходиться без хлеба. На базаре, между прочим, произошёл следующий инцидент: евреи, которые имели кое-какие вещи для обмена, были ограблены тут же на базаре. Никто иной, а только немцы вырывали у них из рук вещи и бросали в толпу, ну, а толпа, конечно, не зевала и тут же пошла такая борьба из-за вещей до безобразия.

Словом, европейская культура проявляется каждый день и в разнообразных видах. Когда мы возвращались домой, то встретили по дороге одну довольно интеллигентную еврейку с дочерью, они несли кое-какие вещи на базар для обмена. Мы их предупредили, и они были бесконечно благодарны за наше предупреждение. Лица у этих несчастных были буквально серы, а у дочери даже опухли ноги, как я заметил. Очевидно, десятидневное сидение в тюрьме, и в голоде, дало себя почувствовать здорово. Сегодня, между прочим, я решил взять ещё одни весы и будем работать на двоих, всё таки перепадёт кое-что больше. Завтра увидим результат. Но зато выстоять целый день на холоде, это тоже хорошая пытка, ногам невыносимо холодно, приходится целый день танцевать.

19/11. Вчера была преждевременная радость, а сегодня настал неожиданный конец ей. Я пошёл на Привоз в 7 ч. утра, предварительно напивив на себя два пальто и проч[ее]. Едва я пришёл и расставил свои торговые принадлежности, в ожидании продавцов и покупателей, чтобы им взвесить продукты, как вдруг началась паника. Румыны начали отнимать у всех весы и нагружать ими площадку. Я не успел удрать и одолженные мне весы были у меня без церемоний отняты. Таким образом, на четвёртый раз моя базарная карьера рухнула навсегда. Признаюсь, что в душе я был рад такому повороту дела, так как, таким способом зарабатывать себе на обед отвратительно, и конечно,

я знал – оно не долговечно. А посему, я возвращался домой облегчённый от ноши и с лёгким сердцем.

Но сегодня, я должен был пойти к одному гражданину Р., который работает в Управе, в торговом отделе, относительно какой-либо работы, но, к сожалению, я опоздал, но всё же жена его мне сказала, что наклёвывается для меня работа. Конечно, от такого ответа в душе весна заиграла, дай-то Бог, чтобы что-нибудь вышло хорошее, завтра утром, вероятно, буду окончательно знать. Я шёл по улицам в 4 часа, но они были буквально пусты, такое ужасное безлюдье, точно в глухой деревне. Встречаешь большей частью людей нагруженных обломками с разрушенных домов, благо, им никто не препятствует. Ночью был слегка снежок, к утру растаял, погода не холодная. Сегодня у нас замечательный обед – борщ; на подаренный бурак и пару морковок Тося сварила замечательный борщ, а мы не ели его уже больше месяца, если бы к нему побольше хлеба было, то можно было быть вполне сытым, а так, только на несколько часов, но и за это спасибо. Так на старости приходится жить чужими подачками.

В газете напечатано объявление – приказ евреям о сдаче ими имеющегося у них золота, при этом, конечно, угроза смерти.

22/11. Сегодня исполнилось ровно 5 мес[яцев] со дня войны с Герм[аний] и Рум[ынией]. Война ещё далеко не окончена, а сколько она принесла ужасов и страданий десяткам миллионов русского народа. Москва и Питер ещё не взяты. Герм[анские] войска продв[инулись] к Север[ному] Кав[казу] и к Волге. Сводка сообщает о блестящих победах, но, несмотря на них, война затянется на всю зиму. А весна даст новое наступление со стороны Амер[ики] и Анг[лии], и, несомненно, война будет продолжаться, а с нею и ея непременные спутники: голод, смерть и бесконечные страдания. Бедные наши дети, они в ужасном положении и, несомненно, жестоко страдают, а в особенности Сергей.

У нас в городе по-прежнему царит грабёж и голод. Тюрьма освободилась от нескольких евреев, но говорят, набита русскими. По любому доносу сажают, и уже выхода оттуда нет. Рассказывают, что одна мать понесла своему сыну в тюрьму поесть, но солдаты ея избили палками и не допустили её. Двоюр[одный] брат Ш. пришёл пешком из Киева как военнопленный. Он столько рассказывал ужасов, что нет возможности всё передать. Их немцы гнали по 30-40 км, не кормили их совершенно, а отстающих по дороге расстреливали. Столько ужасов, что не перечсть.

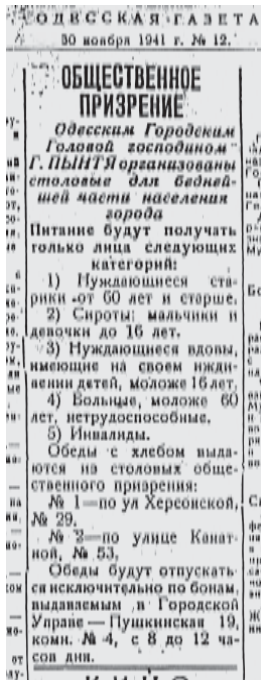
В комнате у нас, несмотря на то, что плитка горит почти целый день, сижу в шубе – холодно. Ни черта не стоит эта плита, только один дым и грязь в комнате. Полное разочарование. Завтра переставим её на другое место. У нас по-прежнему голодно. Хлеба всё ещё нет, едим раз в сутки бурду. Выстрелы по вечерам, наконец, прекратились. Очевидно рум[ынским] солдатам

надоело стрелять, да и холодно на дворе. Вышел новый приказ для евреев. В целях уточнения даются нижесл[едующие] разъяснения: к разряду лиц евр[ейского] происхождения относятся: все те, которые имеют одного из предков по мужской или женской линии еврея. Сюда же относятся все крещёные раньше и все секты.

Еврейские женщины, которые состоят замужем всякого другого вероисповед[ания] независимо от брака гражд[анского] или в церкви.

Все распоряжения имеют силу для всех. Несчастливая Фаня и наши внуки.

1/12. Целых восемь дней я не заглядывал в свой дневник, причина – отвратительное настроение и форменная голодовка. Дошло до того, что у меня здорово опухли ноги. Со службой всё не клеится, всё обещают или «завтраками»

кормят. Но, все же, с сегодняшнего первого числа мне здорово повезло. Наши новые власти на днях объявили, что дети до 16 л[ет] и старики от 60 л[ет] имеют право на получение обеда с хлебом, бесплатно. Я немедленно воспользовался этим «благом» и уже сегодня, первый день, получил два обеда. Хлеба двести грамм, но на вкус отвратительный, ну и кандер. Мы, конечно, были такому «благу» бесконечно рады и, как только, я принёс два обеда в 12 ч. сейчас же принялись уничтожать его и ели, скажу, с аппетитом. Наши обеды – клёцки мучные на воде здорово надоели, так что наше меню будет разнообразно. Так что, с этой стороны, как будто, положение улучшилось и угроза полного недоедания устранена. Мне вспомнилось прошлое – т.е. [19]33-ий год. Это после властвования 8 лет Сов[етской] власти сразу началась жуткая голодовка, да какая! Многие тысячи пухли и умирали с голоду. Были случаи людоедства, эта большевицкая сволочь, со своим интернационализмом, так довела народ до такого ужаса и уничтожения.

А Гитлер за 8 лет своей власти довёл своё государство до высшей степени могущества и славы, завоевал всю Европу и держит в своих руках судьбу всего мира, и конечно, его немецкий народ так не голодает, как голодали мы при гнусных советах. Сейчас я вспомнил, как мы встретили советы в 1917 году: с окороками, колбасами и со всем тем, что нужно было каждому человеку. Магазины были полны всего, мануфактуры, обуви, всего была полная чаша. Эта гнусная дрянь всё

застала в изобилии и с первого же почти дня начала быстро всё сворачивать и в кратчайший срок довели страну до нищеты. И провожали большевиков уже совершенно почти нищими и голодными, а, кроме того, «великий» Сталин издал всякую глупость всё уничтожить и действительно всё уничтожили. Даже не постеснялись население воды и света лишить. Куда же дальше идти? Я уже не говорю, что все продукты питания ушли в море, а скот топили или расстреливали, и если наши новые власти за полтора месяца приступили к бесплатному питанию детей и стариков, то я считаю это огромным достижением.

Разве в [19]21 году, т.е. после четырёх лет царствования коммунистов, не лежали десятки трупов у нас на улицах от голодовки и не кричали на улицах во всё горло: ой, я голодный! И разве эти изверги хоть малейшее внимание обратили на такое бедственное народное положение? Наоборот, в их газетах можно было прочесть только одни достижения в то время. Только надо пережить эту ужасную зиму, а весна даст и работу, и больше, и лучше хлеб.

9/12. Да, редко я стал заглядывать в свой дневник, а уже 9 дней прошло. Правда, за это время ничего существенного не произошло. Бомбёжки нет, выстрелы на улицах давно умолкли, а в городе тихо как на кладбище, изредка видишь торопящихся людей с мешком за плечами, идущими с базара, где обменяли свои скудные, последние, может, пожитки, а то, чтобы поскорее сбить награбленные... видишь неизменных часовых румын, гуськом прохаживающихся почти на всех кварталах, некоторые из жителей наблюдают житейские картинки, происходящие на улицах и базарах, как напр[имер]: раздели двух евреек до гола и бросили их в воронку от вырытой бомбой, где была замёршая вода, при диком и радостном смехе толпы. Немцы раздели на улице наших дворовых девушек на Пушк[инской], среди бела дня, а вещи их бросили толпе, наконец, я был лично свидетелем, как двое культуртрегеров набили полный мешок вещей еврейского добра и, уходя со двора, смеялись, а за ними шла ограбленная и громко рыдала. У нас во двор очень часто заглядывают визитёры, и всякий раз уходят с добычей в виде последнего одеяла, рваной простыни или даже двумя-тремя кусочками сахара, пожертвованными сердобольными грабителями-соседями нашим голодающим, но не успевшим их съесть.

Словом, жизнь вошла в новую колею, и всё так с этим усвоилось, что принимают без всякого ропота, возмущения и удивления. Конечно, церкви полны народом, крестьян больше оптом и непременно приглашают крестными румын, ибо они так добры и щедры, что непременно обильно дарят, и ещё накормят с выпивкой. И закон христианский соблюден и выгодно.

В воскресенье, сегодня – втор[ник], на Пушкинской открыли церковь, а в газете сообщили о 25-и пуд[овом] колоколе, который, как будто уже повешен, но я там ещё не был и звона не слышал. Правда, после 20 с лишним

лет, приятно будет впервые услышать звон родных русских колоколов, но света ещё нет, вода почти во всём городе исчезла, только имеется в некоторых низинах, да колодцах и тащат бедные люди вёдра день-деньской.

Сегодня мы уже съели девятый кандер и по девять порций (150 г) хлеба, и за это земной поклон, но всё-таки, собаки при Николае лучше питались, чем мы, граждане необъятной бывшей России. А борьба всё продолжается. Москва и Питер держатся. Немцы, как они пишут, продвигаются всё вперёд. Миллионы беженцев в Сибири невероятно страдают. Полное отсутствие питания и всего прочего, а с этим и все ужасы войны. От края и до края, несчастная Русь жестоко страдает, а с ней и наши четверо сыновей.

Где они? Что с ними? Вот вопрос, который гложет нашу душу и сверлит мозг. А как бы хотелось повидать хоть одного из них, хотя бы видеть Веню, ведь он один, а были случаи прихода пешком из разн[ых] городов и даже из Москвы. Какая радость увидеть их, но это невозможно и невысказано. Будем ждать дальнейшего хода событий. Время безумно быстро летит, а дни мелькают, как верстовые столбы, когда едешь поездом. Давно ли я был в Киеве, сколько воспоминаний и всё ушло, и покрыто мрачной неизвестностью и слабой надеждой.

Вот всё, что можно написать о нашей жизни. Некоторые вещи променяли на картофель и обеспечены мес[яца] на два, но при строгом режиме экономии. Ноги мои сделались как колодки, ещё больше опухли, дошло дело и до рук, собираюсь в поликлинику. Центром внимания всего оставшегося населения состоит желудок, только о нём разговоры. Напрасно рум[ынское] правительство призывает к соб[ственной] инициативе. Велит открывать магазины и проч[ее]. Но нет ни продуктов, ни товаров, ни денег, т.к. советские не принимают, а марок не имеется. Получается буквально заколдованный круг. Не найдёшь ни начала, ни конца в этом чёртовом хаосе, нет выхода, и горизонта не видно. Правда, обещают хлеб, но кому и по какой цене?

12/12. У меня только одно желание – есть. Я бы, не переставая, целый день ел бы. Какая-то неутолимая жажда аппетита и когда я ложусь в постель, невольно лезут разные глупые фантазии о всевозможных блюдах. Конечно, даровой, так называемый «обед» – дар румынского короля Михаила I, не совсем по вкусу. Сегодня, впрочем, как и всегда, был особенно отвратителен. Горько-солёная, жидкая бурда, да и только. Я проглотил её, как микстуру, а 150 гр[амм] ужасного хлеба оставил на наш обед, который Тося все-же мастерски делает, хотя он состоит из воды, нескольких картоф[елин] и одной луковицы. Вечером чай и кусочек коржика, а таким меню не утолишь мучительного голода. Сегодня был в поликлинике, показал доктору свои опухшие ноги, но он развёл только руками и сказал, что нужно хорошее питание, молоко, а лекарств никаких нет. Впрочем, велел принести анализ мочи.

Япония объявила на днях войну Америке. Внезапно напала на все её базы, многие разгромлены, несколько судов потопила и, как пишут, в военном отношении судов, сила Японии равняется как 3 к 2, в пользу Японии.

Теперь уж началась настоящая всемирная война. Посыпались объявления войны разн[ых] Амер[иканских] госуд[арств] друг другу, Англия объявила войну Рум[ынии], Венгр[ии] и Финляндии, словом весь мир в состоянии войны друг с другом. Кто вылезет из этого адского хаоса, хотя бы относительно целым, это, конечно, тайна будущего, но боюсь нескорого. Не пахнет ли это годами. Две системы правления схватились в мёртвой схватке, и схватка для некоторых будет смертельной. Всё же думаю, что Гитлер победит и со своими союзниками установит новый порядок во всём мире. А пока что мы создаём себе иллюзию о вкусных блюдах и пухнем от голода.

Этими днями установилась валюта, обменивают сов[етские] знаки на немец[кие]: одна марка = 20-ти сов[етским] рублям. С этой стороны дело налаживается, а это даст огромный толчок торговле и притока продуктов, а, с привозом, могут зашевелиться и магазины, и вообще небольшая работа, хотя, без крупных иностр[анных] капиталов, никакая большая не наладится. Между прочим, я вхожу в число компаньонов по открытию у нас на углу лавочки. Нас четверо. Чем будем торговать, это пока что шарада. Но, как другие, так будет и у нас. Я поражаюсь только одному обстоятельству, это моему сну. Мой добрый дух никогда не забывает меня и всегда за день предупреждает меня, так было во всю мою жизнь. Как сейчас помню, что когда я брал маг[азин] Вит.[?], мне снилось что я получил посылку, а в ней был белый хлеб и виноград. Виноград, это следы, которые всё время сопровождали меня в торговле и после его аннулирования теперь, опять накануне мне снилась беременная женщина, это прибыль, как говорят, и опять кисть винограда завёрнутая в бумагу. Значит, прибыль будет. Придётся покорится судьбе, и принять то и другое без ропота, и со смирением. Полагаю, что через несколько дней придётся заняться этим грязным делом. Удивительно ещё то, что на протяжении с того дня, когда я перестал торговать, мне много раз подряд снилось, что я снова торгую, и торгую без патента, что это мне крайне неприятно, что могут обложить меня налогами, и я был в постоянном страхе, и неудовольствии. И повторяю, что такие сны повторялись несколько раз. И действительно, торговля будет пока без патентов в продолжение года, но что это даст нам всем четверым покажет будущее.

Ах, это будущее! Как оно темно и загадочно. Что оно в себе таит? Где наши ребята и что с ними. Тоска по ним непередаваемая. В последней нем[ецкой] газете сообщают о болезни Сталина. Через Тегеран вылетел иностр[анный] врач лечить Сталина от застаревшей болезни сердца.

Если бы он поскорее умер, может быть, была бы скорее развязка войны на нашем фронте.

Погоды сейчас стоят тёплые, солнечные, но я сижу целый день дома, усиленно зубрю нем[ецкий] яз[ык], а по вечерам читаю. Этим хоть несколько скрашивается жизнь и быстрее проходит время. Сейчас начало 12-того. Сильно страдаю бессонницей, с двух, трёх часов ночи уже не спится.

13/12. Ровно в 5¹/₂ ч. вечера мы впервые услышали раздававшийся колокольный звон по Пушк[инской] ул., сегодня суббота и звонили к вечерне. Мы открыли форточку и с удовольствием, и радостью наслаждались, доносившимися до нас звукам. Тося даже прослезилась. Приятно будет завтра, в Воскресеенье встать утром и снова услышать призывный звон русского колокола к обедне. И это впервые за столько лет. В городе даже откр[ылся] магазин церковных вещей, это будет первый открывшийся магазин с церковной утварью. Обмен сов[етских] денег идёт успешно, но вместо 5 т[ысяч] меняют всего 1500 р[ублей]. У нас всего 70 р[ублей], даже неохота идти менять, разве на покупку газет пригодятся. Кстати о газетах. Я сегодня проявил, на старости лет, удивительное нахальство. В киоске продавали нем[ецкие] газеты, но только на леи и пфенниги. Хотелось приобрести газету и попытаться читать её, и использовать свои силы знания, но ни лей, ни марок у меня нет. Тогда я недолго думая обратился к рум[ынскому] солдату, он мне отказал, тогда я подошёл к нем[ецкому] солдату и он без разговора вынул 20 пф[еннигов] и я купил одну себе газету и одну для него. Тогда я попросил у него на завтра, но он дал мне 10 пф[еннигов]. От сов[етских] денег, предлагаемых мною, он отказался. Я на этом убедился, что если человек крепко захочет чего-нибудь достичь, то при желании он достигнет. Жаль только, что об этом я подумал только на 66 году своей жизни. Немножко опоздал. Читая газету, я всё же некоторые статьи разобрал, но всё же мне ещё много не хватает слов, в особенности газетных. Газета называется «Donauzeitung» на 4-х стран[ицах] с иллюстр[ациями], материала много для чтения и обо всём. Совершенно другая тема и большое разнообразие. Это не сов[етская] «Правда», в которой ничего толкового не найдёшь, кроме восхваления достижений, безмерной лести и бесконечной лжи. Как жаль, что я до сих пор не выучил нем[ецкий] яз[ык], а была возможность.

16/12. Ровно час ночи. Зачитался немецкой газетой, которую сегодня снова купил. Дело продвигается, хотя медленно, но всё-таки вперёд, в смысле понимания прочитанного. Но всё-таки общий смысл понятен, думаю, что если ничего не помешает, то, в недалёком будущем, буду разбираться в прочитанном гораздо больше. Узнал из газеты, что Молотов со своей свитой уехал из Москвы в Самару. Что чувствует он себя, не хуже чем в Москве, в безопасности,

так как 3-4 одетых в чёрную пару его охраняют. Бесчисленное количество ГПУ шляется по Волге и многим прочим [неразборчиво – С.О.].

Сегодня ровно два месяца, как Рум[ыны] заняли Одессу. Сегодня уже расклеены расценки на предметы первой необходимости, а также расценки для рабочих за их работу – в марках. Заработок будет колебаться от 5 до 1 марки. Говорят, что на базаре уже всё есть, даже водку продают шкаликами – одна марка. Значит, жизнь прёт со всей силы. Хорошо, что погода очень тёплая. Яркое солнце, словно начало весны. Но всё же зима своё возьмёт, и наступят холода. Вероятно, скоро будет свет т.к. уже установлен тариф на энергию. Вода из водопровода исчезла. Приходится пить отвратительную воду из колодца. Наша лавочка с открытием тормозится из-за неполучения ещё разрешения. С 20-го с[его] м[есяца] будет отпускаться хлеб по 200 гр[амм], а раб[отающ]им – по 300. Но где взять марки на хлеб, а заработать буквально негде. Впрочем, недалёкое будущее покажет. Сегодня снился мне Венья, будто я его встретил на вокзале, а затем дома. Выглядел он худым и охрипший, я его спросил, что вещи его пропали, а он мне ответил, что у вас есть радио. Проснувшись, я долго удерживал в памяти его лицо и наш разговор. Ах, если бы он приехал. Когда бы поскорей пала бы Москва и освободили их всех. В нем[ецкой] газете пишут, что русские потеряли 10 миллионов человек. И ещё есть заметка, об Одессе, что в первое время, в Чека, было много женщин от 16 до 20 [лет – Л.М.], преимущественно еврейки, между ними была русская, которая лично своей рукой расстреляла 800 человек.

25/12. Сегодня по новому стилю Рождество Христово. Христианский праздник, но конечно, далеко не для всех. Несмотря на то, что попы всех мастей и национальностей провозглашают вчера и сегодня «мир в сердцах», но этот мир облит сегодня кровью сотен миллионов страдающих людей, истекающих кровью, умирающих от голода и замерзающих в необъятных просторах бывшей России, в суровой обстановке грозной зимы. На днях сообщали, что жители Петербурга страшно голодают, и упавших людей на улицах тут же вырезают мясо. Москву непрерывно бомбардируют, а мы в Одессе по-прежнему голодаем.

Правда, вот уже третий день дают жителям по карточке 200 гр[амм] отвратительного хлеба, до сих пор давали на сов[етские] знаки, но этими днями перейдут окончательно на марки и тогда уж где их возьмёшь?

Словом Рождество [19]41 г. из ряда вон выходящее по своему ужасу и страданиям. Хочется приподнять краешек будущего и знать, каково же будет Рождество [19]42 года? И при каких обстоятельствах. Будет ли хоть один сын с нами, или мы ни одного не увидим. Правда, год это очень большой срок для истории человечества. Сажу целый день дома и усиленно читаю

нем[ецкую] газету, почти ничего не понимая. Такая масса новых выражений в газете, что трудно их осилить. Но все же, с помощью словаря кое-что понимаю. Погода чудесная, солнце и тепло. Это ещё большое счастье для нас, но вот скоро, скоро зима расправит свои жестокие морозные когти и тогда уже будет плохо для многих. Через пять дней Новый год. Шесть месяцев 22-го с[его] м[есяца], как продолжается война. Сталин всё-таки не сдаётся, а ему-то что терять, мало ли дураков есть, проливать свою кровь за коммуны и его власть. На его век дураков вполне хватит.

Пробило 10 ч. вечера.

30/12. Я хочу только несколько слов написать о том, что сейчас восемь часов вечера, ярко светит луна на небе и на улице видно как днём; о том, что улицы похожи на кладбищенские аллеи без единой души, что окна всех домов мрачны без единого намёка жизни за ними, ещё о том, что у нас 4 град[уса] тепла, и тоже у многих, что тысячи ложатся голодными и из-за отсутствия света лежат в своих постелях с открытыми глазами, уставив их в пространство, как я, вплоть до утра не смыкая их. И все же, какое это счастье лежать на своих собственных кроватях и всё же укрываться своим одеялом, если только из сердобольных людей не стащил его, или просто не отнял. Сколько же сейчас миллионов в холодной тюрьме ёжатся друг возле друга, чтобы хоть на миг согреться? Я думаю, сколько, только в нашей Одесской тюрьме, безвинных жертв страдает от голода и жестокой стужи. Как слабы и мало содержательны эти строки с тем, что сейчас творится вокруг нас, нет умения, таланта выразить, что переживаешь ежедневно, ежечасно в это ужасное невыразимо страшное время. Одно могу сказать: не хочется жить, не хочется видеть, и до отвращения надоело всё, всё, даже весь мир.

Ложусь теперь спать в 6-8 часов, это у меня новая полоса, а то я сидел до 11-12-1 ночи. Совершенно без сна лежу до утра и думаю, думаю... Одолела полная апатия к жизни, всё у меня умерло, а какие у меня могут быть желания в 65 лет старца, только одно – покой и уверенность в завтрашнем дне. А оно может быть при теперешнем положении, когда весь мир буквально взбесился! Мы совершенно одинокие остались с Тосей во всём мире и никому не нужны. Было у нас четверо ребят, и мы их потеряли. Где они? Что с ними? Зачем нам жизнь без них. Нет цели, нет смысла в жизни без них, и впереди для нас зияет одна пустая холодная дыра...

Ещё один день остался этого, поистине, проклятого года. Года разрушений, позора родины, слёз, нищеты, голода и всего не перечить.

31/12. Итак, последнему проклятому 1941 году осталось доживать всего только три часа. Стоит ли в моём дневнике перечислять все его преступления? Ровно год тому назад я прекрасно помню его блестящее вступление на

Советскую территорию. Я помню сегодняшнего дня, прошлого года, вечер, когда улицы были полны народом, трамваи набиты и висели на подножках спешащие визитёры или театралы. В вагонах пахло разными запахами и пудрами. Во всех скверах горели зажжённые ёлки с исполинскими дед-морозами. Из подвалов уже раздавались громкие песни, ну а бомонд начинал только с 11-12 ч. ночи. И это, всего только, было ровно год тому назад, когда новый [19]41 год пышно и самоуверенно вступил в свои права. Его всюду восторженно встречали, поздравляли друг друга со всеми радостями и всем счастьем, не скупившись на пожелания. Сколько в этот день было выпито и съедено, сколько было смеха и веселья, и надежд, надежд на будущее без конца.

Но злой рок-судьба, где-то недалеко, таинственно и ехидно улыбался; уже готовил то огромное разочарование и безмерное несчастье, те страдания, голод, а для очень многих ужасную в муках смерть, позор в тюрьмах, смерть на всех дорогах, улицах, заживо сожжённых и ещё тысячи неведомых для нас страданий и смертей. Но ровно год тому назад так беспечно и счастливо подымающих бокалы встречали этот позорный, несчастный, кровавый 1941 год.

Хотелось бы узнать, как наши сыновья сейчас встречают, или вернее провожают [19]41 год, при каких обстоятельствах и где? Здоровы ли они, где их семьи, вместе ли они или врозь. Но это невозможно, и увидимся ли мы в этом наступающем 1942 году с ними. Это все мучительные вопросы, на которые провидение никогда не даёт ответа. Живи и надейся до последнего дня, до последнего твоего вдоха, вот удел для каждого человека, от самого малого и ничтожного, вплоть до мудрецов. Другого выхода нет, надо терпеть и ждать дальнейшего развёртывания киноленты нашей человеческой жизни и её естественного финала.

Как бы там ни было, но к началу 1942 года я неожиданно разбогател на германские марки и у меня в кармане к первому дню нов[ого] года имеется ровно 7 марок. Ко дню нашего сорокалетия одна добрая знакомая пришла поздравить нас и принесла в дар бутылку шампанского. Как не была эта дата весьма знаменательна для нас, но ввиду отсутствия наших сыновей мы не решились распить эту бутылку, да и не для чего и не с кем, мы решили оставить шампанское до приезда Серёжи с семьёй, но судьба решила иначе. Я продал это подношение сегодня вечером в ресторан, где более счастливые, чем мы разопьют её, совершенно не подозревая, что она предназначалась для супругов, проживших ровно сорок лет. Как право удивительно, что даже бутылка шампанского имеет почти каждая, свою романтическую судьбу.

Уже были сумерки, когда я возвращался домой с марками в кармане. Луна в полной фазе ярко светила, а над ней недалеко в горизонтальном направлении сверкала яркая звезда. Я глупо счёл всё это за хорошее предзнаменование. Дай-то Бог, чтобы оно так и вышло. Но я так высоко задрал голову,

что не заметил под ногами на тротуаре льда и сразу, со всего размаха, растянулся во весь свой рост, но весьма благополучно. Я всё-таки поднялся, поднял свою шапку, которая слетела с моей головы, побрёл домой, уже, не подымая головы на небо, т.к. луна скрылась под толстым слоем набежавших облаков, а мечты мои разлетелись как дым. Мои рассуждения приняли более практичный смысл, я прикидывал в уме, сколько можно купить на мои марки муки и сала. На сегодняшний день мука стоит 1 марка кило[грамм], а сало говорят 4.

Я так думал шагая по совершенно пустынным улицам мёртвого города, одинокие запоздалые спешили по домам, и конечно не на парадные новогодние ужины. Кое-где гуськом маячили постовые патрули румын и только. Ни трамваев, ни автомобилей, ни света не видно и не слышно. При таких обстоятельствах уходит с подороги устаревший [19]41 год, а ему на смену ободранный, голодный и почти никем не встречаемый выходит 1942 год.

1/1 – 1942 год

Первый день Нового года благополучно закончился. Тоскливо, холодно и голодно. В комнате утром 3 град[уса]. К вечеру едва набирается до 8-10 гр[адусов]. К обеду принёс знаменитый «кандер» со 150 гр[аммами] чёрн[ого] чёрств[ого] хлеба, попили полу солёного чая, а вот сейчас (8 ч. веч.) проводим вечернее время за чтением и затем спать, и так ежедневно с приправой, большой дозой уныния, безнадёжности, а порой просто отчаяния.

Не о чем писать, но начал, чтобы положить начало новому году. Я целый день просидел дома, не считая, что принёс два ведра воды из колодца, нарубил глины, чтобы завтра замазать дыру в печи; хочу прорубить новый дымоход в печи, т.к. наша плитка положительно отказывается нас согреть, а топлива жрёт много, не знаю, что из этого выйдет.

Все эти мелочи так отражаются на нервах, и без того тут натянута, а тут тебе такого пустяка трудно достичь – чтобы в комнате хоть бы иметь немного тепла. Всё-таки, какие мы оба неумелые, непрактичные люди. Буквально, ни к чему негодные. При нынешней жизни таким людям не место в жизни. Мы люди не 20 века, а 19-го, а потому на каждом шагу расплачиваемся за свои ошибки. А ведь какую суровую 24-х летнюю школу прошли, и всё-таки советская действительность нас ничему не научила, никак не могли отойти от старых принципов морали, щепетильности и «диких взглядов» на чужую собственность. А вокруг нас люди живут, пьют, гуляют и конечно смеются над нами. Некоторые из «этих» устроили у себя целые иконостасы по углам, другие усердно посещают церковь и как бы модничают этим, а третьи просто заново перекрасились и зорко следят за тем, чтобы, в случае чего, принять свой прежний вид. Говорят, что попы в церквях из кожи вон лезут, доказывая, что Господь

Бог на стороне румын и немцев, и помогает им всеми имеющимися у него средствами против большевиков. Я, конечно, радуюсь этому, т.к. в моих интересах покончить бы скорей с этой войной.

Пробило 8 ч., пора и спать, керосин на исходе.

2/1 – 42. Сегодня целый день в хлопотах с самого утра. Прочищал на чердаке дымовую трубу, причём так неудачно, что запущенную в трубу гирию не мог вытащить, где-то она зацепилась, и она там так и осталась. Чистка как будто дала свои результаты, горит гораздо лучше, в комнате температура поднялась до 15. Это с трёх, поистине достижение. Долго ли будет так продолжаться? Затем хлопоты по открытию магазина. Я об этом, кажется, ни разу не упомянул. В нашем доме Анж[?]. выхлопотала разрешение на открытие магазина, но из 4-х компаньонов имеет деньги только один и на этом основании крутит. Не знаю, выгорит ли из этого дела что-нибудь, трудно сказать. Наменение открыть гастр[оном]-молочную, и при сём – вещи на комиссию. Пока что ковыряемся вот уже две недели по ремонту магазина, главн[ым] обр[азом] вставке стёкол, т.к. благонравные граждане буквально всё разгромили и поломали. При наличии денег, весь ремонт можно было бы сделать в два дня, но пока что, компаньоны друг на друга смотрят и выжидают. День закончился пилкой дров. Мороз продолжает держать 15 град[усов] при солнечной погоде.

В прочитанном мною рассказе Оржешко «Слава побеждённый» мне понравилось след[ующее] предание: что в элементы первородной глины, послужившие основой человеческой природы, Прометей влил по капле каждого из звериных свойств, а в сердце человека вмешал каплю волчьей жадности и львиной свирепости. Вот где причина той мстительности и тех страшных вспышек гнева, которые обрушиваются на людей страшными страданиями, и это причина того, что дивные создания человеческой мысли и искусства превращаются в развалины, и плуги вражеских войск вспахивают окопы завоёванных городов.

У Метерлинка в «Слепых», я нахожу след[ующее] рассуждение: мы словно слепые в этом мире, ничто нам не понятно, мы не знаем откуда мы и куда нам идти, всё нам страшно, мы сидим в отдалении друг от друга и перекликаемся робкими голосами, наш дряхлый поводырь – религия – мертва, кто выведет нас на истинный путь? А кругом пустынно и холодно.

3/1 – 42. Сегодня купил Рождеств[енскую] Немец[кую] газету в 16 стр[аниц] и часа два разбираю её. Материал самый разнообразный. Это не советская «Правда» или «Известия», где только писали исключительно о победах и перевыполнениях, но мы советские граждане на собственных желудках чувствовали свои успехи.

Правда, и здесь не без крика, но всё-таки результаты этой рекламы на лицо, не то, что у нас было.

Ходил сегодня на базар со своими марками купить $1/2$ к[илограмма] сала. Требуют 6-7 м[арок] за кг, очень дорого – не купил. Базар переполнен всем, но, конечно, всё в небольшом количестве, одна часть населения продаёт свои последние вещи, чтобы прокормиться, другая же – сельская часть населения, тоже вывозит свои небольшие излишки, чтобы одеться. Во всём этом заключается весь торг, коммерция нашего сегодняшнего дня. Евреи в этой коммерции почти совершенно отсутствуют и только как покупатели. Впрочем, мужчин совершенно нет, т.к. вот уже больше месяца их всех до 50 л[ет] возраста, держат на работах и до сих пор не отпустили.

Итак, базар полон, но цены «дики». Ведь расценка на труд объявлена от одной марки до $2 1/2$, а веник стоит $1/2$ марки, масло кор[овье] 7 м[арок], картофель 4 кг – 1 м[арка], свинина 3 м[арки] и т.д. Спрос рождает цены, а спрос ежедневно растёт, а продукты уменьшаются и, по-моему, до осени цены на всё будут очень высоки. Ещё также будет зависеть от урожая и налогов, словом, на мой век страданий вполне хватит. Если большевизм за 24 года не мог устроить хотя бы сносное существование, то, сколько нужно фашизму исправить большевицкую разруху и направить хозяйственную жизнь в стране на правильный путь. Годы и годы. Сколько нужно терпения и молчаливого страдания чтобы всё выдержать, вытерпеть, а главное выжить. Правда, бомбардировку мы выдержали, это, уже давно прошедшее время, забыто основательно, но там опасность продолжалась минутами, иногда часами, а сейчас непрерывными холодными и голодными днями.

Это куда хуже, конечно, многие и это переживут. Ну, а мы с Тосей и с нашими сыновьями и их семьями? Приходится в конце этой фразы поставить только вопросительный знак, и лишь будущее ответит на него.

5/1. Для кого и для чего я пишу эти отвратительные строки, которые могут быть только выразителями невыносимых страданий и унижений, холода и голода, и абсолютно без перспективы хотя бы на проблески лучшего будущего. Собственно, о каком будущем может думать, или воображать 65 л[етний] старик, для нас уже нет будущего, оно только во мраке могилы, для нас существует только настоящее, а это состояние требует и невыносимо терзает сердце, сверлит мозг неустанно, день и ночь о хотя бы минимальном человеческом существовании. Из самой глубины сердца вырывается крик отчаяния: дайте жить! Довольно этих страданий не только моих собственных, моей всей семьи, но и окружающих меня страдальцев. Но эти минуты, которые проходят, которые долбят, как капли воды, падающие на голову осуждённого инквизицией, не имеют конца, они бесконечны в своём числе, они неумолимо монотонны, и тупо, и однообразно долбят и долбят...

Вот так и я буду долбить каждый день в своём дневнике о моих ежедневных переживаниях, пусть они будут монотонны, до тошноты однообразны, нудны, но я все же буду долбить беспощадно и бесперывно до тех пор, пока всему этому не будет поставлена окончательная точка.

Я не знаю сколько мне суждено ещё прожить, сколько страдать, что я ещё увижу и перечувствую, но может быть я доживу до такого времени, что я смогу, спокойно живя у своих сыновей, перечитывать эти строки, вновь вспомнить эти жуткие времена, чтобы лучше оценить тот покой и удовлетворение, которое судьбе угодно будет мне в недалёком будущем даровать, или с последним криком отчаяния сойти в могилу.

Мороза нет, немного потеплело. Больше трёх человек не имеют права собираться, сдать радио и фото[аппараты – Л.М.], а также, кто присвоил имущество бежавших. Угрозы штрафом и расстрелом. Говорят, что на фронте красные наступают, взяли обратно Ростов. Есть наивные люди, которые верят в возвращение Советов. Воображаю, чтобы это было, вот пошла бы месть.

6/1 – 42 (24 декабря 41 г.) [по старому стилю – Л.М.]. Буду кратким, так как нет в лампе керосина. Шестьдесят шестое рождество в моей жизни вышло самое трагическое, буквально ни один из Рождеств[енских] вечеров не был так печален и безнадежен, так беден, сиротлив, холоден и голоден. Правда, были годы, когда далеко не сладко мы встречали Рождество, тоже голодали, всё это было, конечно, при сов[етской] власти. Но всё же были у нас дети, мы знали о них, где они и что с ними, некоторые были с нами и все же кое-как с большим трудом выжили и вышли на дорогу, уж кое-как блестели горизонты, казалось, что близок час, когда настанет совсем, сравнительно, хорошо. И вдруг все иллюзии вмиг разлетелись, как дым и осталась одна чёрная загадочная дыра. Святой вечер [19]41 года ст[арого] ст[илия], сижу при самодельной коптилке.

10 ч. вечера. Во дворе мрак и полная тишина, лишь изредка грянет где-то далеко выстрел. Конечно, традиционного Рождеств[енского] вечера у нас не было, были лишь одни только сладкие воспоминания о далёком прошлом детстве, когда большой стол был весьма обильно сервирован, начиная от традиционного фаршированного поросёнка и окорока, и кончая кутьей. Боже мой! И чего только не было на столе и это всё у бедного рабочего столяра, и орехи, и конфеты разн[ых] сортов, всего было обильно на столе. И это всё было в мрачные времена, как не раз писали большевики и рисовали мрачную картину нынешней молодёжи, во времена бесправия и царизма. Какая гнусная ложь! Но пришла жестокая правда, опрокинула всю 24-летнюю клевету и превратила в прах самых великих лжецов, которые сами себя называли великими и учителями всего мира. Какая наглость. И вот мы, современники жесточайшим образом расплачиваемся за всю ту ложь, которая лилась целыми потоками, за всю ту

ненависть и злобу, которая насаждалась годами и, наконец, за то неверие и разрушение тысячелетий религиозной прекрасной традиции Рождества Христова и других, не менее, прекрасных праздников и воспоминаний. Все спят кругом, не сплю я один и мой неизменный друг – часы, сорок лет однотонно измеряя текущее время. Как много они могли бы рассказать о нашей семейной жизни.

9/1 – 42. Эти два дня прош[едших] праздн[иков] я был занят работой по отк[рытию] нашего коллективного магазина, остекление окон, чистка, мойка, а сегодня предварительная покупка продуктов для изготовления кулинарии. Предполагается отк[рыть] числа 12-14. Нас двое мужчин и две женщины, денег совершенно нет, только у одного малая толика, не знаю, что из нашей затеи выйдет, конечно, был бы прок, но нужно в дело вложить марки. Товаров на рынке нет, приходится искать их на руках. За последние несколько дней цены на продукты повысились. Завтра снова на базар и вообще много хлопот, хотя бы они увенчались успехом.

Дай-то Бог успеха!

Погода совершенно изменилась, ночью шёл дождь, да и сегодня немного, оттепель, словно весной запахло. Это хорошо, очень боюсь холода, да и в магазине невозможно стоять во время морозов, а придется, т.к. вся зима ещё впереди. Предстоящая работа хороша тем, что отвлечёт мрачное настроение, весь день занят делом, а самое главное, может быть это дело даст хоть небольшой кусочек хлеба. В городе совершенно нет работы, а работающие не получают жалования, так все теперь работают задаром, а для таких старцев вроде меня работы и даром нет.

Особенно много поработала вчера и сегодня Тося: перемыла все стойки, окна и пол, это дело далеко не лёгкое. Ей и не снилось, что в этом магазине,

в котором она так часто была покупательницей, что превратится в уборщицу этого магазина. Так в жизни часто бывают удивительные чудеса. И чего только человеку в его долгой жизни не приходится испытывать, поистине чудесна и странна жизнь каждого.

Адрес магазина: ул. Канатная угол ул. Базарной, где много лет был хлебный магазин

А время летит молниеносно, прошли праздники, Новый год, крещение, а там смотри и Сретение, как говорит нар[одная] поговорка: зима с летом встречается. Скорей бы эти два страшные зимние месяцы прошли, а там весеннее солнышко, а с ним хоть немного, авось больше радости и даже надежды будет.

11/1 – 1942. Сегодня знаменательный у нас день: открытие нашего магазина, т.е. 4-х компаньонов.

Вечером подсчитали выручку, которая показала 132 руб. Для первого дебюта это вполне хорошо. С таким капиталом, как у нас, больше и ожидать нельзя. Многих предметов у нас нет, а купить не за что. Завтра будет у нас и молоко. Публика валом валит, одни как всегда критикуют, а меньшее число покупает. На нашей улице пока ещё нет ни одного такого магаз[ина]. Надеемся получить разн[ые] предметы от государства, но там польза весьма ничтожна. Наш магазин очень чистенький, имеет весьма опрятный вид. Для большей торжественности повесили икону Николая Чудотворца. Словом всё честь честью.

Наряду с нашим событием, имеющим радостные надежды в будущем, как мы надеемся, как раз сегодня произошла ужасная драма для всего Одесского еврейства. Сегодня ранним утром был расклеен приказ за № [?] о выселении поголовно всех евреев из Одессы на Слободку, где для них устроено гетто. Срок двухдневный, взять с собой разрешается только носильные вещи и пищу. Русским строго запрещается покупать и вообще брать у евреев вещи, каторга 5-10 лет. К вечеру распространился слух, что приказ этот отменён, конечно, он остался только слухом.

Отчаянию их нет границ, ведь негде спать, холод, к довершению пошёл снег. Никто ничего не знает где и как он будет жить, большинство составляет женщины, дети и старики, т.к. мужчины до 50 л[ет] воз[раста] до сих пор в тюрьме, где их используют на общие работы. Словом, картина неопишная, трудно всю эту драму передать. Какое счастье сейчас не быть евреем. Конечно, есть и русские, которые страдают, но всё же не всей общей массой. Рассудок буквально отказывается понимать те сверхдраконовские меры, какие сейчас принимают поголовно ко всем несчастным евреям.

12/1 – 1942 г. Сегодня поистине день страшного суда для всех евреев. Уже с раннего утра, шести часов, потянулись длинные вереницы на Слободку. У нас во дворе всё время раздавался вопль и плачь детей. Я вышел на базар в половине 8-го и видел всю эту необычайную картину исхода евреев из Одессы. По всем улицам тянулись эти несчастные длинной вереницей пешком, со своим грузом, на маленьких санках, еле плетущихся старух, стариков и детей по довольно глубокому снегу. Видел двух старух, древних совершенно обессиленных, лежавших прямо на снегу, не имея сил подняться. Словом, творилось что-то ужасающее. Но вдруг, к полудню вышел приказ,

что евреям дана отсрочка на один, два дня и часть из них, т.е. детей и стариков будут отправлять эшелонами в Очаков и ещё куда-то.

Словом, евреев совершенно выселят из Одессы. Многие из них очутились в ужасном положении, ведь на Слободке для них квартир не подготовили, и где, и как они проведут эту грозную зимнюю ночь, со своими детьми, а многие из них полураздетые, просто непостижимо. Самая дикая фантазия не могла бы придумать больше садистского издевательства, чем сегодняшний, над всеми несчастными. Вместе с тем, приняты строгие меры, установлены по дворам дежурства, якобы для того, чтобы не было попыток поджогов со стороны гонимых. Я думаю, что подобная инквизиция XX века, безусловно, превосходит испанскую, тогда хоть кое-кто уцелел, а сейчас решительно никто.

ДЕПАРТАМЕНТ ЕВРЕЙСКИХ ДЕЛ ГОУБЕРНАТОРА ТРАНСНИСТРИИ

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ ЭВАКУАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ОДЕССЫ И ЕГО ОКРУЖНОСТИ

1. В целях обеспечения безопасности еврейского населения города Одессы и его окрестности...

ПРИЛОЖЕНИЕ КОДЕКСУ

Список лиц, подлежащих эвакуации...

ТАБЛИЦА

В целях обеспечения безопасности...

Table with 7 columns: Имя, Возраст, Пол, Профессия, Образование, Семейное положение, Состояние здоровья. It lists names and their corresponding details.

Наше торговое дело, которому уже второй день отроду, медленно продвигается, сегодня торговали только 90 руб., т.к. цены несколько увеличились, а главное многого не хватает. Занят по горло целый день, нет времени даже пообедать, но, конечно, это совсем не плохо, лучше, чем быть сейчас гонимым. Приходится вставать в 7 ч. утра, бежать на базар и так весь день. Жизнь наша резко изменилась, посмотрим, что будет дальше.

13/1 – 42. Поистине оправдывается народное поверье, что число 13 приносит многим несчастье.

Сегодняшний день и число в полной мере оправдались для наших одесских евреев. Во-первых, с раннего утра поднялась метель, которая замела все улицы. Новый приказ об эвакуации поголовно всех евреев обязывает их уйти из города и собраться где-то на одном из пунктов по отправке в Очаков – Березовский район. Всем дворникам и управд[омам] отдан приказ, чтобы данный приказ был выполнен безоговорочно. Их попросту выгоняли из их квартир и домов. И потянулись несчастные снова, нагруженные разными вещами на санках, увязая в глубоком снегу, еле таща с отчаянием во взоре и, конечно, с ненавистью в сердце, вечно гонимые и презренные. Но что это? Странная и тяжёлая история на протяжении целых тысячелетий, гонимые почти во всём мире, они до сих пор не могли завоевать себе хотя бы относительного уважения и симпатий. В чём здесь загадка, и где таится корень зла? Бросаются огульные обвинения против них, их характера и пр[очее], проч[ее], но в сущности этим ничего не выясняя.

Я сейчас ложусь в тёплую постель, укроюсь тёплым одеялом и спокойно усну, а в то же время, 100 тысяч женщин, стариков и с десятью тысячами детей в данный момент мёрзнут и коченеют на дворе среди метели и на морозе. Сколько воплей, рыданий и проклятий раздаются по нашему адресу.

Правда, при большевиках страдали исключительно русские и миллионы погибли их.

Всё это жуткая и страшная история и когда-нибудь, в далёком будущем, историки выяснят истинную причину этого всеобщего безумия мировой войны и ея безмерных страданий всего современного человечества.

15/1 – 42. Вчера и сегодня чудесные солнечные дни, это после однодневной метели, т.е. злополучного 13-го дня. Вчера, и ещё сегодня тянулись нагруженные санки разным добром, а за ними еле плелись целые семьи со стариками и детьми. Всё-таки были дворы, где не выгоняли их силой, а дали им возможность собраться в дальний путь и запастись необходимым. Не то было в нашем дворе, когда их буквально выгоняли со двора как собак.

Сегодня я видел на Б[ольшой] Ар[наутской], на обочине тротуара, на снегу замёрзший труп старой еврейки и одного седого старика. Говорят, что за эту ночь много замёрзло евреев. По пути на Сортиривочную по Московской ул.

народ шёл сплошной массой, воображаю, что творилось на Сортировочной, где скопилось десятки тысяч людей сразу. Нет у меня сейчас времени туда пойти и собственными глазами увидеть весь этот ужас.

Я всей головой окунулся в новую свою деятельность. Встаю не в 10 ч., как было раньше, а в 6 ч. утра и ровно до 5 ч. работаю без усталости, причём приходится тащить многие кварталы тяжести до 16 кило[грамм], а то и больше. Конечно, это гораздо лучше, чем бездействовать, спать по 12-14 ч. в сутки и пухнуть. Хотя мы носим громкое название новоиспечённых купцов, но, тем не менее, и для многих это покажется диким, что я, окружённый колбасами, салом и другими продуктами, тем не менее, стою за прилавком голодным. Мы ещё питаемся дармовыми румынскими обедами, признать, они уже в горле застревают, но надо потерпеть ещё немного.

Наше дело понемногу продвигается вперёд, а в подтверждение моей надежды Провидение подбросило мне символический знак успеха в виде лошадиной подковы, найденной мною на улице, когда я тащил сегодня утром санки.

17/1 – 42. Мотаюсь ежедневно так, что некогда даже одну страницу написать в свой дневник. Лавочка захватила меня в свои цепкие лапы так, что не охнешь и не вздохнёшь. Бегаю по базару, таскаю пудовые ноши, впрягаюсь в санки и ташу как лошадь поклажу, приобретённую для магазина, словом, нахожусь на другом полюсе жизни, и всё это так молниеносно быстро произошло, что я сам удивляюсь, как всё это волшебным образом переменялось и дало иную окраску жизни. Одно могу сказать, что работа нелёгкая, прощай на долгое время книги, чтение и мой досуг. Всё это ушло. И спать по 12 ч. и всякое бездельничанье, тоска и неуверенность, всё это ушло. Для всего этого нет времени. И, конечно, гораздо лучше такая жизнь, чем сидеть дома без дела и следить за процессом опухания собственных ног и рук из-за недоедания. Этак, пожалуй, недолго проживёшь. Сейчас я чувствую себя превосходно, к нашему полному удовлетворению не хватает нашей дорогой четвёрки. Сейчас могли бы все в этом доме поселиться и зажить дружно всей семьёй. Но всё это мечты, которые трудно осуществить. Пока всё в будущем. Вчера и сегодня мороз 18-20 гр[адусов]. Погода солнечная, чудесная. Как хорошо встать утром в 6-6¹/₂ ч., поработать по хозяйству, а к 8 час. идти на базар. Такой моцион весьма полезен. Это первая ночь, когда я, не просыпаясь, спал до 6 ч., до этого дня я больше 4-х часов не мог спать. Замёрзшая еврейка укутанная крас[ым] одеялом, уже третий день лежит на обочине тротуара. Кто-то благоразумно рассудил, что одеяло её всё равно уже не согреет и заботливо присвоил себе. А там, на эвакуационном пункте рассказывают ужасы.

Завтра воскресенье, магазин наш закрыт, пойду в город, куплю нем[ецкую] газету и вообще погуляю.

18/1 – 42. Морозище ужасный, говорят, утром было 32 [градуса – Л.М.], а позже 20 [градусов – Л.М.]. Эта зима, не повторение ли зимы отечественной войны [18]12-го года. Но большевиков эта зима не спасает, как они надеялись, судя по сводкам, уничтожение и поражение идёт неуклонно. Жаль русский народ, напрасно гибнет из-за фанатизма или дикой идеи коммунизма. Около вокзала всегда много немец[ких] отрядов и румын. Немцы очень стройный и красивый народ, а румыны настоящий тип цыган и одеты как-то неуклюже, и вид у них всех крестьянский, от сохи. Не то немцы: высокие, стройные, прекрасно одетые в талию и на вид очень легко. Все бравые парни.

Базар сегодня дорогой, на всё цены очень поднялись: мясо $2\frac{1}{2}$ м[арки], яйца – 2,50, молоко 1 м[арка] – литр, сало – 9-10 м[арок], кар[тофель] – 1 м[арка] 3 кг. Промёрз ужасно. Вообще весь день у меня в бегах, не до отдыха.

21/1. Адский холод и замёрзшие на улицах трупы, вот что мы чувствуем и наблюдаем сейчас. Морозы всё время, кажется больше двух недель, выше 20 градусов. А трупы, это те несчастные, гонимые, которых буквально выгоняют из домов, и не находя себе пристанища гибнут на улицах от мороза. Третьего дня, утром на Земской ул. лежала на снегу замёрзшая. Кто-то позаботился снять с нея ботинки, на следующий день платье, т.ч. нижняя часть была совершенно голой, а вчера какая-то сердобольная душа прикрыла ее наготу какой-то тряпкой. Вот люди и люди, одни раздевают живых и мёртвых, другие мёртвого покрывают наготу. Два полюса имеется в человеческих сердцах.

Сегодня утром, когда я пошёл к колодцу за водой, новый труп лежал на тротуаре, весь залитый кровью. Говорят, что он то ли скрывался, то ли бежал и рум[ынские] солдаты его пристрелили. Лежит он у хлебной лавки, почти на пороге, тут же и очередь собралась, никто даже не обращает внимания на него, а проходящие только мельком взглянут на него и, не останавливаясь, торопятся дальше. Все подобные происшествия сделались такими обыденными, что на них уже не останавливают своё внимание.

26/1. Буквально молниеносно время летит при моей новой деятельности, просто не верится, что последняя моя запись в дневнике значится 21 числом. Не заглядывал сюда, во-первых, из-за морозов. В комнате у нас всего один градус выше нуля, а, во-вторых, так умаешься беготнёй за целый день с шести часов утра до 6-ти вечера, что уже тут не до дневника. А все же тянет побеседовать с самим собою, хочется записать свои впечатления и, авось мне будет суждено прожить ещё с пяток лет и тогда приятно будет самому прочесть румыно-большевицкие переживания.

Итак, самое главное наше дело идёт, можно сказать блестяще. С 1-го февраля наша компания будет получать по пять марок ежедневно. Разве это не огромное достижение, когда ровно 15 дней тому назад я пух от голода,

т.е. недоедания, и вдруг сразу, точно по мановению волшебной палочки моя судьба так резко переменялась.

28/1. Я сегодня чувствую себя настоящим героем и, благодаря этому героизму, я избежал, или, вернее, спас всё своё имущество от пожара. Приблизительно в два часа дня у нашей соседки, живущей под нами, вспыхнул пожар. По счастливой случайности, как раз я пришёл в комнату, и в это время мы услышали во дворе крики. Я вышел во двор, и на меня пахнуло гарью. Я вбежал в комнату и увидел огромное море пламени. Наши дворовые соседки уже тащили вёдра с водой, и я, схватив одно ведро, вылил на горящее пламя огня, но оно ещё больше вспыхнуло и меня всего обдало вспыхнувшим пламенем, я вовремя отскочил, сообразив, что имею дело с горючим и закричал, чтобы мне подали мокрые мешки или тряпки, каковые я сейчас набросил на бушующее пламя. Накрыв несколькими тряпками огонь, я таким способом потушил отчасти пожар, т.е. главный очаг обезвредил, и когда я через несколько минут поднял мокрую тряпку, то оказалось, что я накрыл ведро с бензином, которое немедленно вынес во двор. Горевшую мебель и другие предметы я немедленно обливал водой и через 10 м[инут] пожар удалось потушить полностью. Даже потолок, где были провода, начали было гореть, и я облил его водой. Если бы я промедлил не больше 5-10 м[инут], было бы уже поздно и мы сгорели бы и сейчас сидели бы в чужой пустой квартире без нашего добра, нажитого с таким трудом чуть ли не пол столетием.

1/2. Вчера мы сделали переучёт нашего дела, т.е. к 1-му февраля за период нашей деятельности от 11/1 до 31/1, за 20 дней. Результат нашей работы можно назвать прекрасным. Я, напр[имер] вошёл в дело без копейки денег, а сейчас у меня пай в деле в сумме 300 р[ублей], кроме того я буду ежемес[ячно] получать 150 мар[ок] за свой труд, остальная прибыль останется в кассе для оборота, а в следующем мес[яце] снова будет переучёт и новое распределение прибыли. Итак, за эти 20 дней мы получили чистой прибыли 325 мар[ок]. Это буквально похоже на то, что не было ни гроша, да вдруг алтын. Оборот выразился в сумме 6448 руб[лей], для начала это совсем неплохо. Но что покажет будущее, тоже неизвестно. Настроение на рынке с продуктами и ценами весьма тревожное, цены хотят установить минимальные, уже на улицах развешены новые цены на продукты, весьма пониженные. Так напр[имер]: сало вместо 8-10 руб[лей] – 1,65, молоко вместо 1 мар[ки] за литр 15 пф[еннигов] и т.д. Крестьяне на это нововведение, конечно, ответят бойкотом рынка и не повезут свои излишки на базар, а, в крайнем случае, будут продавать из-под полы, вот все эти обстоятельства и будут отрицательно отражаться на нашей торговле и прибыли.

Вот напр[имер]: мы купили яйца на базаре по 2 р[убля] десяток, а приходит немец и платит за них всего 50 пф[еннигов], а за литр молока $\frac{1}{2}$ мар[ки],

сало вместо 8-10 – 2 марки кило[грамм]. Теперь нужно быть очень осторожным и учитывать сложившуюся обстановку.

3/2. С раннего утра, с 6-7 ч. до 6 вечера я верчусь как белка в колесе. То на базаре, то за товаром в город и, наконец, в магазине за прилавком. Все прежние привычки, как-то: чтение, прогулки, экскурсия вдоль берега и вообще беззаботное ничегонеделание ушло. Всё посвящено одному хозяину – желудку. Ещё дней 25 тому назад он здорово ворчал на меня и целый день не давал мне покоя, буквально отравляя мне жизнь. Была одна только у меня мысль, чем мой желудок успокоить, как его накормить. И вдруг, буквально по волшебному мановению, как в сказке, кто-то махнул волшебной палочкой, и всё вдруг изменилось. Желудок накормлен и успокоен, а посему и мысли приняли совершенно другое направление. Но, собственно говоря, и мыслей у меня никаких нет, некогда думать, вместо мысли работают ноги и руки, ну и конечно желудок. Я пришёл к тому убеждению, что счастье заключается в независимости и в достаточно свободном времени. Человек, не имеющий свободного времени и не могущий отдалиться, хотя бы на самое короткое время, чтению и размышлению – подобен животному или рабу. Время быстро и бесцельно проходит без всякого удовлетворения и тогда, существование такого человека сводится к двум функциям, еде и сну. Я собственно перешёл из одной крайности в другую, но уж лучше пусть будет так как сейчас идёт, и я благодарен Провидению за ниспосланное мне облегчение.

Шутка ли сказать, какая сказочная перемена: тащить ли из дому буквально последние свои пожитки и пухнуть от голода, или быть сытым и ещё положить себе в карман пару сот марок в месяц.

Ещё одно обстоятельство утешительно, что мы вступили в мес[яц] февраль, всё таки ближе к весне, к солнцу, этому чудесному, всеми любимому богу. Но пока морозы нас не оставляют. Там, в России, морозы доходят до 45 град[усов], у нас – свыше 20-ти всё время, в комнате почти до 0. Всё это просто становится невыносимым, но все же каждый прожитый день приближает нас к теплу, солнцу и весне.

4/2. Для наших евреев сегодня появился новый сюрприз в виде приказа, который гласит: что им запрещается выходить на улицу раньше 12 ч. дня, в противном случае будут немедленно эвакуированы и даже не дадут возможности взять с собой семью, т.е. те, которые будут пойманы на улице раньше 12-ти. Домовладельцам запрещается укрывать евреев. Во вчерашней речи Гитлер заявил, что он добьется, что ни одного еврея не будет в Европе.

Жуткие вещи рассказывают о евреях, и рассказы эти скорее похожи на легенды, чем на правду. Во-первых, что было несколько случаев, когда они зарезали русских и взяли их паспорта. Затем, некоторых держат в вагонах на

запасном пути запертыми и они друг друга едят. А вот факт, что купили у еврейки сахар, который был отравлен, и несколько человек умерли. Наконец, говорят, что до вступления румын евреи имели перерезать всех русских, но благодаря вступлению румын эта Варфоломеевская ночь не состоялась. Ведь всего и не передашь, о чём болтает наша публика. Зима всё-таки крепко держит. Сегодня снегопад и холодно, и остаётся одно удовольствие, после работы лечь в постель и зарыться с головой под одеяло, предварительно положив сверху два пальто.

Несмотря на небывалые морозы, борьба на фронтах продолжается. В некоторых местах немцы отступили, но все же судьба большевиков окончательно бита. Лишь только начнутся тёплые дни, немцы дадут такого перца Сталину, что придётся ему окончательно оставить Российский трон. Его карта бита, 25 лет поцарствовал и довольно.

Японцы бьют англичан и американцев на всех фронтах. Словом мир переделывается и будет иметь другой вид, жаль только, что я не доживу до тех счастливых дней, когда наступит окончательный мир и новый порядок во всей Европе.

А о ребятах наших так ничего и не знаем. Неужели судьба в этом случае не будет к нам благосклонна, и не даст нам возможности видеть их целыми и невредимыми?

10/2. Уже несколько дней настала оттепель. Густой туман, сыро и скользко. Жизнь течёт своим чередом и как всегда с препятствиями. Препятствия заключаются в следующем: власть издала постановление о снижении цен на рынке, а рынок ответил почти полным отсутствием привоза, и вдобавок, некоторые продукты продают из-под полы. Сало, молоко и друг[ие] прод[укты] совершенно исчезли, а на всё остальное цены значительно повысились. Интересно, кто победит. Наше дело процветает. Сегодня ровно месяц как мы открыли магазин. Приходится очень много работать. Все мои занятия по-немецки и чтение совершенно заброшены. Прихожу из магазина, это после 12-ти час[ов] беготни, совершенно усталым, и уж тут не до философии. А так хочется часок другой посидеть и почитать. Время проходит молниеносно, вот уже почти половина февраля, ещё немножко и первые весенние лучи засверкают, а с ними и новые надежды появятся. Что-то принесёт нам весна, когда, наконец, мы получим от наших сыновей известия, наконец, живы ли они – вот главный вопрос в чём.

18/2. После долгого рабочего дня и суеты, и после вечернего чая, сижу за столом и думаю о всяких мелочах житейской жизни. Вспоминаем долгие дни ежедневных бомбардировок с аэропланов, как мы стремглав бежали в сараи, в наше убежище, чтобы укрыться, вспоминаем жутко-зловещие свисты бомб, и, вообще, сколько было пережито ужасных дней и ночей. Огромные пожары вблизи нашей улицы, вопли женщин и детей, тушение

пожара в нашем доме от авиационных зажигат[ельных] бомб. И сколько раз мы были буквально на волоске от жуткой катастрофы, но всё благополучно, для нас, лично прошло. А вся эта ужасная суровая зима, без единого дня оттепели, а в комнате при температуре 2-5 град[уса]. Всё прошло, и пережито, а на смену появляются новые переживания, новые опасности, новые неожиданности и слухи. Сегодня говорили, что на всём побережье и на бульваре устанавливаются орудия, а фантазёры сообщили, что большевики якобы даже Киев захватили. Кто-то провокацию усердно сеет. Я же твёрдо убеждён, что сталинская карта бита, а Гитлер на обе лопатки Сталина положит.

13/2. Сегодняшнее 13-е число, да ещё пятница, подтвердило народное поверье, что оно приносит несчастье. Два часа тому назад, т.е. в 7 ч. вечера, пришёл рум[ынский] оф[ицер] с солдатом, обшарили почти все углы, забрали два отреза, пальто и шапку, уложили в простыню и ушли. Конечно, доказывать, что это все вещи мною кровно заработаны, а не уворованы у евреев, это было бесполезно и не убедило бы. Он не понимал русск[ого] яз[ыка], а я румынского. Я безропотно покорился перед силой оружия и бесправия. Я не впал в отчаяние, и нет у меня и капли сожаления об утерянных вещах. Так должно было случиться, и точка. Мы пережили большевицкий «день мирного восстания», или, проще говоря, грабежа, но нам тогда повезло, до нас очередь грабежа не дошла. А теперь я не ропщу, что нас обобрали.

На исходе половины XX в[ека] – таков закон, чтобы убивать друг друга и грабить, оставшихся в живых. Трудно к этому привыкнуть, но это наша собственная вина, не уяснивших себе за 24 года всю суть и основу этого века. Нам – людям 19-го в[ека] никак не вдолбишь в голову эту новую мораль, право, совесть, культуру и многое другое. Давно пора нам, старикам, поскорей убраться из этого мира, где мы так долго зажились и попали в такие условия жизни, что нам их никак не понять. Надо сознаться, что мой посетитель был настолько вежлив, что предложил мне закурить, а при уходе с моим добром сказал «до свидания». Нашей дворовой соседке, напр[имер], грозил револьвером и забрал костюм, у другой – одеяло.

21/2. На второй же день утром выяснилось, что нас ограбил попросту налётчик. Дело в следующем: одна из соседок, у которой забрали мужской костюм, не успокоилась, а заявила в полицию. Вызвали и меня, как потерпевшего, и там выяснилось, что никто никакого права не имел забирать вещи, и нужно было у него потребовать удостоверение.

Словом, самым глупейшим образом мы поплатились за нашу наивность или попросту глупость. Всё происшедшее я считаю, как всякое неизбежное зло и совершенно не принимаю близко к сердцу. Происшедшее мною совершенно забыто.

Сегодня день рождения Венички. Где он бедный и что с ним. Всё покрыто мраком неизвестности. Никакие догадки и предположения не дадут правды о его существовании, также как и об остальных. Только одно время может дать ответ на все вопросы, а поэтому нужно терпеливо ждать.

Сегодня чудесный солнечный день. Тепло вокруг, но в тени было морозно. Ещё недели две и будет тепло.

1/3. Сегодня первое марта и вся зима, как будто прошла, но несмотря на последние дни оттепели, вчера вечером и ночью выпал снег, но всё же чувствуется весна. Отвратительная и жуткая была зима, для очень многих она была роковой, а в особенности для евреев. Многие из них нашли себе успокоение в снегу на морозе. Есть ещё из них, которые прячутся где-то в домах, но те, которые ушли из гетто, несколько человек расстреляны. Вчера масса войск проходила через город по направлению Николаева на фронт, близится весна, а с нею и решительный и окончательный бой. В поражении советов уверен, но есть наивные люди, верящие в приход большевиков, тогда многим была бы гибель, в том числе и нам.

Вчера сделали переучёт магазина, сегодня подвели итог, который показал неплохие результаты нашей работы, но все же нет жизни и радости нам без наших сыновей. В то время, когда мы сейчас сыты и в тепле, они, возможно, голодают, да и живы ли они. Когда же мы узнаем о них, где и в каком состоянии они находятся.

5/4. Сегодня Пасха. Целый день шёл снег, и снова всё покрылось белым саваном. Смотришь в окно, и просто не верится, и, кажется, что сегодня Рождество. Всё ополчилось против человека, чтобы удесятерить его страдания. Эта зима была одна из самых тяжёлых, какой не было за последние сто лет.

В продолжение всей зимы не было солнечных дней, как бывало прежде, и были лишь сильные морозы, или сменялись хмурыми днями с повисшими чёрными облаками. Даже бедные скворцы, и те просчитались в сроках тепла, прилетели и куда-то исчезли. Наверное, не одна скворчиная душа поплатится своей жизнью.

Сегодня, почти за три месяца, я спокойно сижу за столом, прилично одетый и даже чистый, т.к. за всё это время я был занят в магазине от 7 утра до позднего вечера, не было времени даже пообедать, а холод парализовал всякую охоту прилично умыться и ходить более опрятно. Посмотреть бы на меня каким я стал. Небритый, брюки оборваны, пальто также и в пятнах, целый день в калошах, руки в жиру с огрубелыми пальцами, и не узнать. Я приходил домой в холодную комнату, никогда не снимал шапку с головы, так обедал, ужинал и спешил в постель, и лишь здесь я чувствовал спокойствие, и настоящее наслаждение под тёплым одеялом, укутвшись с головой.

Вот собственно причина, почему я не заглядывал в свой дневник больше месяца. Много кое-чего можно было написать, но было не до дневника. Этот прошлый месяц был отвратителен во всех отношениях. Я даже пожалел об ушедшей власти, при которой хотя я тяжело работал, но был свободен и имел много времени на мысли. А как я любил думать во время работы, и с какой радостью, кончая работу я мчался домой, в домашний уют, к чтению или просто ничегонеделанию. Я был действительно свободен и завтрашний день меня ничуть не беспокоил. Сейчас я как каторжанин, думать некогда, уверенность утеряна и не знаешь, что завтрашний день готовит тебе.

Эта пасха самая оригинальная, буквально во всех отношениях. Ещё за всё время нашей жизни я не обладал такими деньгами, т.к. имеем скопленными больше тысячи марок, и, в тоже время, эта пасха самая безотрадная из всех прошлых. Нет с нами наших сыновей, и нет надежды на скорую встречу с ними.

Мы подвергаемся всяким случайностям, всё непрочно и неуверенно. Война продолжается с прежним упорством и полна всякими сюрпризами. Снова начались затемнения, построены на улицах новые баррикады, население предупреждено в случае налёта большевиков, приняты всевозможные меры предосторожности, а в многочисленных приказах угрозы без конца.

На днях город окончательно перешёл в руки румын и говорят о скором переходе на денежную единицу с немец[кой] марки на леи.

6/4. Сегодня у нас в комнату в первый раз заглянуло солнце и осветило всю комнату, как-то сразу сделалось радостнее на душе. И это после вчерашнего снегопада, который продолжался весь день.

Ярко посылает свои лучи солнце и сегодняшний день полная противоположность вчерашнему, но все же в тени холодно, но на солнышке тепло.

Был в церкви на обедне. Душу охватило восторженное чувство, и невольные потекли слёзы. Как это мы могли думать, что христианская вера погибнет и никогда не возродится, а ведь всем так казалось, что никогда и никто не услышит церковного пения, звона колоколов и религия навсегда погибла.

7/4. И отчего так безрадостно и тяжело на душе? Гнетёт тоска, неуверенность и страх неизвестного будущего. Бесконечной вереницей текут мысли, безотрадные, грустные и безнадежные. Всё опостылело. Нет с нами детей. Где они и что с ними. Какие страдания они переносят. Голод и холод без сомнения их спутники, война продолжается и не видно её конца. Как ужасна теперь жизнь, как страдает народ, какие муки и лишения ещё ждут впереди.

9/4. Сегодня наш дорогой Орестик имен[инник], или, вернее день рождения. Ему исполнилось ровно 37 лет. Где он и что с ним? Как бы хотелось знать о нём и его семье, но это только мечты. Когда настанет тот день, когда можно

было, хотя бы получить коротенькое письмо от них всех? Сыро, туманно и дождь. На рынке пусто, на всё цены удвоились. Жить стало всем невмоготу. Карт[офель] – 1 м[арка], сало 14 [марок – Л.М.] – кг, хлеб – 3 [марки – Л.М.], колб[аса] – 10 [марок – Л.М.], масло 15 [марок – Л.М.], подсолнечное б [марок – Л.М.].

25/июня 1942. Уже давно отцвела сирень, акация, в полном цвету жасмин, появилась черешня, клубника, а я ещё с апреля мес[яца] не заглянул в свой дневник. Измотаешься за целый день, и поднимаешься вечером к себе в комнату с истрёпанными нервами, и без желания что-либо написать, а было и есть о чём. Сон для меня сделался единой утехой, но как он короток. В пол-шестого уже надо подниматься, и браться за нелюбимое дело. Как я жалею о прошлой работе на фабрике. Правда, работа была каторжная, в жаре, но я был свободен. Руки были заняты, а мысли как свободные ласточки вихрем летали, куда им только вздумалось. Любил я думать. После работы я, точно на крыльях, летел домой крайне усталый, но радостный. Я знал, что дома застану полный уют, любимого друга, которая всегда встречала меня с распростёртыми радостными объятиями, и я забывал прошедший тяжёлый день работы, и наслаждался кратким отдыхом. Теперь совсем не то. Четырнадцать часов верчения в магазине и трепания нервов, мысли отупели, или как-будто в цепях. Сотня чудесных книг без движения лежат в книжном шкафу и лишь иногда удаётся заглянуть и прочесть всего несколько страниц. Жалкая и глупая жизнь. Мой любимый друг Тося со вчерашнего дня в больнице. Говорят тиф. Сижу снова одиноким, как бывало, когда она уезжала к ребятам в Москву или Киев. Но тогда я радовался, что она с ребятами, хотя и было мне одному грустно и тяжело, а сейчас... Провожая вчера Тосю, я еле удерживал рыдания и все же не мог выдержать. Проклятые нервы. Сегодня я первый день ходил её навестить и передать кое-что. Получил от нея записку, что ещё не известно, чем она больна, через два дня всё выяснится.

28/6. Ровно 9 утра. Из церкви доносится звон колокола. Утро прекрасное, в воздухе и вообще полная тишина, лето в полном разгаре. Казалось бы, только радоваться, но на душе, словно камень лежит и всей своей тяжестью давит. Как тяжело и нет проблеска, ни надежды на улучшение. Тося в больнице, здоровье не улучшается. В магазине накануне катастрофы. Остался маленький кусочек жизни и я не могу прожить его спокойно, не страдая. Что за отвратительная жизнь. Напрасно я себя уговариваю, что так мало ещё страдать, но человек должен страдать до последней минуты своего издыхания и никакая философия, и благоразумные доводы не могут его успокоить. В этом отношении характер у меня отвратительный, трусливый и я из-за малейшей неудачи должен страдать.

А как наши ребята сейчас страдают, их страдания во много раз хуже моих, а миллионы других в каком положении. Море слёз и крови, страданий и голода. Война всё продолжается и несёт с собой жесточайшие страдания для большинства людей.

Если бы можно своё сердце остановить и тем положить конец всем переживаниям.

29/6. Стрелка подходит к 10-ти. Снаружи мёртвая тишина. Темно. Электричества нет, а небо в тёмных тучах. Я одинок. Тося в больнице. В своей записке ко мне она пишет: «Через 42 года свидания наши совсем уж не те, что были тогда...» Да, 42 года наложили свой отпечаток, но только на лицах, а не на чувствах. Сколько в записках Тоси из больницы неиссякаемой любви, привязанности, заботы обо мне. Как она любит своих ребят и вся её мечта ещё хоть раз увидеть их всех. Увидимся ли мы. Бедный Сергей со своей женой еврейкой, т.к. теперь во всей Европе их гонят или уничтожают, а если немцы её поймут, то ей несдобровать. С ней-то мы наверно никогда не увидимся. Мне снился сон, что у меня в руках двое часов, и я хотел оставить для своих ребят, когда их увижу. Когда часы сняты – это перемена жизни, но какая, к худшему? К лучшему – не может быть.

1-го июля. В первый раз в этом году я пошёл в парк. Он сделался неузнаваем. Деревья разрослись, много тени, воздух чудесный, вдали безбрежное море сверкает и дует прохладный ветерок. Чудесное утро. Гуляющих никого, только кое-где работницы ковыряются в земле, да румынский часовой охраняет 85 могил, погибших во время взрыва НКВД.

Я взял с собой книгу Стендаля и читал до 12. Одинок и никому ненужный я. Только одно мне родное сердце бьется для меня и думает обо мне, и оно не со мною.

День первого июля прошёл в суете, как обычно и я снова одинокий сижу и думаю обо всём...

10-го октября 42 г. Боже мой! Сколько времени я не заглядывал в свой дневник. Больше трёх месяцев. Сколько волнений и страданий за это время пережил я. Слава Богу, Тося здорова и это главное, снова хлопочет и хозяйничает, но все же одни страдания ушли и на место их пришли другие. Снова забота и страх перед будущим. Дела торговые катастрофические, наше дело буквально висит на паутине, будет чудо, если выдержим до весны. В городе настроение подавленное. Люди страшно обеднели, негде заработать, а война, вопреки всем надеждам, затягивается на весь [19]43 год, а может быть и дольше. Никто не уверен в завтрашнем дне. Вчера напр[имер], вышло распоряжение построить щель и оборудовать убежище на случай бомбардировок. Пошли слухи и догадки по всему городу. Появились якобы

прокламации большевиков о том, что они будут у нас и с разн[ыми] угрозами [тем – Л.М.], кто способствовал немцам и рум[ынам]. Лично я не верю всяким «говорят», всё это фантазия, не имеющая под собой никакой почвы. Царицын, накануне падения, на Сев[ерном] Кавказе немцы беспрерывно продвигаются вперёд. Атаки большевиков всюду отражаются с успехом. Болтают, что выступит Турция против нас, но это чистейший бабий абсурд. Правда, пресса пестрит вторым фронтом, но это тоже из области фантазии, т.ч. в этом отношении я лично совершенно спокоен. Хуже всего дело обстоит с торговлей, которая сошла на нет, а зима предстоит длинная и тяжёлая. Запасов у нас никаких. Словом: ... «лето красное пропело». Как это человек, я в данном случае, ничему не научился. Прожил три голода и, всё-таки, нужда не научила ничему, а можно было хоть что-нибудь купить и тем обеспечить на всякий случай. Я снова переживаю и как год тому назад буквально не могу успокоиться. Страх предстоящей голодовки не даёт мне ни днем, ни ночью покоя.

8-го, предыдущего мес[яца] мне перевалило за 66 лет. Близится развязка и, если можно было бы, я ускорил бы её. Надоело страдать, быть в неизменной душевной тревоге, а это хуже всего. В моём возрасте о перспективах говорить смешно, я лишь одно хочу – спокойствия, а его нет.

Наши бедные ребята безмерно страдают в Сов[етской] России. Трудно даже себе представить, что они переживают и вообще живы ли они. Будем ли мы так счастливы – видеть их и в каком состоянии.

Осень прекрасна. На солнце очень тепло, даже жарко. Изредка мы гуляем в парке и любуемся осенней природой, морем, цветами и деревьями, одетыми пожелтевшими листьями. Здесь чудно хорошо. Но все же сердце беспокойно, тяжёлые думы целой вереницей осаждают голову и не дают ей ни минуты спокойствия. Город по-прежнему пуст и мёртв. Изредка промчится полупустой трамвай. На улицах редкие прохожие. Но зато магазинов вновь открытых невероятное количество. Буквально все взялись за торговлю, т.к. другого дела нет.

Читаю очень мало, нет настроения. Нервы постоянно напряжены, как будто в ожидании какой-то катастрофы. Недавно вышел приказ сдать по одной паре шерст[яных] носков и перчаток в виде контрибуции, в противном случае грозит штраф до 200 марок. А у нас ни гроша за душой. Взяли в долг шерсть и заказали вязать.

12 окт. 42 г. Когда мне тяжело, тогда мне хочется излить свою грусть хотя бы на бумаге. Она всё принимает не критикуя. Ходил в город и отнёс продать одеяло, т.к. денег нет. Вот до чего дожил. Неужели придётся пережить четвёртый голод. Страшно подумать так глупо страдать и это в 20-м веке, от голода. Когда такие величайшие открытия, при такой цивилизации и при наличии стольких гениев, ратующих за счастье народа. Все эти Гитлеры, Сталины,

Черчилли и проч[ее], проч[ее] – величайшие преступники. Что это за люди? Без нервов, сердца, совести и милосердия. Это действительно сверхчеловеки. Несколько миллионов жизней для них равносильно плевку. Политические гении это бич человечества. Сколько крови они проливают, сколько слёз и горя вокруг них, но они твёрдо идут к своей цели. А какой, собственно, цели? Счастье человечества. Но беда в том, что каждый из этих гениев, признаёт только свой рецепт самым действительным и другого не признаёт.

14/10 – 42. Прошло ровно 42 года тому назад, когда я сидел у изголовья моей умершей матери в гостинице в Харькове. Это было в 1900г. 1-го окт[ября] ст[арого] ст[илия] в 4-5 ч. вечера. Она умерла в моих объятиях, я видел её последние судороги и страдания. Какой был ужасный день. Мы приехали в Харьков в 8 ч. утра. Было довольно холодно. Жёлтые осенние листья сыпались с деревьев от сильного ветра и устилали тротуары города. Мы остановились в грязной гостинице, т.к. мать дальше не могла ехать и чувствовала приближение смерти. Мне нужно было ехать в Астрахань по месту моей новой службы, но пришлось прервать свою поездку. Помню, что я пошёл бродить по улицам Харькова, зашёл в церковь и затем вернулся в гост[иницу]. Мать встретила меня с протянутыми ко мне руками и с укором, что я так долго отсутствовал. Она, бедняжка, чувствовала свою кончину и всей силой своей воли удерживала угасавшую свою жизнь, чтобы в последний раз увидеть меня.

Я сел на её постели, обхватил руками её голову и держал её до тех пор, пока не началась её агония, которая почти сейчас же наступила после моего прихода.

На следующий день начались хлопоты по подготовке похорон. Помню, как я написал матери несколько прощальных слов и излил свою горечь и любовь в этом письме, и в гробу положил ей под голову. На третий день я с отцом шли за гробом одинокие, через весь город к далёкому кладбищу, где и похоронили её. В 1901 году я посетил её могилу с Тосей, когда ехал из Кишинёва после женитьбы, а в 1908 г. – во второй раз, уже с тремя сыновьями по дороге в Одессу. Зимой в ноябре мес[яце].

Так прошло 42 года. Прошла вся жизнь, молодость, надежды и в конце остались у разбитого корыта. Ребят наших нет. Мы снова вдвоём, но уже старики с потухшими глазами, согбенные годами и израненными сердцами. А что дальше? В данный момент тяжёлый камень на сердце. Неуверенность в завтрашнем дне, а то и снова ужасная голодовка, как год тому назад. Войне конца нет. Предстоит тяжёлая холодная ужасная зима. Пять мес[яцев] тяжёлой зимы.

18/10 – 42. Сегодня день рождения Володи. Ему исполнилось ровно 40 лет. Уже старик бедняга сделался. Где он сейчас? Что с ним сейчас и жив ли он вообще – бедный страдалец, без семьи, одинокий страдает физически и нравственно. Будет величайшим чудом, если в этой кровавой распре идей

он уцелеет. Мысленно поздравляю его и прошу providение защитить его от всех бед и сохранить ему его семью. [В декабре 1941г. он, ополченец, погиб под Москвой – С.О.]

Сегодня воскресенье, первый день холодного ветра. Последние дни были чудесно теплы. Сегодня же впервые пришлось надеть пальто. Были в парке, большинство деревьев ещё зелено, только каштаны совсем пожелтели и теряют свою листву, и некоторые другие породы уже устлали землю золотыми листьями. Небо ежеминутно меняет свой вид; то оно ярко голубое и в это время солнце ярко и тепло греет.

4-го ноября – 42 г. С 24 октября я работаю в ком[мерческом] магазине с окладом жалованья в 300 руб. Такое молниеносное превращение из «купца» – в продавца вызвано не только неурядицей в нашем деле, но главн[ым] образом, катастроф[ическим] положением нашего оборота, который так снизился, что нет возможности свести концы с концами. На этом основании я, не задумываясь, сразу решил (пока временно) служить.

За эти 12 дней я столько насмотрелся и чтобы передать всё виденное нужно обладать хорошим талантом писателя. Наш продукт[овый] маг[азин], где покупатели являлись главным образом бедная публика, покупающая по 50 гр[амм] масла, колбасы и редко $1/2$ кило[грамма] и, казалось бы, что товар наш являлся необходимым продуктом первой главн[ой] необходимости, делал мизерный дневной оборот.

Маг[азин], в котором я сейчас работаю от утра до вечера, набит покупателями, нет времени даже 15 м[инут] пообедать, а товары являются большей частью предм[етами] роскоши, мало нужными товарами или вовсе ненужными, как-то духи, краски для лица, губ[ная] пом[ада], стоящ[ая] 22 мар[ки] и проч[ее].

Ежедневно наблюдаешь, как люди не задумываясь выбрасывают 500-1000 мар[ок] на кольцо, браслет и друг[ие] предметы. 20-50-100-200 марок эти выбрасывают гораздо легче, чем на 50 гр[амм] колбасы в нашем магазине. Сегодня одна русск[ая], заурядная женщина купила кольцо за 700 м[арок] и она меньше потратила времени на размышление, чем некоторые на 50-100 г[рамм] масла. Я с отвращением смотрю на этих людей, бросающих на ветер крупные суммы денег. В то время, когда рабочему платят 2-3 мар[ки] в день, и когда кило[грамм] хлеба стоит 3 мар[ки], здесь швыряются десятки и сотни на совершенно ненужные вещи. У меня невольно является картина перед глазами, напротив нашего магаз[ина], где отпускают беднякам бесплатные обеды и где я сам ими пользовался в прошлом году.

Это хуже собачей похлёбки, со 100 грам[мами] отвратительного хлеба, и об этом бесплатном благодеянии постоянно барабанят в газете, расписывая

на разные лады, и славословя жертвователей. Я с ненавистью смотрю на этих воров и мошенников, где-то награбивших марки и швыряющих на всякие бесполезные пустяки с сытым брюхом и довольным лицом, в то время, как бедняк с жадностью уплетает даровую безвкусную жижицу и эти 100 г хлеба. Я наблюдал эту картину долгое время, я видел эти молящие глаза, прося прибавить немного больше похлёбки и прося дать горбушку хлеба, т.к. казалось, что в ней больше 100 гр[амм] хлеба. И я был таким же некоторое время. Я до сих пор не забыл этого времени, когда я с жадностью поедал благотворительный обед. А здесь, в этом магазине, где я сейчас служу целый день, видишь улыбающиеся лица, примеривающие 500 мар[очные] кольца и другие ценности.

29/11 – 42 г. Я снова на распутье. Сегодня я окончательно решил бросить свою компанию и уйти из магазина, и в тоже время я не уверен в завтрашнем дне, т.к. не знаю, оставит ли мой хозяин меня на службе. Завтра или послезавтра получу жалование и вот видно будет, оставят ли меня на службе.

1/12 – 42. Этой ночью мне снился ужасный сон. Я ссорился с моим отцом. Я его бранил ужасными словами и в конце обратился к портрету моей матери, прося ее защиты. Я так просил её, с таким отчаянным, искренним чувством, что когда я проснулся, у меня были мокрые глаза от слёз. Третьего же дня мне гадали на картах, где мне предсказывали большую неприятность.

С тяжёлым настроением я отправился в магазин работать, мне казалось, что вот-вот произойдёт неприятное, тяжёлое и сегодня был целый день настороже. Но прошёл день благополучно, всё шло гладко и нормально. Сегодня 1-е число, я ожидал полочки жалования и, возможно, расчёта. Но денег не дали и моё ожидание результата моей судьбы откладывается на завтра или ближайши дни.

С моим магазином я окончательно покончил, мне противно о нём вспоминать и не хочу о нём ни сожалеть, ни думать. Словом, открывается новая страница моей жизни, уж которая и не перечесть.

Как тяжело на душе. Нет ни просвета, ни надежды. Война затягивается, нужда усиливается и нет ей ни границ, ни конца. Предстоит долгая тяжёлая зима, с холодом, голодом и метелями. В случае расчёта, где заработаешь? Куда пойдёшь? Правда, ровно год тому назад, было неизмеримо хуже и все же Провидение было так милостиво, что вывело на дорогу и ровно 11 месяцев не оставляло нас своим покровительством. Но я трус и неверующий в свои силы. Я дрожу при мысли о могущих быть невзгодах вместо того, чтобы смело и бодро смотреть в будущее, твёрдо верить, что и на этот раз Провидение не оставит без помощи и снова выведет на дорогу.

Дай-то Бог! и в добрый час!

2/12 – 42. Свершилось! Снова перевёртывается страница моей жизни, но я сворачиваю на свой старый путь. Сегодня мне отказали в службе, а посему я должен вернуться в свой магазин.

3/12 – 42. 10 ч. утра. В комнате тепло и уютно, погода последние дни тоже прекрасна, так и манит уйти подальше к морю, в поле от городской суеты и жизненной суеты.

Настроение у меня как будто спокойное, скорее покорное неумолимой судьбе. Мой жизненный путь идёт к концу, никаких иллюзий и надежд нет. Живу сегодняшним днём, так как заглядывать в будущее не имею права, возраст не тот. Но все же так хочется спокойствия и уверенности в завтрашнем дне, а его-то у меня и нет. Правда, я очень странный тип, всё хочу, чтобы это спокойствие пришло само собой, без борьбы, так просто свалилось с неба. Но я не рождён для борьбы, для хитрости, обмана и воровства, нет во мне тех качеств, какие требуются для сегодняшнего дня, теперь нужны другие люди, с другими взглядами и другими методами за право жить, а не прозябать. Таким людям не место на этой земле, они должны уйти и дать место другим, а пока что я должен проявить максимум энергии, умения и упорства, каковых качеств именно у меня никогда не было. Я способен на самый тяжёлый физический труд, я очень вынослив, как это показала моя работа на сук[онной] фабрике. Я не лентяй, но там, где нужно проявить смётку, долю нахальства, и кое-что в этом роде, я окончательно пасую. Я не создан для этого, а моя тридцатилетняя работа в Жир[ардовском] маг[азине] создала из меня только чиновника, не способного к самостоятельной мысли и работе.

Сегодня у меня свободный день. Я решил сегодня ничего не делать, завтра же я снова с утра иду в мой магазин и постараюсь проявить максимум энергии, если только мне это удастся.

Вчера Ан.[?] опять гадала. Карты ничего плохого не показали, наоборот, как будто именно благодаря вчерашнему обстоятельству, т.е. моему сокращению всё складывается как нельзя лучше. Интересно заметить, что который раз в картах выходит, что какой-то близкий нам человек приедет и ещё с женщиной. Что будет весьма радостное письмо, словом выходит так, как будто кто-нибудь из наших сыновей или даже двое к нам приедут. Здравый смысл говорит, что это невозможно, т.к. они находятся по ту сторону фронта или у немцев и нас разделяет граница. Но бывают чудеса и они не исключены. А какое это было бы счастье, если бы приехал Орест с семьёй и Веня. О Володе и Сергее и думать не приходится, слишком далеко они от нас, но эти двое... бывают же чудеса.

И как не верить картам? Они так точно предсказывают и всегда их предсказания точно исполняются. А сны? Я до сих пор не могу забыть мой сон, где я так был сильно возбуждён против моего покойного отца. Удивительно,

на всём протяжении моей жизни, от когда отец умер, он всегда снился мне, когда мне грозила какая-нибудь неприятность и чем сильнее неприятность, тем рельефнее он мне показывался, как бы предупреждая меня о грозящей неприятности. Этот сон был особенно рельефен и точен в мельчайших подробностях. Но что удивительно, мать никогда мне не снилась, лишь один раз перед своей смертью.

Есть что-то в потусторонней жизни и та жизнь как бы принимает подчас участие в нашей жизни и судьбе.

2 часа дня. Неожиданно меня прервали мои компаньоны. Как всегда разговору было много, а толку никакого. Словом, с завтрашнего дня я вхожу в роль лавочника, что неизъяснимо противно моей душе. Хуже всего ещё то, что имеешь дело с недобросовестными людьми. Это отвращение к такой торговле не могу выразить словами, чувствую какой-то гнёт на душе, и не могу от него освободиться. В порыве душевной тоски я пошёл в парк немного успокоить свои нервы. Я мчался как 20-ти летний юноша. В парке, конечно, ни души. Голые деревья, грязь и мёртвая тишина. Прошёл ряд рум[ынских] могил, на которых уже нет цветов, лишь на некоторых крестах висят вялые облезшие венки с грязными пожелтевшими лентами. Часового уже нет, никто их не охраняет, да и кому они нужны, круг их жизни сомкнулся и всё кончено. Право не знаю, завидовать ли им или продолжать борьбу за кусочек хлеба и жить.

Если бы можно было, взял бы палку, котомку и ушёл, куда глаза глядят, подальше от людей и даже от их звука голоса. Я буквально никудышный, а ведь прожил 66 лет. Каким подчас чувствуешь себя одиноким и лишним.

6/12 – 42. Тоска гнетёт невероятная. Всё представляется мне в мрачном виде, кажется, что нет выхода из этого настоящего положения. С магазином докатились буквально до точки, а что дальше будет, ума не приложу. Ни товара, ни денег, ни надежды.

Сегодня воскресенье. Солнечный день, выпавший немного снег тает с крыш, под лучами солнца. Но нет настроения выйти на улицу, сижу дома, осаждённый мрачными думами. Все же до Рождества должно что-то изменится, но что? Просыпаюсь в 4-5 ч. утра и тоска терзает меня безжалостно, это такие муки, что передать не могу. Взял свой дневник и посмотрел запись прошлого года. Голодовка, опухшие ноги и бесплатные обеды, годные лишь для свиней. Тоже безнадёжное состояние и безвыходное положение, и всё-таки выход нашёлся, в конце концов, открыли магазин, и положение почти сразу улучшилось. Это было поистине чудо. Из такого, казалось, тогда безнадёжного положения не было выхода, и всё-таки выход нашёлся. Почему же не может быть выхода из нынешнего положения. Но с таким

характером лучше не жить, самые благоразумные доводы не могут убедить меня и поднять настроение. Но, увы!

13/12 – 42. Пробыло ровно 9 вечера. Собираюсь идти спать в магазин, т.к. разбивают и грабят магазины, чуть ли не ежедневно, несмотря на то, что за грабёж грозит смертная казнь. Уже несколько чудаков заплатились своей головой за грабёж. Тося лежит с головной болью. В комнате прохладно. Нашу знаменитую кафельную плитку не поставили, довольно накопились в прошлом году, теперь горит казанок, но тепло тогда, когда топится. Снова заглянул в прошлогодний дневник и прочёл нерадостные мысли о голодовке. А сейчас я только что отрезал кусок сала, хлеб намазал маслом и так ем. Это ли не достижение в сравнении с прошлым годом. Но надолго ли? На сегодня как будто у меня в порядке. Сегодня купил 2½ пуда мамальжной муки, в то время как в прошлом году о таком изобилии и мечтать было нельзя. Надо прикупить ещё немного сала. Люди сведущие предупреждают, чтобы запастись, возможно, больше всего, а то к весне будет голодовка, т.к. у крестьян забирают продукты и деревня не имеет больших запасов.

Война затягивается до бесконечности, т.к. обе противные стороны ещё имеют огромные запасы людского материала, т.е. пушечного мяса и оружия, ну, а если подохнет с голоду пара миллионов, то, какое это имеет значение для «идеи». Я уверен, что война затянется и на [19]43 год. Большевики держатся стойко и немцы почти не продвигаются вперёд. Царицын держится и не сдаётся, хотя осталось взять ещё несколько кварталов. Сводки говорят о сильных метелях на фронте, а у нас солнечные дни и сравнительно тепло.

Работа моя в магазине продвигается при крайне неблагоприятных условиях. Мои компаньоны никакого участия в деле не принимают, все хитрят и один другого хотят обдурить. Описывать всю эту гнусную торговую картину наших взаимоотношений – противно. Денег нет, долгов много и, конечно, оборот от этого не может увеличиться, а ртов и бездельников много. Настроение по-прежнему уныло-подавленное, выхода не вижу. В одном гадании исполнилось: получили письмо от Саши. Теперь нужно ждать радостного чьего-то приезда.

23/12 – 42. Канун Рождества. 8 ч. вечера. Тося занимается постирушкой в тазу. Я сижу и пишу эти строки при скверном ламповом освещении. После целого дня хлопот, беготни, волнений, это с 6 утра, лишь к 7 вечера можно облегчённо вздохнуть после всех треволнений сегодняшнего дня. Я в магазине одинок, нет мне помощи ниоткуда, лишь одна Тося мне помогает, и день-деньской мечется то в магазин, то хоть что-нибудь сделать дома. Мои компаньоны (двое), как шакалы, издали следят за мною и готовы каждую минуту разорвать меня, в деле никакого участия не принимают и я, как связанный, силюсь снять с себя эти цепи и не могу. Но все же близится дело

к развязке, так как долго продолжаться не может. Приходится терпеть, стиснув зубы, работать как вол и ждать результата.

Уже несколько дней чудесная погода. Солнце ярко и тепло светит, так и манит пойти в парк посмотреть на полуобнажённые деревья, полюбоваться морем и синею далью, а главное уйти от людей. Хотелось бы, правильнее, уйти от самого себя, ведь я – моя голова – источник всех бед и мыслей. Она – голова, создаёт всё, все невзгоды, все радости и печали, всю ту обстановку, в какой я сейчас нахожусь, всё эта голова виновница всех наших бед. Но как уйдёшь от самого себя, от тех мыслей, которые как тень неразлучны с тобой. Эта черепная коробка наполнена до краёв всяким вздором и мыслями, не имеющими ни здравого смысла, ни правильного суждения. Вся судьба каждого человека заключена в этой черепной коробке, а уж если природа наделила её тебе, то – уввы, не переделаешь, так и ляжешь в гробовую доску с ней. Собственно, так повелось уже, что все люди обвиняют во всех бедах кого-то другого, но только не себя, ни свои действия, ни свои поступки. Получается какой-то заколдованный круг, из которого нет выхода.

24/12 – 42. Святой вечер Рождества Христова. 8¹/₂ ч. вечера. Я только что кончил считать выручку от сегодняшней торговли, каковая составляет 1300 марок. Тося усталая за целый день, улеглась на диване и спит или, скорее, дремлет. Она была сегодня единственной верной, энергичной помощницей мне в торговле, остальные, как всегда, лишь бы отбыть свои 4-5 часов и уйти из магазина. Выручка для моего пустого магазина недурна, если бы было больше товара, а главное вино, то было бы совсем хорошо. На плечах у меня висит ещё налог в 600 м[арок] и плюс пеня. Я не знаю, как я этот орех раскушу, будущее покажет.

Сегодня неожиданно получили от Саши письмо. Он стремится к нам в Одессу, но это надежда очень далёкого будущего. Где наши бедные ребята в настоящий момент? Они даже не знают, что сегодня Рождество, т.к. эта сволочь большевики успели вытравить за 25 лет своей власти последние остатки христианского чувства. Живы ли они, и в каком состоянии, и когда, наконец, наступит счастливый момент нашей встречи?

Как всегда были торжественны праздники Рож[дество] Хр[истово]. В сегодняшний день мы все садились за праздничный стол, уставленный всякой снедью. Мы весело ужинали, веселились и не подозревали, что близится час, когда на этом столе и крошки хлеба не будет, а ноги от голода опухнут. Как жаль, что хотя бы эти торжественные праздничные дни не были записаны, как их проводили в прошлые годы и при каких обстоятельствах, чтобы можно было прочесть и вспомнить прекрасное прошлое.

Как изумительно меняется жизнь, всё течёт и всё меняется, каждый день и каждый час несёт в себе что-то новое и неповторимое. На скуку жаловаться

не приходится, как бывало в далёкие прошлые времена. Всё казалось неподвижно и день на день похож.

25 декабря 42 г. 9 ч. вечера. Надо отдать отчёт сегодняшнего дня Рожд[ества] Христ[ова]. Чтобы в будущем году [19]43 г. я мог знать, как мы провели его. А провели мы его в полном одиночестве и сне.

Проснулся я часов 7 в магазине, где я обыкновенно сплю, лежал до 8, когда радио поздравило меня с праздником Р[ождества] Х[ристов], затем прослушал лёжа в постели «Отче наш» на рум[ынском] и русск[ом] яз[ыках], а потом полились звуки маршей из Бухареста.

Пришлось встать, одеться и отправиться в свою комнату. Тося ещё была в постели. Через час после своих туалетов, мы сидели за столом и пили кофе, ели сало и колбасу. В моём дневнике в этот день прошлого года я прочёл следующее: «положение по-прежнему остаётся тяжёлым и напряжённым, мои ноги сильно опухли, а оправиться – нужно усиленное питание, которого нет, и не скоро предвидится». Сравнивая с прошлым годом наше положение в смысле питания на сегодняшний день и сравнивать нельзя. То был настоящий голод, а сегодня сравнительное изобилие. Но всё это кажущееся благополучие висит, буквально, на волоске. Правда, я большой нытик и паникёр, т.к. при известной энергии и стойкости это относительное благополучие можно продолжить и улучшить. У меня же полное отсутствие энергии и воли к победе над своими врагами, я почти пасую перед ними. Что же касается настроения, то оно продолжает быть таким же, как и в прошлом году. Мы одиноки, стары, без будущего, без ребят и почти без надежд. Целый год прошёл, а настроение ничуть не изменилось. Тяжёлые думы по-прежнему гнездятся в голове и не отвяжешься от них. Целый день провели дома, день сегодня сырой и туманный, больше всего дремал на диване. Приснился мне Серёжа, как-то мельком. Где-то он бедный? Итак, закончился первый день Рожд[ества] – уныло и безнадежно. В парке для детей устроили пять ёлок с подарками, выпустили из тюрьмы заключённых и говорят, было много людей.

26/12-42. 10 ч. утра. Только что оставил читать дневник Чернышевского. Это объёмистая книга в 850 стр. Такого дневника я ещё никогда в своей жизни не читал. Он, до смешного подробный и просто мелочный. Даже за чистку сапог заплатил 17 к[опеек] сер[ебром] и это в свой дневник записал, да и мало ли ещё бесконечных мелочей записано. Для других это, конечно, скучно читать, но для себя лично всё это было бы можно прочесть. Вот, например, как бы мне хотелось сейчас прочесть, как я провёл 2-й день Рожд[ества] в Кишинёве или Астрахани, и всякая мелочь с удовольствием была бы прочитана. Не попробовать ли и себе на старости лет так подробно вести дневник, если проживу ещё с пяток лет, всё же интересно перечитать пережитое.

После вчерашней сырости и чёрных туманных туч сегодня с утра повалил снег. Падает большими хлопьями уже больше часа. Крыши и деревья покрылись толстым слоем снега, и, возможно, наметёт его изрядное количество.

Сегодня тоже магазины закрыты, чему я очень рад, хотя кошки скребут на сердце, что у меня почти пустой магазин, а торговать чем-то надо. Наступающие эти три месяца янв[арь], февр[аль] и март будут для меня большим испытанием. Выдержать эти холодные три мес[яца] в магазине, да ещё спать в нём, это своего рода героизм. Но для меня другого выхода нет, а посему надо запастись терпением и мужеством на всё это время. Как прекрасно было время до революции. Чувствовалась уверенность в себе и в каждом дне – спокойствие и удовлетворённость. А сейчас чувствуешь себя как затравленный заяц, вот-вот поймают тебя и кончено. Мысль беспокойная, неуверенная, трусливая разъедает мозг и гложет сердце. Возможно, я буду смеяться в будущем году, читая эти строки, но сейчас мне не до смеха. Собираемся с Тосей в костёл, нужно пойти на воздух и вспомнить далёкую старину наших совместных прогулок.

1 час пополудни. Только что пришли с прогулки. Снег перестал падать, но обильно покрыл тротуары и крыши домов. Ветви деревьев гнутся от облепившего их снега. В воздухе прохладно. На улицах очень мало народа. Далеко не то, что было в Советское время, когда трамваи были переполнены, а на улицах много народу. Мы зашли в греческую церковь, народу было немного, т.к. служба уже окончилась. Затем зашли в костёл. Здесь было много молящихся. Хор прекрасно пел под аккомпанемент органа, мы постояли довольно долго, к концу ксёндз вышел на амвон и сказал проповедь на польском яз[ыке]. Как я давно не слышал хорошего польского яз[ыка]. Я с большим удовольствием его слушал, говорил он складно и красиво по поводу св. Стефана, которого неверующие побили камнями за его приверженность Христу. Мне так проникли в сердце его слова, что меня слезой прошибло и я чувствовал невыразимое желание разрыдаться. Ах, эти нервы, натянутые до предела как струна и чуть дотронуться до них, они начинают звенеть. Ксёндз произвёл на меня весьма приятное впечатление своим видом, прекрасным польским языком и содержанием его проповеди. Внутренность костёла ярко носила отпечаток варварского большевицкого разрушения. Оборванные провода, стены в дырах от вбитых гвоздей, пол был сорван, но его исправили, по углам разбросаны мраморные бюсты святых и друг[ие] украшения. Видно исподволь приводится всё в надлежащее состояние. 25 лет большевицкой власти и ужасного террора, о нём писать мало будет несколько сотен лет. Сталин добился, что в истории он займёт центральное место по своим преступлениям. Но кто знает, может быть, это зло встряхнёт мир и заставит его пойти по дороге справедливости, добра и любви ко всему живому.

Итак, пол-дня прожито, поели скромный обед, состоящий из вчерашнего борща, каши, да и в придачу мамалыга ещё варится...

27/12 – 42. Пробыло шесть вечера. День прошёл в небольших хлопотах. Магазин был открыт до 11 ч., эти хлопоты и движение несколько меня отвлекли от тяжёлых мыслей, которые меня преследуют и давят, как тяжёлый камень на сердце. Часов в 9 по радио передавали обедню и в моём магазине чётко и стройно раздавались звуки хора, громовой голос дьякона и перезвон колоколов. Редкие покупатели входили и выходили, а я в промежутках разговора с покупателями прислушивался к прекрасному пению хора. Были длинные паузы, когда я оставался совсем один в маг[азине] и тогда было особенно приятно быть одному и я себя чувствовал, что точно нахожусь в церкви. После закрытия и разной возни я пошёл в сарай, притащил разные обломки из разрушенных бомбами домов (я их купил) и начал пилить с Тосей. Работа не из лёгких: здесь были и двери, и карнизы, и что-то от рояля, словом разный слом. Пилили до пота, и такую работу придётся проделывать всю зиму. Вот она старость с такими сюрпризами, кто мог ожидать такой жизни и такой работы.

Побобедали, я немного вздремнул, но эта пассивность, как я уже сказал, гложет сердце. Я встал и вот взялся за свой дневник, хоть немного развлечься. Брался за чтение, то читал дневник Черныш[евского], то Заратустру, то заглянул [неразборчиво – **С.О.**], нет настроения и охоты. Вчера начал писать письмо Саше, но не мог его закончить, т.к. не было в лампе керосину и пришлось раньше пойти спать.

Вот единственная отрада для меня. Приходишь в холодный маг[азин], раздеваешься, заворачиваешься в одеяло с головой, сверху укрываешься шубой и через пять минут от собственного дыхания становится жарко, тогда делаешь небольшое отверстие и волна свежего воздуха врывается и немного освежает. И о чём только не передумаешь в этой берлоге из одеяла, шубы и проч[его]. Представляешь себе как капитан Скотт направлялся к Север[ному] полюсу, в бурю влезал в свой мешок и тоже собственным дыханием согревался, а вокруг буран, 50-60 гр[адусов] мороза и на тысячи километров ни одной живой души, лишь белые медведи где-то рыщут или в такую погоду ночью тоже зарылись в снежную берлогу и спят.

Вот человек. Я перед ним ничтожная песчинка. Помню, когда я читал его последние письма, писанные им перед смертью – я плакал. Что за величие души и у его спутников. Вот это «сверхчеловеки», про которых говорил Заратустра. Но как их мало, они тонут в общей массе лжи, предательства и злобы. Как хочется исполнять честно продуктивную работу всем на пользу, а я всего только торгош. Это я с моим характером и фантазией.

Всего только четыре дня остались до Нового года. Пойдёт 1943 год, пойдут поздравления и пожелания друг другу, как вообще это водится, а какой с этого толк, ведь чему быть – того не миновать, сколько не желай и не хоти, а сложившиеся обстоятельства дадут то, чего меньше всего желаешь или ожидаешь.

Будь готов! как это сказано у пионеров. Или вернее «Будь всегда готов!». Тося спит на диване, у нея бедной зуб совсем развалился и болит. Бедняжка очень страдает. Страдает из-за отсутствия детей. Какие мы сироты, одни-одинешеньки, и это после такого детского шума в былые годы. Как они быстро промчались, буквально сон, волшебный сон.

Пробило семь. Тёмная ночь. Под окном всполошились гуси и гогочут, и снова вокруг меня мёртвая тишина. Как я одинок! Никому я не нужен, а годы всё идут и накаплиют всё больше и больше.

Вот подходящая для меня фраза у Ницше, сказанная Заратустрой: «ино-му не удаётся жизнь, ядовитый червь питается у сердца его. Так пусть он постарается, чтобы тем больше удалась его смерть».

Пошёл 9-ый час. Кончил Саше длинное письмо, почитал Заратустру, дневник Черн[ышевского]. Тося продолжает спать, я думать и передумывать.

Заратустра всё время в своей книге бредит о «сверхчеловеке», Чернышевский мелочно описывает ежедневные свои действия, разговоры и мысли, говорит о предстоящем бунте – революц[ии] и предсказывает себе каторгу. Не нравится мне этот тип. Из-за этих болельщиков народа вот уже 25 лет как мы страдаем и к кровавой войне докатились. Не глупые и дерзкие фантазёры они. Но если бы все они воскресли и посмотрели результат их работы. Жизнь и история идёт своим неведомым путём. Время безжалостно сметёт всех этих фантазёров в одну кучу. Их желание и стремление как раз приводит к противоположному результату, на чью-то мельницу они многие годы в поте лица качали воду. Результаты их работы мы скоро увидим. Наша прекрасная, могучая Россия уже лишилась Польши, Бессарабии, Прибалт[ийских] стран, Манчжурии, а теперь придёт очередь за Украиной, Кавказом, Белоруссией, а может быть и Сибирью, и будет чей-то сапог безнаказанно и гордо по-изуродованному и рассечённому туловищу России. Великая, единая Россия – прощай навсегда, её былая слава умерла. Царственные собиратели земли русской давно покоятся, а пришла Сволочь и по кускам всё рассыпала. Разве может явиться такая сила, чтобы всё соединить. Нет! Только одна Германия будет властвовать над всей Европой, но если она сумеет дать счастье и мир народу, то пусть властвует, но только не эта сволочь – большевики.

Приближается мой час испытаний, собирать постель и идти в холодный магазин спать. Доколе это, Господи?

9¹/₂ вечера. Я чувствую себя как щепка на море. Её бросают волны во все стороны, то назад, то вперёд, то вдруг высоко на гребень волны, то в пучину глубины. Так точно и меня волны жизни бросают во все стороны. Далеко ли до берега, не вижу его, скорее бы меня волны выбросили подальше от берега, чтобы и капля от волны не достала, и не беспокоила тебя, и вдали наблюдать бесконечные, яростные и, никогда не успокаивающиеся, волны жизни. И к чему же, наконец, они приведут человека и человечество?

Иду спать и думать обо всём...

28/12 – 1942. День закончился неприятностями, всё на почве магазина или борьбы из-за него. Я такой враг всяких ссор с людьми, а здесь, как нарочно я не могу избежать их. Целый день бегал за товаром и ничего не купил, привоза нет, базар пустой, а цены на всё огромные.

Заплатил за точку до 1-го апреля, только не знаю, выдержу ли до этого времени. Три мес[яца], это большой срок, кто знает, что ещё может случиться.

Сегодня в газете есть сообщение, что быв[ший] адмирал, фр[анцуз] Дарлан – убит. Убийца схвачен и казнён. Есть же люди, которые идут на такое дело и рискуют своей жизнью, это уже необыкновенные люди, а я с таким пустяком, как магазин не могу справиться, не умею твёрдо проявить своей воли и характера.

Сегодня морозно, 11 гр[адусов], но в беготне я этого не чувствовал. 8¹/₂ веч[ера], ещё час почитаю и пойду в свой «холодильник».

29/12 – 42. Сегодня был день неудачен для меня. Купил молоко кислое, убыток 70 марок. Бегал по базару, нечего купить. Магазин пустеет, а я бессилён сам что-нибудь сделать. Настроение как всегда отвратительное.

30/12 – 42. 8 ч. вечера. Мне снилось прошлой ночью, что я в какой-то луже мылся, а затем надевал рваные туфли. Словом, я проснулся и встал весьма удручённым, т.к. я изрядно суверен, и ждал сегодня какой-нибудь неприятности. Но день прошёл относительно благополучно. Правда, пришлось побегать сегодня по базару, кое-что купил, бегал на фабрику за колбасой и без результата. Сделал три конца, смертельно устал, да ещё пришлось стоять до 5 ч. вечера, это почти с 6 ч. утра.

Я помню, когда работал на сукон[ной] фабрике даже зимой, при температуре до 33-35 градусов, когда у меня буквально пот градом катился и грудь от боли разрывалась, когда я идя домой принуждён был несколько раз останавливаться, т.к. от усталости и боли в груди не мог идти, все же мне легче было тогда при таких каторжных условиях работы, чем в данное время в этом проклятом магазине. Я не рождён быть лавочником, мне глубоко противна эта деятельность, т.к. здесь нужно употребить всю хитрость и изворотливость, а подчас и нечестность. Мне глубоко противна торговля, а другого выхода для меня нет, только это проклятое торгашество.

Вот я сейчас сижу за столом, тишина, Тося сидит возле и дремлет, устала она бедненькая, ведь и ей пришлось целый день провести в магазине, даже обед некогда сварить. Ну и жизнь.

Сегодня предпоследний день старого года. Завтра по старому обычаю в 12 ч. ночи будут встречать Новый год и, как обычно, желать счастья друг другу, это с одной стороны, а с другой черепа разбивать, да пускать ко дну целые пароходы с живыми людьми.

Вот тебе и цивилизация, XX век.

Буквально противно сделалось читать ежедневные военные сводки с обычными хвастливыми донесениями: «враг понёс кровавые потери...».

31/12 – 1942. 9¹/₂ вечера. Наконец-то ещё осталось 2¹/₂ часа жизни этому трижды проклятому кровавому году. Неужели и [19]43 году выпадет такая же судьба, как и его двух старших братьев [19]41 и [19]42 году?

Что-то похоже на то. Наши «отцы» и гении всего мира всё больше и больше в азарт входят. С обеих сторон идёт безумная игра не на жизнь, а на смерть. «Игроки» миллионы пешек бросают в огонь и смерть, каждая противная сторона с дьявольским торжеством, наглой ложью уверяют в близкой победе над врагом всего мира свой народ. С обеих сторон продажные писаки и подхалимы, где-то там, в глубоком тылу, стряпают свои лживые статьи, уверяя, что только они одни несут человечеству свободу, цивилизацию и прочие все блага мира. Что в случае победы врага, вся цивилизация исчезнет с лица земли и проч[ее] и проч[ее] в таком роде.

А пешки упорно лезут под пулемётный огонь, устилают своими трупами поле, горы, моря, океаны, леса и чуть ли не воздух. Бедные, бедные пешки, природа так устроила мир, создала человека, что огромное большинство из них никогда не выйдут из подчинения одиночкам, и на все времена останутся только пешками, пушечным мясом и горой бездыханных трупов, чтобы кому-то взобраться на эту кровавую вершину и праздновать свою личную победу, а этих «безвестных героев» от времени до времени «почтить вставанием».

Ну и мир, ну и населяющие его люди.

А в это время, во всех церквях, всех кирхах, костёлах, пожалуй, мечетях, японских, китайских молельнях от одного края мира до другого, возносятся горячие просьбы – молитвы о победе над врагом и т.д. и тому подобное.

Но каков [19]42 год был для нас, лично. И, не кривя душой, могу сказать, что хорошим. А хорошее было то, что не голодали, а по нынешним временам это большое достижение.

Конечно, душевного спокойствия не было ни на один день. Нервы трепались ежедневно, материальное благополучие буквально висело на волоске, но волосок всё-таки держался в продолжение всего года. И за это ему спасибо.

Но мне кажется, что в большинстве случаев душевное спокойствие более желательно, чем что-нибудь иное. Хотя материальная обеспеченность, именно и даёт душевное спокойствие большей частью. В этом году Тося потеряла своё здоровье и лежала больше месяца в больнице. Сколько раз мне приходилось туда бегать с надеждой и страхом за её жизнь. Сколько раз мне приходилось сдерживать свои рыдания при чтении её коротеньких, но безмерно полных преданности, заботы обо мне и ангельской покорности судьбе. Но все же, благодаря Провидению, болезнь окончилась благополучно, и она вернулась домой, но, конечно далеко не той, какой уехала из своего дома.

В последнем письме от Вени, он писал: «наверное, увидимся не раньше как [19]43 году». Мне тогда казалось странным такое мнение, а теперь я вижу, что он был совершенно прав, и очень возможно, что в наступающем году мы увидимся.

Где они все четверо в данный момент? Я сижу, пишу, Тося спит, а они? Может быть, когда-нибудь всё выяснится к общему удовольствию. Погода отвратительная. Оттепель, с крыш течёт, под ногами грязь, в воздухе сыро и туманно. Но вот уже $\frac{1}{2}$ -11-го, придёт снe встречать Новый год.

Итак, до завтра...

Конец IV тетради.

* * *

1-го января 1943 г. 10 $\frac{1}{2}$ ч утра. Я написал эту новую дату и задумался. Мысль как-то молниеносно остановилась на этой новорождённой тройке, этой загадочной, во всех отношениях, цифре, этой таинственной гостье, на которую все народы мира с вожделием и надеждой смотрят, а расточаемые ею лукавые улыбки, каждый из вожаков народа принимает на собственный счёт, как улыбку ободрения и многообещающей надежды. Кому же из её обожателей, несомненно, встречающих её с бокалом шампанского, она не изменит. Мне точно кажется, что я вижу её коварную улыбку, она загадочно, лукаво поочерёдно смотрит на каждого из своих поклонников и точно выбирает, кому вручить лавры побед.

Стоят две шеренги кавалеров чающих завоевать победу, в одном ряду: Г[итлер], М[уссолини], Я[понцы-?] и их единомышленники, в другой Ст[алин], Ч[ерчилль], Р[узвельт]. Все они бодро стоят, с громадной самоуверенностью в своей безусловной правоте, в своих надеждах на полный успех. Все они ровно в 12 ч. подымают свои бокалы, говорят речи, обещают своим народам полную победу перед лицом Нового [194]3-го года. А «тройка» таинственно молчит перед лицом всех этих диктаторов. По силам ли ей будет разрешить эту задачу и выдать приз победы, или она передаст своей преемнице – четвёртому году.

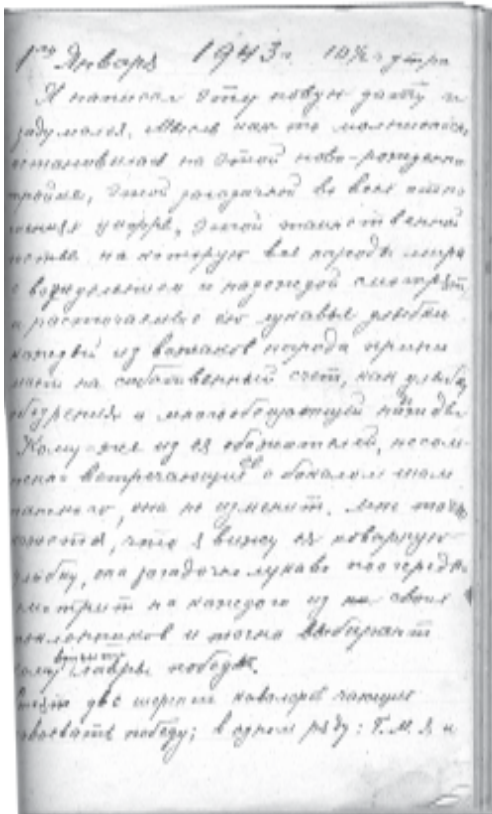
8 ч. вечера. День прошёл без визитов и визитёров, как в былые времена. Сделал переучёт магазина. Товара оказалась на сумму 3700 + нал[ичных] 900 – итого 4600.

Конечно, это жалкие крохи, налогов в этом мес[яце] будет около 1000 мар[ок]. Выкручусь ли я из этого положения. Да ещё с комп[аньонами] нужно разделаться. Туман, грязь и сырость. Вчера вечером я ушёл в 10 ч. спать и, к удивлению своему, застал радио в действии. Лёжа на своей койке я слушал музыку, пение, концерты до тех пор, пока резко не ударил колокол и голос диктора, от имени губернатора и город[ского] головы поздравил всё население, от мала до велика с Новым годом. Начались речи и гимны, на улице слышны новогодние выстрелы, и ещё долго грохотали они среди мрака и ночной тишины. Я долго не мог уснуть и вся ночь прошла в какой-то полудремоте.

Вот так прошёл первый день этого нового года. Теперь потянутся они длинной вереницей, содержащие в себе дни полных неожиданностей, надежд и разочарования.

Сегодняшние газеты полны разн[ыми] статьями, воспоминаниями, подведением итогов, как в военном, так и в хозяйственном отношении. Как будто всё выходит неплохо и, несомненно, кое-какие результаты имеются налицо.

2-го января – 43. 8^{1/2} вечера. Дождь лёт, а на дворе чёрная ночь. День прошёл, как обычно в разн[ых] мелких волнениях. К вечеру был разговор с компаньоном. Он уходит, но мы должны ему компенсировать 1500 р[ублей]. Я этого вопроса ещё окончательно не решил, да и не с чего платить. Торговля даёт слишком скудную

прибыль, всего 10%, а на шее срочные налоги. Ума не приложу, как выкрутится. Впрочем, само время покажет.

Завтра воскресенье, работаю часов до 11-ти, написал Саше письмо, а нет времени отнести его на почту. Сегодня у меня пустая голова, такая же пустая, как и моя жизнь. Неужели нужна такая тяжёлая борьба всего за один кусочек хлеба. Сколько тысячелетий прошло, а люди до сих пор не научились разумно и красиво жить. Природа широко открыла дверь к счастью, но люди, как скоты, толпятся у этой двери и не дают друг другу войти в неё.

3-го января Воскр. 6 ч. вечера, 43 г. Недавно ходил на почту, бросил письмо Саше. Погода мягкая, тёплая. Улицы по-прежнему полупусты, лишь на Дериб[асовской] толпится молодёжь, да около кино стоят толпы праздных людей. Изредка проходят полупустые трамваи, часто проходишь мимо разрушенных домов, сгоревших до самого основания, или разрушенных бомбой. В воздухе тихо, но не радостно. Вся эта картина наводит на безысходную грусть. Невольно встают картины прежней, далёкой жизни, полной довольства, уверенности в каждом наступающем дне, радостном бессознательном настроении, что живёшь. Все окружающие тебя люди симпатичны, либо дороги, чуть ли не в каждом видишь друга, но, во всяком случае, не врага. Даже самая отвратительная погода не портила настроение. Всё было прекрасно, законно и справедливо. Куда же всё это исчезло? Разве можно передать всю тоску о погибшем прекрасном прошлом. О молодости, о первой привязанности, о тех чудесных прогулках с моей лучезарной подружкой жизни, о четырёх ребятах, появившихся один за другим, дом в Астрахани, где родились трое из них, первые годы Одессы и быстро подрастающие ребята, их первые школьные годы, их неудачи и немногие радости – и так, шаг за шагом, вспоминаешь всё прошедшее, бесчисленные мелочи давнего, давнего прошлого. Как милы и поэтичны были воскресные прогулки берегом моря. В жаркие дни лежание на пляже и купание ребят, затем извлекалось всё содержимое из корзинки, а, по нынешним временам, довольно обильное, всё это опустошалось, а затем растягивались на горячем песке и под лучами яркого солнца дремали. Позже – осенью, были прогулки на далёкое расстояние, с отдыхом и закусками, и даже зимой в сугробы снега мы залезали и с весёлыми лицами, шагая и смеясь, брели всё дальше к цели. А тут перед нами безбрежное море, шум волн и полное безлюдье. Только мы одни были такие ярые поклонники природы. Куда всё это девалось? Как будто это был прекрасный сон. И это голубое небо, и синее, без границ, море, эти полевые цветы в мае, когда мы все пятеро с букетами, усталые, брели домой; и внезапно налетевшая гроза на нас, и мы измокшие, в жалком виде плелись по глинистой почве, едва отрывая ноги от почвы, а в суровую зиму прогулки по замёрзшему берегу моря, что так редко случалось,

и какая это была красота. Казалось, что находишься где-то на полюсе. Полная мёртвая необычная тишина и точно ждёшь внезапного появления белого медведя или высунется из проруби голова тюленя. Всё, всё прошло.

Другие, необычные пришли времена. Кончились давно прогулки, купание и прочие с ним. Запрещено было не только купаться летом, но и ходить берегом. Я проходил мимо дома, где давно был маг[азин] Жирардовской мануфактуры. Это было 25 лет тому назад, когда я входил в эту дверь по делу. Здесь был Тв.[?], Зел.[?] и другие, и все они давно умерли. Один в ссылке, а остальные по другим причинам. Могучее время всё меняет, всё уничтожает, даже берег нашего моря и горы, много раз меняли свои очертания, нет такой силы, которая устояла бы против всепоглощающего времени. Всё имеет свой конец и наступит также конец этой кровавой войне с ея ужасами и страданиями. Время – лучший врач, целитель и беспощадный разрушитель. Но пережить, перечувствовать своими собственными нервами час за часом, минута за минутой это – пытка. Эта неутихающая тоска сердца, это сверление мозга, эта неуверенность в самом себе и своих силах, всё это, вместе взятое, не даёт тебе ни минуты покоя, даже ночью. Вчера я не спал до 3-х ночи. Вчера кто-то ночью резко постучал в дверь магазина два раза. Я встал с постели, тихо подошёл к двери, но никого не было. Воры, очевидно, хотели сделать свой визит в магаз[ин], но раздумали. И я не спал почти до утра.

Утром сегодня ходил на базар за покупкой. Базар был пустой, бабы с пустыми мешками шлёпали по жидкой грязи и переругивались, я тоже общаривал все возы – что-нибудь купить, но ничего для меня не было. Какая отвратительная картина ходить по болоту, выискивать что-то и ни с чем уйти. Что может быть хуже этой картинке жизни.

Вот так закончился мой сегодняшний день. Мои мысли со страхом думают о завтрашнем моём пробуждении. Я сижу и медленно пишу эти строки. Тоска сидит напротив меня и читает, часы тикают и сейчас бьют ровно 8. Время неумолимо идёт вперёд и несёт с собой радость и горе, но то и другое проходит, а в особенности радость, но наступит ли для нас день радости, когда и в каком виде. Всё скрыто от нас в глубоком мраке будущего.

8-¹/₂ ч. Я черпаю своё утешение в обращение к Провидению. Когда я закутываюсь головой в постели, в холодном магазине, на жёсткой складной кровати, я призываю и обращаюсь ко Христу, взываю к мудрости тысячелетнего Будды, мудрости Платона и Сократа, и нашего почти современника Серафима Саровского. Я хочу почерпнуть хоть одну крупинку, одну пылинку их мудрости, их терпения, их сверхчеловека. Я хочу иметь хоть одну песчинку всего мирового количества их веры и их любви. Верующий ли я? Я и сам не знаю, но мне кажется, как безмерно несчастен человек, который ни во что не верит. Тогда

чувствуешь себя страшно одиноким и жалким, и не ждёшь ни откуда помощи. Без веры в сердце жить нельзя. Счастлив тот, кто имеет крепкую веру, он легче переносит всякие житейские невзгоды, он терпеливо ждёт конца их и для огромного количества людей – это спасение. Нет, должна быть какая-то божественная сила, необычайная справедливость и необычайная заботливость о [бо] всём живущем. Ведь были люди, наделённые природой необычайным умом, которым они открывали законы жизни нравственной, духовной, осветили нашу душу и показали нам яркий свет так же, как показал Эдисон, открыв электричество. Да, я взываю к Ним. Моя мысль летит за тысячи лет к подножью Креста, на котором, по преданию страдал Христос, я вспоминаю прочитанное о Будде, Сократе и Платоне. Я вспоминаю мужественную необычайную смерть полярного исследователя капитана Скотта и последние его письма, обращённые к королю и своим друзьям, когда он обледенелой рукой, умирающий от голода, среди полярной зимы, страшных морозов, почти одинокий, на безмерном ледяном пространстве, так мужественно прощался и без ропота встречал неизбежную страшную смерть, так сознательно, на другом конце мира вдали от своей жены, сына и человечества. Вот человек достойный поклонения, подражания его стойкости – неизменно идти к своей намеченной цели. Да разве он один, а Амундсен среди полярной стужи со своим спутником пробирался через ледяные горы, глетчеры на родину. Целая плеяда этих дивных людей, сверхлюдей. Христос, как солнце, озаряет весь мир своим божественным светом любви, Будда и другие мудрецы, как звёзды первой величины, а все остальные тоже, как звёзды, горят во всемирной истории человечества.

Ну, а мы, мы морской песок, что мы представляем собою, с вялыми сердцами, с тупыми чувствами, без воли, без веры, без любви ко всему, трусливые перед трудностями, герои в преступлении, предательстве и т[ому] под[обных] чувствах. Нам нет числа. Кто о нас вспомнит, и никто не пожалеет. Наши мелкие страдания и невзгоды никому не нужны и никого не научат. Мы без блеска, никому неведомые погибнем, как погибают сейчас миллионы.

4/1 – 43. 8 ч. вечера. Дождь льёт сегодня с самого утра, вплоть до настоящего момента. Пришлось сегодня ходить по грязи на базаре, бегать и выискивать по всем возам. Я всё-таки не умею удачно купить. Купил картошку мелкую, огурцы скверные. А покупка, это основа успеха торгового дела.

Сегодняшний день прошёл благополучно, не смотря на то, что встал по обыкновению в плохом настроении и ждал каких-то неприятностей. Торговали неплохо, можно было бы ещё лучше торговать, но нужно иметь больше товара, а тут налоги растут, успевай только платить.

У меня сегодня совершенно пустая голова, никакие мысли в голову не лезут. А дождь всё льёт...

5/1 – 43. 9 ч. вечера. После целого дня и части ночи обильного дождя, среди ночи, вдруг сорвался настоящий ураган. Мои нервы что-то расшатались и я буквально всю ночь не спал, и прислушивался к сильным порывам ветра. Сегодня у меня сильное невезение: купил 41 литр молока на 90 мар[-ок] и оно скисло, выходит большой убыток.

Это обстоятельство очень огорчило, и такие неудачи подрывают веру в свои силы. С полдня начало морозить и начал идти снег, но недолго. Сегодня в магазине было довольно большое движение, т.к. завтра крещение, а главное – базары пусты. Цены на все предметы очень поднялись, кто знает, что нас ждёт дальше.

В сегодняшней газете напечатаны новогодние речи всех руководителей держав «оси». Конечно, все эти речи полны уверенности в окончательной победе. Хотелось бы мне прочесть новогодние речи Стал[ина], Черч[илля], Рузв[ельта]. Они тоже умеют говорить речи и быть уверенными, но судьба своё знает.

6/1 - 12 ч. дня. Крещение. Из магазина пришёл с ночёвки и лёг опять в постель, лежал часов до 10-ти и наблюдал в окно, как ветер колышет деревья и сметает снег с крыш, а крупинки снега медленно кружатся в воздухе. Во дворе всё покрыто белым саваном, зима окончательно вступила в свои права. Теперь начнутся морозы и холод. Добрых два с половиной месяца нужно вытерпеть и выдержать, и сколько разных сюрпризов наберётся за это время, да и весна своё покажет. Но вот уже 12^{1/2} ч., нужно открывать лавочку и мерзнуть до 5^{1/2} ч. вечера.

8^{1/2} ч. вечера. Сегодня произошла ошибка с торговлей, был приказ, чтобы все магазины были закрыты, а мы открыли в 1 ч. дня и торговали до 4-х, пришёл надзиратель и чуть не составил нам протокол. Но, всё-таки торговали 600 руб. и это деньги. Итак, весь день прошёл благополучно. К вечеру наступила оттепель. Дай Бог на завтра удачи.

7/1 – 43, ровно 7 вечера. Удивительно, что когда я чувствую себя в несколько угнетённом настроении, мысль моя обращается к Провидению. Недаром Лен[ин] сказал, что религия это опиум. Я нахожу, что он правду сказал и я с ним вполне согласен с этим, но в том-то и главная суть, что этот опиум – священный бальзам почти для каждого человека. Для нищих духом, для малодушных, это единственный якорь спасения, якорь надежды, за который они так крепко держатся. Жизнь была бы бессмысленна, и даже ужасна, если бы там, где-то глубоко, в тайниках человеческого сердца, не теплился огонёк веры и надежды. Счастлив, тот у кого эта вера непоколебимо крепка, когда он глубоко уверен, что его вера приведёт к источнику добра и спасения, что все житейские невзгоды временны и преходящи, и потому каждый человек ищет и находит успокоение в своей вере во всевышнее Провидение.

8/1 – 43. Пятн. 8 часов. Солнечный день. Но разве есть у меня время наслаждаться этим солнцем и природой. День-деньской в суматохе и беготне. Мои покупки на базаре были не плохи. Главная беда в том, что я очень рассеян, невнимателен со счётом и деньгами. Постоянная путаница у меня выходит. Нужно принять строгие меры.

Уплатили налог 360 м[арок] и в кассе уже ни гроша, а впереди платежи около тысячи. Предстоят большие затруднения. Этой ночью обокрали соседний маг[азин]. На нашей ул. здорово обворовывают маг[азины], но наш не трогают, очевидно знают, что в магазине сторожат.

Эту ночь очень хорошо спал, не просыпаясь. Нервы несколько успокоились. В политике идёт руготня и бахвальство в полной победе. Особо существ[енного] ничего нет. Сводки надоело читать, так все они трафаретны, что я бы сам написал сводку на завтрашний день и не ошибся бы.

9/1 субб. 7¹/₂ ч. вечера. Настроение, как будто улучшилось, хотя в магазине положение напряжённое, а также и финансы. С 7-го декабря я сам веду дело, покупаю, бегаю за товаром. Ассортимент товара в магазине улучшился, не то, что было, торговля несколько улучшилась и если бы было больше товара, можно больше увеличить оборот. Но всю прибыль поедают налоги, и мы всё же висим на волоске. Не могу разделаться с компаньоном, это дело грязное.

Интересный сегодня издан приказ, согласно которому все, у кого будут найдены насекомые (вши), будут наказаны штрафом в 200 мар[ок] и месячным тюремным заключением. Вот так хваленая культура. Вот так XX век.

Снова потеплело. Погода прекрасна. В газете пустота и всё тоже бахвальство.

10/1 – воск. 7 ч. вечера. Наконец-то, нарыв нашего компанейства окончательно прорвался. Т.[?] уходит и мы должны уплатить его $\frac{1}{4}$ -ю часть. Не могу себе представить, во что всё это выльется, как мы уплатим, как мы вылезем из долгов, и смогу ли я наладить дело, чтобы оно хотя бы кое-как кормило нас. Сегодня с утра начал крепчать мороз с сильным ветром, как будто началось наступление деда-мороза, и вот, в связи с наступающими холодами возрастёт трудность покупки продуктов. Марка превратилась в ничего не значащий знак и стремительно падает вниз. Закупки делаются очень трудными, кто знает, что будет дальше.

Впрочем, я вспоминаю давно прошлое, мою прежнюю торговлю, когда я дошёл до точки и буквально ударился лбом о неодолимую преграду. Это было накануне Троицы, мне тогда приснился сон, что я в соборе на обедне и целую крест. И действительно, я был в соборе, целовал крест и, придя домой, застал уведомление о налоге, который я не мог уплатить, и я тут же решил покончить с торговлей и через несколько дней уехал в Лисичанск. Это было в 1923 г.

Какой поразительно точный сон, как всё в точности оправдалось. Крест был для меня, это отъезд на 1½ года жить вдали от семьи. Но всё прошло, всё пережито и ничего страшного не случилось.

Страдания человеку нужны для того, чтобы он больше ценил благополучие, посылаемые же житейские невзгоды терпеливо переносил, как неизбежное в жизни каждого человека.

Надеюсь, что и в данный момент, все эти неудачи и затруднения изживутся, примут какой-нибудь благоприятный оборот и всё будет хорошо. Когда я вчера ложился спать в магазине, я долго не мог уснуть и прислушивался к каплям, падающим на железную крышу пекарни. Далеко за полночь я был разбужен сильным порывом ветра и дребезжанием стёкол. Мне показалось, что кто-то вламывается в дверь. Я босой и раздетый встал с постели и в темноте ощупью нашёл нож и вооружился им. Вдруг я увидел лучи света позади магазина, я бросился туда, опять же ощупью направился в магазин. Вдруг опять лучи света появились, и на этот раз я увидел нашего соседа из пекарни, сходящего с лестницы с фонарём. Вот и вся разгадка этой тревоги. Порядочно продрогши, я залез под одеяло и снова заснул.

11/1 – 43. Понед. 7½ веч. Сегодня с самого утра жестокий ветер с морозом. Пришлось бежать на базар, рыскать по всем возам и ничего не купить. Промёрз изрядно. Купил всего 4 к[илограмма] творога по 7 м[арок]. Очень вздорожало масло, 27 (марок) – кило[грамм].

Благодаря холодной погоде публика начала усиленно посещать магазин, но на многие спрашиваемые предметы приходилось отвечать «нет». День прошёл бойко, в работе, на беду захворала Тося и некому остаться в магазине. Думать о чём бы то ни было, нет времени. Получили снова налог на помещение. К 1-му числу накопилась приличная сумма. Не знаю, сможем ли мы выкрутиться. На дворе за окном сильный ветер, задувает нашу железную печку и она дымит, приходится открывать форточку. Удовольствие не из приятных. Придётся спать мне сегодня при хорошем свежем воздухе в магазине.

12/1 – 42. Ровно 8 ч. вечера. Очень морозно и ветрено. Ничего существенного за день не произошло и за это благодарение Богу. Но бессонница меня одолевает. Не могу уснуть часов до 3-х. Лежу, как медведь под ворохом одежды, укрывшись с головой, даже пот прошибает, и всё время не сплю.

Немного хроника и политики. В сегодняшнем № газеты приглашаются жители присутствовать при расстреле двух воров-убийц. Действие будет происходить на еврейском кладбище в 10 ч. утра. Затем, жителям предлагается посещать баню не менее одного раза в неделю и т.д.

Завоёванная часть Китая японцами объявила войну Америке и Англии. Будут совместно воевать для восстановления нового порядка в Азии и во всём мире, вплоть до полной победы.

13/1 – 43. 8 ч. веч. Несколько теплее, но все же холодно. Вчера было 15 градусов. Когда несколько спокойнее стало на душе, меньше стало тем для дневника. Жизнь пока идёт нормально, т.е. работа в магазине, но все же временами овладевает беспокойство и неуверенность, выдержим ли наше дело.

Кроме налогов запутаны другие дела, как напр[имер], договор об аренде. Срок прошёл подачи заявления, а мы прозевали его. Не знаю, что получится. Сегодня получили письмо от Саши, от 20/11-42. Долго маринуют письма.

Последнее время ничего не читаю, ни к чему нет охоты, холодно. По старому стилю сегодня канун Нового года. Как веселились люди в прежние времена, а сейчас нищета для многих и холод.

14/1 – 7¹/₂ вечера. Температура холодная, солнечный день. Целый день мёрзну, только ночью в магазине под ворохом согреваюсь, и только один нос выставляю из-под одеяла.

Как обычно целый день в суете.

15/1 – 8¹/₂ ч. вечера. В это время, как я пишу эти строки, вдруг началась стрельба, очевидно из зениток. Стреляли довольно часто, что напомнило уже давно прошлое, когда мы после таких концертов стремительно бежали к своей щели, для спасения своей шкуры. Да, было времечко, достойное воспоминания... Но вот выстрелы и умолкли, хотя взбудоражили весь двор и наших соседей. Мне снился странный сон. Во-первых, я спрятался от сильного ливня под какой-то низкий навес и меня не замочило, а другой сон, что я пробирюсь по каким-то лужам. Одну из них, очень большую, я не мог перешагнуть, и кто-то любезно бросил большой камень, на который я стал ногой и перешагнул. Значит, что-то случится, и я препятствие перешагну. Дай-то Бог!

По-прежнему холодно, хотя солнечно.

Когда мои нервы несколько успокоились я перестал обращаться ко Христу, Будде и другим мудрецам. Таков человек, когда ему плохо он обращает свои взоры к небу – ему легче, он опускает их и копается в ежедневной своей будничной грязи.

День прошёл спокойно. В политике та же словесная кутерьма. Противно читать. Газета – это худший тип сплетницы, сутенёра и сводницы. Господа газетчики сидят в своих тёплых кабинетах и строчат передовицы о мужестве солдат, об их героизме, о народе, что он хочет бороться до полной победы и всё в этом роде.

Жертвенный народец газетчики, что и говорить.

16/1 – 43. 8¹/₂ в[ечера]. Конечно, вчерашняя стрельба из зениток породила разн[ые] слухи. Говорят, что на тов[арную] станцию сбросили 3 бомбы.

Между прочим, Рум[ынская] власть усиленно готовится к встрече всяких неожиданностей. В разн[ых] частях города роют окопы и щели.

Для этого берут на трудовую работу население и далеко не стесняются ни с возрастом, и со здоровьем. Берут, да и только. Видно по всему, что, пожалуй, ещё много придётся пережить всяких военных сюрпризов.

Я не верю напр[имер] в такие нелепые слухи, что якобы Рум[ыния], чуть ли не накануне выхода из войны, что Королева не желает давать больше солдат на войну. Правда, Антонеску ездил к Гит[леру] и вот с этой поездкой и связывают всякие небылицы. И, [слово выгерто – **С.О.**] очевидно, в Одессе не спят и стряпают всякие вздорные слухи. Это естественно. По-прежнему холодно. Ночью шёл снег и покрыл землю пушистым слоем снега. Базар пуст, цены на всё значительно повысились. Масло кор[овье] – 24 [марки], постн[ое] – 14 мар[ок], карт[офель] – 20-22 марки пуд.

17/1 – воскресенье. 3 ч. п[о] п[олудни]. Я дома. Наконец наслаждаюсь отдыхом и теплом. Железн[ая] печка горит почти до красна, (жаль угля, пуд – 8 мар[ок]), чайник попискивает, а на дворе сейчас падает приличный снег. Воображаю, что завтра будет.

От тепла и обеда клонит ко сну, но спать не буду. Не мешало бы ежедневно $\frac{1}{2}$ часа подзаняться нем[ецким] яз[ыком]. Слишком мало слов знаю, а главное, обороты речи и времена хромают. Хотя все немцы, с которыми я объясняюсь, думают, что я немец, и что акцент у меня прекрасный. Не умел в своё время довести до конца, а мог бы.

8 ч. вечера. Вот и день прошёл. Ничего не сделано и ни о чём не подумано, как всегда время идёт своим чередом и не даёт человеку опомниться, сосредоточиться. Он всегда в каком-то бешеном галопе, без оглядки, прёт всё вперёд и вперёд; и в итоге падает прямо в яму. И всегда человек в каком-то напряжённом ожидании; как будто перед ним должна распахнуться дверь и впустить его в другую обстановку жизни, а этот настоящий, сегодняшний день – это переходный день, скорей надо его пережить; вот-вот [и] мы у цели, ещё немного времени и что-то будет другое, хорошее, уверенное, полная чаша красивой, беззаботной, счастливой жизни. Проходят годы, десятки, уже даже на склоне лет, а надежда всё ещё крепко держится и не отстает. А дни, как капли воды похожи один на другой, и разнятся лишь в количестве неприятностей, несчастий, ссор и разочарований.

Всё это повторяется неизменно изо дня в день и всю жизнь. Очевидно, что природа умышленно создала человека, в сущности, несчастным, чтобы из его несчастий создать историю его жизни, т.е. историю человечества, чтобы он копался в ней и этим разнообразил бы свою жизнь.

А завтра мне предстоит рано встать, в холодно-ледяном магазине одеться, бежать на базар, выискивать продукты, иметь конфликты с торговками, как я имел сегодня, мерзнуть часами на морозе, бежать в магазин и здесь, вплоть до вечера, снова мёрзнуть, чтобы опять лечь в холодную постель и,

с тревожными мыслями о завтрашнем дне, уснуть и проснуться в той же заботе, обстановке и работе.

Как прекрасен и желателен крепкий сон. С каким сожалением я просыпаюсь рано утром, высовываю из-под одеяла голову, смотрю в окна, через которые едва мерещится утренний рассвет, и со вздохом облегчения и радости, что ещё можно полчаса спрятать голову под одеяло и вздремнуть. Я приветствую темноту, быстро наступающее утро страшит меня, я боюсь дневного света; она страшит меня эта жизнь, борьба за кусок хлеба, шлёпанье по грязи в дни оттепели, в сутолоке толпы, где даже женщины ругаются площадной бранью, дерутся из-за мешка картошки, что я наблюдаю ежедневно на базаре; эта звериная ненависть человека к человеку, зависть и злоба, ложь и подхалимство, и прикрытая учтивостью вражда. Хочется чего-то прекрасного, лучезарного, спокойного, именно того, что было только моментами в молодости. Старость несёт с собою всё отвратительное, всё принимает другой вид, цвет, форму, а тогда тебя манит постель, крепкий сон и даже вечный сон смерти.

Ведь сон и смерть это родные братья, подчас оба одинаково желанные, но глупый страх удерживает от второго, вечного сна и при том он сопровождается, подчас, такими страданиями, что со страхом невольно бежишь от него.

Но пора кончать свою философию, время и здесь не даёт тебе покоя; пробило полдесятого, бери свою постель, ключ от магазина, спустись по тёмной лестнице, открой двери от магазина, зажги свет, постели постель, разденься, укройся под холодным одеялом, укройся с головой, сильней дыши и своим дыханием скорей согреешься, и если сможешь поскорей усни.

18/1 – 43. 8 ч. вечера. Понед. Зима окончательно вступила в свои права и в доказательство покрыла всё обильно пушистым снегом. Красота неизречённая. Тишина, белые хлопья мелькают в воздухе, а церковный перезвон маленьких колоколов дополняют всю красоту картины. Спешу на базар. Медленно съезжаются крестьяне, их очень небольшое количество, а около каждого воза толпы покупателей. Больше часа я вертелся, но так с пустыми мешками вернулся домой. За день приходят всевозможные мысли, хотелось бы их записать, но к вечеру в суматохе всё улечивается и голова пуста.

19/1 – 43. 8 ч. вечера. Я иной раз думаю, что когда настанет последний час жизни и когда с полным сознанием будешь знать, что доживаешь последние минуты жизни, тогда невольно промелькнёт вся прошедшая жизнь; и какими тогда жалкими, не стоящими никакого внимания покажутся все те мизерные невзгоды, неудачи в жизни, страдания и всё прочее в этом роде. Перед лицом смерти всё прошлое покажется одним миражом, мгновением. Все те страдания, неудачи в прошедшей жизни, будут тогда казаться попросту детскими. Но при жизни ежедневно из-за каждого пустяка, из-за мелкой

неудачи портишь себе настроение, даже отравляешь не только себе жизнь, но и другим.

Таков уж человек. Ведь не раз были неприятности, житейские невзгоды, неудачи, но всё прошлое давно забыто и почти никогда не вспоминается, а вот сегодняшний день, сегодняшняя неудача особенно остро переживается, думаешь о ней и, подчас даже жизни не рад.

20/1. 8^{1/2} вечера, среда. Сегодня чудесный солнечный день. На солнце чувствуется тепло. Вечером в 6 ч., когда я закрывал магазин, вид был просто волшебный. Полная луна ярко светила, а над ней блестела яркая звезда. Деревья и вся окружающая обстановка, покрытая снегом, как-то необычайно красиво представляли собою, как будто нарисованный художником пейзаж. И всё это было подёрнуто лёгким инеем и невыразимым светом. Но нет времени насладиться этим зрелищем волшебной природы, всё время в глупой суете и бестолковых волнениях. Неужели, для того чтобы съесть небольшой кусочек хлеба и похлёбки нужно ровно половину жизни для этого потратить в работе и заботе. Что за глупая организация человечества, за столько тысяч лет до сих пор не могли люди так устроить, чтобы большую часть дня посвятить наукам, искусству, музыке и т[ому] под[обному]. Нет времени даже полюбоваться красотой звёздного неба, зимним вечером, морозным свежим утром и другими чудесами природы. Я думаю, я уверен, что всё-таки настанет такое время, когда все люди поймут, что так жить нельзя, ведь землю можно устроить земным раем, всем всего хватит, нужно только организовать человечество, поставить в известные рамки, воспитывать поколение за поколением в нужном для лучшей жизни духе и тогда настанет действительно счастливая жизнь.

Но что поделаешь, когда вожаки всех народов враждуют между собою и каждый из них хочет быть первым в мире, а отсюда происходят войны, и гонят человеческое быдло на убой, для своей личной славы, упрямства и ненасытной власти.

21/1. 8 ч. вечера. День солнечный, но прохладно. Этой ночью ограбили соседний буфет и парикмахерскую. Ночью я проснулся от сильных ударов, но думал, что рубят дрова в пекарне. Вероятно, скоро и мне нанесут визит.

«Папаша» Сталин, оказывается издал приказ переименовать Краск[ую] армию в Русск[ую] ар[мию], командиров называют офицерами, новые знамёна, офицерам – погоны и вместо СССР будет Россия.

При этом комментарии излишни, как пишут. Скажу лишь одно, и надо было 25 лет мучать людей, чтобы вернуться к старому. Да, забыл, заводят попов.

Ну и дела на свете Божьем.

22/1. 8 ч. вечера. Снова одно и то же. День закончился как обычно – в суете. К моим всевозможным, мелким неприятностям присоединилось крупное –

в виде мозоля на пальце. Чёрт его знает, как это незаметно для меня он вдруг дал себя почувствовать. Адская боль и буквально не могу встать. Едва недавно избавился от одного, нажил себе другого. Просто не везёт, уж не знаю, как завтра надену ботинок и поплетусь на базар.

В политике всё та же кутерьма и звонкие фразы, и бахвальство. Но в итоге всё-таки кто-нибудь из них врёт. Долго ещё придётся ждать результатов этой войны.

Погода прекрасная, значительно потеплело, но не тает. Завтра уже суббота, дни летят, а толку всё нет и нет. Полная апатия ко всему, вот уже, сколько дней книги не беру в руки.

24/1. 9-1/2 ч. вech. Воскресенье. Сегодня для меня день отдыха с 12 ч., но, к сожалению, эта половина дня так быстро прошла, что буквально не успел оглянуться, как снова ложись спать и думай о завтрашнем дне. Сегодня один час вздремнул, а потому неохота так рано идти в магазин на ночёвку, хотя температура довольно тёплая, всё тает, с крыш течёт и как будто весна, но это в Одессе не надолго, подует ветер с другой стороны и сразу всё изменится в один момент.

Январь на исходе, нужно пережить ещё добрых два мес[яца], которые могут оказаться отвратительными. Читаю сейчас Дидро. Интересная книга, но для такого чтения нужна другая обстановка и время для некоторых размышлений.

25/1. 8 ч. вech. Пон. Какое счастье, сидеть вот сейчас в своей тёплой комнате и отдыхать после долгого трудового дня, после всех волнений, разговоров, холода, вдруг сидишь за своим столом, спокойно пьёшь горячий чай и знаешь, что ещё целых два часа будешь сидеть, никем не тревожим.

26/1. 18 градусов мороза сегодня. Холодный ветер пронизывает до костей. Я весь промёрз за целый день и не могу согреться до сих пор, не смотря на то, что сижу в сравнительно тёплой комнате и после горячего чая. Клонит ко сну от усталости, но страшно подумать идти спать в мой холодильник. Вчера я даже не закончил своего дневника, сегодня тоже нет охоты писать.

28/1 – 43. Четверг. Я что-то совсем изленился последние несколько дней, но я так устаю, что спешу поскорей в постель зарыться с головой и всё забыть.

Холод всё продолжает свирепствовать. За ночь немного снегу намело. В семь утра, как обыкновенно, бегу на базар и рыскаю, что бы купить. Пришёл к тому заключению, что я не глупее других в покупке, но зато, меня превосходят в нахальстве, а это необходимая черта на базаре. Наше дело как будто двигается, но благодаря налогам нельзя расширится, нет денег.

Последнее время поползли самые невероятные слухи: говорят, что немцы здорово отступают, сдают города, большевики взяли Ростов, Воронеж и подходят к Харькову, целые немецкие армии окружены на Кавказе, для

них полный крах. Словом, большевики окончательно взяли верх. Газеты пока ещё фасон держат и уверяют, что немцы отступают только для сокращения фронта. Поживем, увидим.

29/1. Пятница. Сегодня небольшая оттепель, ночью падал небольшой снег.

День прошёл благополучно и, как всегда, в суете. Думать и переживать всё прошлое, как обыкновенно я любил – не было времени. Стараюсь поднять наше дело, до сих пор, как будто, удаётся несколько оживить его, нужно много энергии, времени и главное денег. Эх, если бы Орест был со мной, вот закурили бы мы с ним.

10/2 – 43. Вот так я заленился, что не заглядывал 12 дней в свой дневник, а писать было что, лишь бы, была охота и меньше но, к сожалению ни того, ни другого у меня нет. Начну с погоды. Вчера была буквально весна, а сегодня морозец градусов в 10. Настроение среднее, все в каком-то неопределённом выжидании или скорее тревожном ожидании, что будет дальше. Мои магазинные дела медленно плетутся вперёд, но на политическом фронте что-то неблагополучно.

Немцы сдали Царицын, отступили с Кавказа и красные прут всё дальше. Конечно, при таком положении распространяются всевозможные слухи. Говорят, что Керчь, Новороссийск взяли красные. При отступлении немцы совершенно сожгли Воронеж, а одесская публика уже начинает нервничать.

Конечно, часть ждёт прихода красных, но, есть и такие, что им придётся удирать с румынами.

15/2 – 43. Сегодня по старому стилю Сретенье. Народ пос[тоянно] говорит, что в этот день встречается зима с летом. Я был на базаре, когда небо вдруг заволочло тучей, солнце скрылось и посыпал, и закружил мелкий снежок. Это продолжалось всего несколько минут. Туча прошла, солнце ярко заблестело и вновь стало теплее. Действительно, как будто вышло, что зима встретилась с летом, но лишь на мгновение.

21/2. 1/4 10-ти вечера, воскресенье. Политические события, вот уже несколько дней, приняли крутой поворот, а благодаря этим событиям наши магазинные дела приняли катастрофический оборот.

На фронте, вот уже два месяца, красные, собрав огромные силы, пошли в наступление и без перерыва, волна за волной, день и ночь со страшной стихийной силой нажимают на немцев, которые за последнее короткое время, а в особенности за эти несколько дней потеряли огромное пространство, отступив почти по всему фронту, а особенно на Украине, сдав Сталинград и ряд других городов вплоть до Харькова. Сегодня же Павлоград и другие города. Болтают, что Румыны в Сталингр[аде] изменили и три дивизии сдались, обнажив на широком фронте брешь, куда хлынули сов[етские] войска.

В Германии объявлена тотальная война. У нас же, в Одессе, началась паника и население бросилось раскупать продукты, крестьяне же прекратили подвоз. Таким образом, создался продовольственный кризис и базар пуст. Цены на всё возросли невероятные. Наш магазин за два дня опустел и мы остались без товара, только с кучей бумажек, на которые нельзя ничего купить. Что будет дальше – посмотрим. У меня настроение подавленное.

7/3 – 43. 7 ч. вечера. Железная печка горит, а чайник не переставая заурывно на разные голоса поёт ему одному понятную песню. Тося пошла на Преображенскую в церковь и до сих пор не вернулась, что-то уж долго замолчала, а на дворе уже темно. Вчера случайно забрела в магазин гадалка и тут же в магазине пристроилась, нашедши клиента и начала ему гадать. Конечно, Тося не утерпела и сама присела к столу. Во-первых, гадалка сказала, что предстоят неприятности из-за каких-то денег, но это скоро пройдёт, затем встретим, не то приедут, двое близких, а потом, не скоро, мы будем среди своих.

Пока что первое предсказание вчера исполнилось. Какой-то рум[ынский] солдат надул нас, продав нам 2 литра спирту за 100 марок, а в нем оказалась вода. Такого простофили, как я, другого не сыщешь, тем более, что меня надувают уже третий раз!

Я окончательно разленился писать. Одно время как-то вошло в привычку и я ежедневно писал, но усталость и неохота взяли верх над привычкой.

12/3. О чём писать? Разве о той мерзости, которая происходит на этой несчастной земле, пропитанной насквозь кровью, потом, преступлениями, ложью и всеми человеческими страданиями. Надо иметь хоть небольшой талант, чтобы всё виденное описать, но я лишён всего, природа ничего мне не дала, а только одни отрицательные качества, с которыми я не в состоянии бороться. Противно жить, тяжело жить, хочется поскорей уйти и прератится в пыль, чтобы не страдать. Боже мой! Когда всё это кончится.

28-го июня 1943 г. Три месяца я не заглядывал в свой дневник. Давно меня тянуло заглянуть и продолжить писать свои убогие мысли и впечатления. Март и июнь. За это время целый ряд цветов и деревьев отцвели, уже созрели фрукты, давно начался купальный сезон, публика массами жарится на солнце, а я, как прикованный каторжанин – к тачке, так и я – к магазину с 5-и утра и до позднего вечера торчу в магазине и не вижу ни света Божьего, ни чудесной природы.

Правда, я сам виноват, так себя сам запряг и ташу, ташу её без отдыха и радости. Но почему я за три месяца даже ни разу не заглянул в свой дневник. Самое главное – нет воли (да её и никогда не было) к системе, всё делается порывами, из-за лени и усталости. Не создан я для письма, убогая мысль, бесталанность, мизерная жизнь с её ничтожными хлопотами, затруднениями и недовольством самим собою, отбивают всякую охоту, к чему бы то ни

было. Что я за человек? Полное ничтожество. Такому, как я, лучше не жить, когда не находишь в процессе жизни ни крупицы интереса и цели.

Суббота. 25/12 – 1943. Рождество. 6 ч. вечера. Сегодня первый день Рождества. В комнате и вообще вокруг нас – гробовая тишина. На дворе мрак, туман, слякоть, т.к. выпавший, на днях, первый снег растаял и улицы превратились в сплошные лужи. Предпраздничная лихорадка, слава Богу, прошла, и я имею возможность хоть один день быть свободным и с самим с собой. Третье Рождество в войне. Положение такое же неопределённое, каким было и в прошлое Рожд[ество]. Разница только в том, что Герм[анские] войска в [19]42 г. были у Царицына, а сейчас немцы откатились за Днепр. Красная армия снова заняла Киев, Харьков, подходят к Елисаветграду. Крым отрезан, бои идут у Житомира, Двинска. Словом, немцы всё время отступают, а где-то в книге сказано, что остановка немцев для них смерти подобна. На Западе тоже неудачи. Африка оставлена, южная часть с Неаполем в руках Англичан. Италия частью [неразборчиво – С.О.].

Все воюющие стороны уверены в победе, конечно, кричат потому, чтобы подбодрить свой народ и легче погнать на фронт, умирать за их прикрашенные идеи. Словом, все ещё очень сильны, все имеют неисчерпаемый запас дураков, военного материала и времени, а потому, война может продлиться ещё два Рождества.

А мы с Тосей одиноки. Я пишу эти строки, а она читает «Новое слово», статью «Одесса и одесситы», где корреспондент описывает жизнь и обилие всего у нас. И действительно такого благополучия, пожалуй, во всей Европе нет. Всё есть. В нашем, напр[имер], магазине полное изобилие. Литров 400 вина, водка, ликёр, колбасы – всего полно. Базары полны белым прекрасным хлебом и всё-таки, не смотря на такое изобилие, очень многие не дождутся красных, не понимая того, что на следующий же день не достанешь куска хлеба.

26/12. 2-ой день Рождества. 6 ч. вечера. Я одинок в комнате. Тося ушла в церковь. Сегодня решил магазин не открывать, для кого работать? Притом погода отвратительная, дождь, слякоть и туман, настроение, как всегда, отвратительное – неудовлетворённость, неуверенность, т.к. на каждом шагу тебя подстерегает неприятность.

Конечно, в моём настроении играет, огромное значение моя старость. Эти годы всё не по тебе, отсюда и является раздражительность и недовольство всем. Апатия решительно ко всему, это видно по моему дневнику, что я почти год не заглядывал в него. Мне было не до дневника, я весь с головой вошёл в работу магазина. С раннего утра до позднего вечера, почти не отрываясь, я сию, т.е. работаю, а вечером усталый и как всегда неудовлетворённый сейчас же ложусь в постель и уже конечно мне не до дневника.

Итак, двухдневный праздник Рождества окончен, завтра впрягайся в ярмо и дальше тяни судьбу своего существования.

27/12. Снова дождь, грязь и туман. Я снова впрягся в своё торговое ярмо и торчу с утра до вечера в магазине. Два-три часа вечера молниеносно пробегают, и я отправляюсь на ночёвку в магазин. За этот месяц мы получили 900 марок прибыли, это не плохо, но эта куча денег меня не радует. По характеру я не жадный и деньги в моей жизни не играли никакой роли, и я не стремился их иметь. Казалось бы, что всё обстоит у меня благополучно, но червь сомнения не даёт мне полного спокойствия. Хотя бы только один из наших сыновей приехал к нам, и то было бы хорошо, а так одиноки мы и не нужны никому.

1944 год

1-го января, суббота, 8 ч. веч. Начался новый [19]44 год. Прежде чем написать эти строки я полубопытствовал прочесть запись этого дня прошлого года. Я угадал, что 3-му году не под силу будет разрешить мировой спор, и [19]43 год передал полностью все военные и политические споры своему преемнику [19]44 году.

Но вряд ли и этому году удастся разрешить проблему войны. Все воюющие стороны ещё очень сильны, резервы колоссальные и возможности ещё не исчерпались, убыль как человеческими, так материальными ресурсами беспрерывно и полностью пополняется, дисциплина у всех крепка и немудрено, т.к. у каждого сзади торчит дуло револьвера и поневоле будешь героически бороться. Если сравнивать прошлый фронт с настоящим, то, как будто бы он говорит не в пользу немцев. За этот год они здорово отступили. Сейчас фронт находится: Витебск, Житомир, Коростень, Кировоград. Но, несмотря на эти кажущиеся успехи герм[анская] арм[ия] нигде не разгромлена, о её поражении и говорить не приходится. Мне кажется, что война окончится не разгромом какой-либо вражеской стороны, а каким-нибудь другим политическим фортелем.

Впрочем, поживем, увидим.

Вчера вечером пошёл в маг[азин] спать в 9 ч. Дремал под радиомызыку. Играли чудесные вальсы, пели, было, что послушать.

Ровно в 12 ч. раздалось резких 12 ударов колокола. Диктор поздравил с Новым годом, причём заметил, что в этом году все мужчины будут на год старше, а все женщины на год моложе. Началась невероятная пальба: стреляли из один[очных] ружей, пулемётов и даже пушек. Этот адский концерт продолжался больше $\frac{1}{2}$ часа. Временами казалось, что фронт на всех улицах и идёт ожесточённое наступление. В магазине я лежал до 8 ч., потом перекочевал в комнату и встал лишь в 12 ч. утра, и затем весь день прошёл в кровати. Старость даёт себя чувствовать, всегда такое желание лежать в кровати без конца. Как же наши дорогие ребята встретили Новый год и при каких обстоятельствах, узнаем ли

мы когда-либо об этом. Живы ли они? Кажется, Веня предсказывал нашу встречу в [19]43 году, но вряд ли и в [19]44 г. увидимся. Дела наши в магазине идут хорошо. Налич[ных] денег есть $9\frac{1}{2}$ т[ысячи], переучёта не делали, но товара есть, я думаю, тысяч на 8. Долгов никаких, налоги уплачены. Жалования за декабрь получил 1000 мар[ок], но при всём том, нет никакого желания работать. Деньги для меня не имеют никакого значения, я совершенно равнодушен к ним, это впрочем, вероятно потому, что они у меня постоянно на руках.

Новый год встречал с Тосей, считая вырубку за день – 4000, что потребовало $\frac{1}{2}$ часа. Вот уж действительно привалило счастье под старость. Каков же конец этого года будет. Долго придётся ждать. От нечего делать, начал просматривать свой дневник с начала [19]43 года.

Оказывается, что весь январь и начало февр[аля] я добросовестно, почти каждый день, писал, но потом вдруг оборвалась запись на III мес[яце], почти вплоть до Рождества. Я и сам не пойму, от чего это случилось. Самооправдание здесь бессмысленно, просто лень оказалась сильнее меня. А все же, интересно было бы перечесать, каково я прожил и в каком настроении всё лето и осень. Постараюсь в этом году быть аккуратнее, и не давать старости осилить меня и окончательно ввергнуть меня в медвежью спячку. В моей записи от 7/1 записано, что мы торговали 600 м[арок]. Жаль, что не зафиксированы цены на продукты. Сейчас мы торгуем от 1500 до 2 и выше, а цены сейчас следующие: кор[овье] масло 55-60 м[арок], постн[ое] – 30, твор[ог] – 12-15, колб[аса] чайн[ая] – 22.50, кр[овяная] – 35, грудинка – 60, карт[офель] – 16-18 пуд, гречн[евая] – 12.50, соль – 10-12, пшен[ичная] – 4.5-5, кукур[узная] – 2.50, хлеб яч[менный] – 3.50, пш[еничный] – 7, бел[ый] – 10, пирож[ки] – 2.50, сахар – 35, сода – 2.50, водка – 22-25, пиво – 4.50, капуста – 5-6, бурак – 4-5, лук – 3-4, мыло – 5.50-6, туал[етное] – 9, вино – 7 м[арок] литр.

Уже пробило ровно 10 ч. вечера. Тося похрапывает, она бедняжка здорово простудилась и недомогает. Вообще, очень слаба здоровьем. Крутом гробовая тишина. На дворе слегка морозно и всюду белеет снег. Вся зима ещё впереди, поэтому нужно запастись большим терпением и пережить, не теряя бодрости. Ведь были у нас тяжёлые моменты в жизни, даже если перечесать запись прошлого года эти дни, то тогда действительно положение было серьёзным, и, однако, всё уладилось, и сегодняшнее положение несравненно лучше прошлогоднего. Это сравнение к лучшему, не только у меня, но если взять в целом весь город. Даже и сравнить нельзя. На базарах всего полно. Белым хлебом завален весь базар, а это главный признак благополучия. Улицы полны народом, уже прошли времена, когда звук одиночных шагов звонко раздавался по всей улице. Масса магазинов полны товаром. Сейчас, правда, движение значительно усилилось т.к. приблизился фронт. Тысячи грузовиков

наполняют все улицы и перейти на другую сторону нужно зорко смотреть. Масса немцев, буквально на всех улицах. Многие большие дома они ремонтируют для себя. Трамвай идёт слабо, т.к. нет топлива. Несмотря на близость фронта паники нет. Не так как было в прошлом году. Очень много эвакуированных жителей из Херсона, Кубани, Кавк[аза] и других городов. Словом, жизнь бьёт полным ключом. Кажется, недели 3-4 назад красные сделали налёт на пристань. Сбросили бомбы и улетели. Точных сведений нет, но были жертвы.

Пробило $\frac{1}{2}$ 11-го, нужно идти в маг[азин] спать.

2-го января. Пробило ровно семь. Трудовой, полный заботы, день закончен. Выручка подсчитана (2500), ужин съеден, а затем чай и делу конец. Как и всегда, в таких случаях у меня бывает – потянуло к постели, но я себя пересилил и взялся за дневник. День сегодня прекрасный, довольно тепло, я никуда не ходил, почти до часу был дома, только изредка заглядывал в магазин, а с часу до вечера, как всегда, вертелся в магазине. Сейчас Тося сидит и читает Шелгунова. Я совершенно потерял всякий вкус к чтению, я всё оправдываю себя тем, что я устал, что в комнате холодно (10 град), что нет настроения. Думаю, что я просто постарел и здорово обленился, зато Тося сидит и целыми днями читает.

Праздники окончательно прошли, никто у нас не был и мы ни у кого, да и не к кому.

За всю нашу жизнь, едва ли десяток знакомых у нас наберётся, с некоторыми можно было бы разумно провести время.

10-го января 1943 г. Все праздники прошли, и опять потекла будничная, нудная и полная всяких переживаний жизнь. Но после праздничная жизнь принимает постепенно прямо-таки угрожающий характер. Фронт приближается с каждым днём. Сегодня узнали по радио Очаков, Елисаветград взят советами, что красные подошли к польской границе, я думаю, что на этих днях у нас возникнет в городе паника и она будет внезапной. Сегодня уже 3 или 4 раза пролетали совет[ские] разведчики, это предвестники прилёта бомбардировщиков. Жуть берет, когда вспоминаешь прошлые бомбардировки, и нам предстоит пережить такие же ужасы.

Избавь Бог и помилуй. Боюсь красной расправы, где пострадают, главным образом, невинные. Что-то будет...

Погода стоит переменчивая, на днях выпал первый снег, началась снова оттепель.

11/1 – 44. Сегодня были красные визитёры. Первые два визита были достаточно скромными, т.к. невинно пролетели над портом, хотя их весьма неучтиво встретили зенитки, но в 3-й раз прилетели с подарком, какой-то сбросили в порт, но к счастью попали в воду. Во второй раз их прилёта я был на бульваре и видел 7 сов[етских] самолётов, они плавно неслись в

облаках, а разрывы снарядов разрывались вокруг них. Мне вспомнилось, как два года тому назад был такой же оглушительный концерт, как сегодня. Нечего сказать, приятные воспоминания. Думаю, что ввиду их сегодняшней неудачи, визитёры могут появиться завтра и исправить свою ошибку.

Сегодня морозно, холодный ветер.

12/1 – 44. Мои предположения вполне оправдались, что крас[ые] лётчики снова явятся. Сегодня была 4 раза тревога и, наконец, в 4-й раз они сбросили бомбу недалеко от Греч[еского] моста, говорят, что метили в гор[одской] совет, несколько бомб бросили в порт...

А вот снова разразилась целая канонада, сейчас 8^{1/2} ч. вечера, свет потух, через окно видны сильные взрывы, пулемётный огонь не умолкает, небо усеяно цветн[ыми] ракетами, только сейчас начинают тревогу, когда уже всё стихло. Нервная дрожь по всему телу проходит, негде спрятаться от этого ужаса, сирены всё воют, но какой толк от них, куда уйдёшь? Кончилось наше двухлетнее спокойствие, теперь настанут дни страсти для нас. Сегодня там, где сброшены бомбы, царит ужас и стон несчастных искалеченных людей, а это лишь только начало.

16/1 – 44 г. 8^{1/2} ч. вечера. Воскресенье. Сегодня холодно. Порошило. Торговля идёт прекрасно, уже не знаю, куда девать деньги, т.к. нечего купить. Да, наконец, все эти сотни марок выеденного яйца не стоят, т.к. золотая десятка стоит 2500 мар[ок]. Третьего дня были похороны сбитого лётчика, советск[ого] капитана. Хоронили с большой помпой, почётн[ым] караулом и священниками. В газете по этому поводу пишется дословно следующее: [см. текст илл.].

21 февраля 44. Сегодня день рождения Вени.

Тося по этому поводу испекла сдоб[ное] тесто, была Анж. Ив. [?] с ребятами, пили чай с вареньем, немного поболтали, вспомнили всех ребят и на этом закончился день. Вот уже несколько дней холодно, выпал снег и лишь теперь началась настоящая зима, а то, до сих пор, всё время было тепло.

Четверг. 23 марта 1944. Вот уже несколько дней прошло, как я буквально ошеломлён налетевшими внезапно событиями, и окончательно сбили меня с толку.

Начались тревожные слухи об эвакуации некоторых немцев ещё на прошлой неделе, а потом вдруг, внезапно, как буря, разразилась паника среди населения, и все бросились закупать и запасаться. Цены росли буквально по часам: с двадцати м[арок] за пуд картошки выросли до 150 м[арок], коровье молоко – с 45 до 300, сало – с 65 до 200 и т.д., кило[грамм] хлеба – 30 м[арок]. Наш товар тоже начали расхватывать. Видя такое положение мы закрыли маг[азин] в воскресенье совсем. Водку и другие продукты разделили на три части и каждый унёс свой пай. Сегодня оказалось, что А. Ив. [?], эта хитрая bestия, ни словом не обмолвившись, удрала со своим мужем.

Итак, уже 4-ый день, как наш маг[азин] пуст и закрыт и, вероятно, больше не возродится. Дело в том, что красные войска молниеносно продвигаются вперёд. Уже занята Жмеринка, вступили в Бесарабию и отрезали путь на Тернополь. Один выход остался – на Тирасполь – Румынию. Если красные займут Кишинёв, тогда окончательно мы будем окружены и многим, которым нужно удрать, окажутся в ловушке.

Положение до ужаса безвыходное. Германия окончательно проиграла войну, это видно из всего. Красные войска неудержимо прут вперёд без останковки. Целые города Германии буквально сметаются с лица земли, положение безнадежное, но главный вопрос для нас радоваться ли приходу наших, т.к. такие ужасы рассказывают при занятии ими городов.

Пятн. 24/3. Был на базаре. Цены несколько упали, привоз приличный, но горячка не унялась. Тысячи уезжающих, но не поздно ли будет. Говорят, что кр[асные] войска идут перерезать линию отступления на Яссы. Если это им удастся, вся Бесарабия и мы будем в руках красн[ых]. Кто знает, может с приходом большевиков и наши четверо сыновей придут.

Дай-то Бог! У нас во дворе беженцы продали мне галеты 150 пак[етов] и дрова. Купил, т.к. всё равно с деньгами делать нечего. Беженцы утверждают, что немцы всех выгоняют из города, а кто остаётся, просто расстреливают. Просто не верится этим слухам, но говорят – факт.

Тося с утра в церкви, уже ровно 12 ч. дня. Вот замолилась.

6½ ч. вечера. Я сижу в комнате один. Тося снова пошла в церковь. Я понимаю её настроение, ибо только в церкви сейчас можно найти успокоение.

Только в церкви отдавшись лицемерию икон, церковной службы, пению хора и молитв можно хоть на время забыть всю нашу ужасающую житейскую суету и грядущие неизбежные несчастья. Здесь не видишь и не слышишь сотен гудящих нем[ецких] машин, разговоров, всевозможных слухов и нервного настроения всего города. Здесь отдыхаешь и душой и телом. Душа и ум тянется в безграничные пространства, ища забвения от ежеминутных переживаний. Как странно, всё-таки, создан человек. Он цепляется за эту жизнь полную страданий, он дрожит, он дрожит, он совершенно не хочет отдать себе отчёта в том, что он лишь временный гость на этой пропитанной кровью и слезами земле. Ведь всё равно исчезновение его неизбежно, гибель его predetermined, человек каждую почти минуту видит подтверждение своего земного конца и все же он питает дикую иллюзию спасти себя. Правда, он хочет умереть тихо и спокойно на собственной постели, и, пожалуй, без мучений, но мы живём в такое время, когда на это нужно меньше всего надеяться.

Фронт приближается. Занята Жмеринка. С другой стороны приблизились к Днестру и могут отрезать Бессарабию, и мы очутимся в мешке. Я не допускаю, что населению предложат эвакуироваться, т.к. некуда уйти. С одной стороны море, с другой неприятельский фронт. Вероятнее всего, будем вариться в собственном соку, пока в каком-нибудь соусе не сваримся.

Суббота 25/3, пять часов. Только что перестал идти снег. Такого густого снега с большими хлопьями я ещё не видел. Но, все же, несмотря на густоту – на земле одна грязь. Выглянуло солнышко. Настроение отвратительное. Каждый день встаю в 11-12 ч. дня. Голова полна глупейших мыслей. Полный паралич воли, стремление к чему-либо и вообще к полезной деятельности. У меня отвратительный характер, малейшая неудача и я падаю духом, буквально теряюсь. Что делать. Надо открыть магазин и нет никакого желания. Да и собственно нечем торговать. Попытаюсь открыть в понедельник. Многие уезжают, Одесса снова пустеет, как в еврейский погром. Почти все магазины закрыты. На рынке снова цены поднялись. Что-то будет.

Воск. 26/3 – 44 г. Пробило 10¹/₂ ч. утра. Только что встал. Тося ушла по обыкновению в церковь. Солнце то выльнет на минуту, то спрячется, прохладно. Во дворе грузятся на грузовик беженцы из Севастополя. Они уже четвёртый раз эвакуируются. Я у них купил сухарей 150 п[ачек] за 600 м[арок], дров на 250 м[арок], не знаю только, пойдёт ли это всё впрок. Вообще у меня в квартире целый магазин: водки бутылок 70, вино, ликёр, коньяк, пуда 3 муки, мыла, сахару – всего вдоволь. Только бы всё сохранить, а то, в случае прихода большевиков, пойдут добрые соседи доносить и тогда всё прахом пойдёт, да ещё и влетит.

5 часов вечера. Сажу при лампе, пью чай и пишу эти строки. Ходил в город. Одесса снова умерла, как было при первом приходе румын, с той только разницей, что сейчас немцы, а румын очень мало, все эвакуируются.

Улицы пусты, народу не видно, только одни нем[ецкие] грузовики, полные разн[ым] хламом, и то сегодня их значительно меньше, чем третьего дня. Все магазины закрыты, да и чем торговать. Одни только кофейни и кондитерские открыты, и торгуют пирожными 5 м[арок] за штуку.

Наши беженцы, которые уехали сегодня утром, вернулись обратно. Говорят, что уедут завтра. Кто их знает... Снова настали тяжёлые дни неведомых ожиданий. Говорят, что в порту уже закладывают мины, чтобы при отступлении всё взорвать. Беженцы утверждают, что немцы при отходе выгонят всё население из города. Приятная перспектива в недалёком будущем. Судьба нам готовит второй еврейский исход.

8 ч. вечера. Всё время сижу дома и понемногу читаю. Нет у меня усидчивости к чтению, как у Серёженьки, он был способен часами сидеть, не двигаясь, а я не могу, да и остальные ребята не любили читать, в особенности Володя. Читаю Геккеля «Мировые загадки». Книга тяжеловатая для чтения, но интересна. Меня поразил тот факт, что многие известные философы, как напр[имер]: Вундт, Кант, Вирхов и мн[огие] др[угие] в молодости утверждали одно, а в зрелом возрасте, после долгого опыта и благодаря созревшему пониманию, они убеждались в своих заблуждениях. При таких обстоятельствах, читая все эти философские рассуждения о мироздании, о происхождении человека, его мысли, речи и вообще о вселенной, как-то критически относишься. В то же время, каждый из этих больших учёных непременно опровергает учение предшественника и предлагает своё миропонимание, как самое точное и неопровержимое.

Вижу, что в этом деле человек должен, конечно, познакомиться с другими мнениями, но все же должен остаться со своими чувствами, диктуемыми ему его собственной совестью и душой.

Сегодня день прошёл благополучно. Что ждёт нас завтра? Хотелось бы, чтобы этот гнойный военный нарыв скорее прорвался либо в одну, либо в другую сторону и не терзал наши нервы.

Ведь до чего мы докатились. Когда многие русские люди при приближении русской армии – удирают без оглядки. Разве это не позор? Казалось бы, нужно радоваться успеху русского оружия и объединению всей Русской земли, а тут выходит наоборот. Правда, что ежедневно газеты пишут о зверствах большевиков. О том, что оставшееся население почти буквально уничтожается, т.е. от 15 до 60 отправляют на фронт, часть гонят на очистку минных полей, остальных ссылают в Сибирь, как опасный элемент и не допускают общения с красноармейцами. Правда это или небылица? Кто знает. Были такие, что подтверждали это, но были, что и отрицали. Недалёкое будущее выяснит всю правду и ложь.

Самое приятное это сон, когда ложишься в постель и забываешь все невзгоды, виденные и слышанные за весь день. Но самое ужасное – утро. Я просыпаюсь в 5 ч. и уже не могу спать, и тогда в мозгу сверлит одна и та же мысль, что сегодня будет. Как пройдет день, что он несёт с собою.

8½ ч. вечера. 27/3-44. После недельного перерыва сегодня открыл магазин. Публика, конечно, валила в поисках продуктов, но у нас кроме оставшихся огурцов по 20 м[арок] кило[грамм], томата, да купленной мною на базаре колбасы ничего не было. Позже принесли пирожных 80 шт. по цене 5 м[арок], которые моментально расхватили. Торговали 1½ т[ысячи] м[арок], но что я куплю за них завтра, ума не приложу. В три часа пошёл в город. Эвакуация идёт полным ходом. Все центральные улицы запружены грузовиками, повозками, лошадьми, коровами и проч[им]. Обозы тянутся без конца. Публики совершенно не видно, только молоденькие этуали, об руку с немцами, весело смеются и гуляют. Счастливая молодость. Буквально все магазины закрыты. Всюду пусто и грустно. В храмах полно молящихся. Некоторые священники рискуют остаться. Завтра выходит газета. Должны быть сногсшибательные новости.

Вторник 28/3 – 44. 10 ч. утра. Сегодня отвратительная погода, мороз, ураганный ветер. Был на базаре. Сегодня хоть шаром покати. Вчера был белый хлеб, булочки, бублики, но сегодня ровно ничего. Тысячи людей рыскают с пустыми корзинами и если попадается где-то, что-либо, собирается толпа и, буквально, друг у друга вырывают. Сидят одни торговки с зеленью. Картофель 10 м[арок] кило[грамм]. Продают из-под полы, прячутся во избежание скандала и драки, а ввиду такого положения она может легко вспыхнуть. Конечно, магазин я не открываю. Сегодня нам принесли 1 к[илограмм] бел[ого] хлеба и этим заговеемся. Со вчерашнего дня мы перешли на картошку и сухари. Два года мы плавали, как сыр в масле, попиروвали, спасибо и на этом. А жизнь была царская, чего только не было.

5 ч. вечера. Только что пришли с именин от Шуры Смотр.[?]. Занёс ему бутылку водки и 1 л[итр] вина. Угостили нас на славу, все были свои. Кто знает, может быть, в последний раз собрались вместе попить, т.к. каждый день может принести большие неожиданности. Болтали обо всём, ругали немцев и желали им полного поражения.

Но мне больше всего странно то обстоятельство, что два патриота по разному понимают патриотизм. Один патриот ненавидит большевистскую власть за её тиранию, несправедливость, разрушение церквей и религии, за поругание семейного очага, за 25-ти летний обман русского народа, за всю ту ложь и жестокость, какую они проявили за всё время владычества, за расстрелы совершенно невинных людей, за миллионы безвинно погибших в Сибири,

на дальнем севере, в тайге и поэтому желает полного поражения большевизму, несмотря на все зверства немцев над русскими пленными и народом.

Другие, в порыве патриотизма всё забыли, все трудности 25-ти летней жизни и жаждут полного поражения немцам. Но трагичнее всего то обстоятельство, что мы, русские, должны радоваться успеху русского оружия, восстановления во всём объёме России, все же есть большое число русских людей, которые со страхом ждут прихода своих братьев, а многие просто удирают. Конечно, мы никуда не бежим, а наоборот, ждём прихода своих сыновей и, авось, хоть один из четырёх вдруг появится. А как бы хотелось видеть всех четырёх здоровыми и невредимыми. Погода ужасающая. Море всё покрыто белыми барашками. Немцы целыми потоками идут из Николаева, т.к. город оставлен.

Среда 29-го. Теперь, когда человек ложится спать, он не знает, что его ждёт завтра. Я ещё был в постели, когда дворник нам сказал, что немцы хотят взять наш магазин под склад. Пришлось вставать и немедленно ликвидировать все небольшие остатки товара, а всё остальное убрать. Часа два поторговали, а затем кое-какие остатки забрали, посуду снесли в сарай и сдали магазин немцам.

Так закончилась наша коммерция, просуществовав два года и 2 мес[яца]. Всему бывает конец и в данный момент тоже. Почти до 4-х часов возились с уборкой. Разного хлама за два года накопилось столько, что едва убрались. Скоро приехал грузовик и начали разгружать разные тюки. Странные эти немцы, они всё с собой возят. Чего только у них нет: стулья, бумага, доски, кровати, перины и чего, чего только у них нет. Но боюсь, что недолго они будут у нас, очень скоро придётся им подмазывать пятки.

Четверг 30/3 – 44. 9 ч. вечера. В комнате полная тишина. Тося читает молитвенник, т.к. готовится говеть, а я от скуки заношу эти строки. Собственно, для хоть немного одарённого человека переживающего настоящее, можно было бы исписать целые тома, столько есть материала, но моя тупая голова не в состоянии всё виденное описать, да и разобрать невозможно, что делается. Не могу понять, или для Германии наступила последняя катастрофа и вся армия на востоке приняла катастрофический характер, или это стратегия отступать до определённого места.

Меня удивляет, что немцы совершенно спокойны, как будто ничего не случилось, а между тем, мне кажется, катастрофа неуклонно надвигается. В газете коммерсантам предлагается заводить новые книги и брать патент. Ничего не разберёшь.

31/3. Вчера у Серёжи был день рождения, а сегодня именины. Где-то он находится в настоящее время? Жив и цел ли он? Как внуки, увидим ли мы их? Недавно Ан. Ив.[?] гадала, что приедут к нам с дороги близкие муж и

жена, и даже две пары. Что-то уж слишком фантастично, плохо верится, что в такое страшное и трудное время можно было бы приехать.

Суббота 1-го апреля 1944 г. 8 ч. веч. Пишу под звуки радиоточки и под шум дождя. Только что передали, что 4-го Апр[еля] объявляется перерегистрация лошадей и перевозочных средств. Мне кажется, что это верная подготовка к эвакуации жителей Одессы. Фронт ежедневно приближается. Уже в сводке фигурируют Яссы и Кишинев, с другой стороны Балта и Первомайск. Немцы спешно уезжают, теперь, очевидно, очередь за населением. Положение самое напряжённое. Ходил на толчок кое-что купить, но там только одни покупатели, марки совершенно не идут, окончательно потеряли свою стоимость.

10 ч. вечера. Продолжаю слушать радио из Бухареста. Спать не хочется, мысли плывут, ни на чём не останавливаясь.

Что же дальше будет, а всё льёт и льёт. Крыша дырявая и вода льётся на лестницу. Вот она цивилизация и XX век.

Воскресенье 2/4 – 44. Ровно 11. Передача Богослужения. На дворе пасмурная погода. Ночью и утром лил дождь. Встал в 9 ч. утра. Доедаем остатки колбасы и чёрствый 5-ти дн[евный] хлеб. Когда бы и этого хватило подольше. А настроение по погоде, самое убийственное. Во дворе у нас весь день суетятся немцы. Чёрт их знает, что они себе думают. Привели с десяток лошадей в конюшню. Во дворе целый день рубят дрова и все варят без конца. Немцы даже завели себе курей, точно они окончательно остаются здесь, а некоторые из них говорят, что если они эвакуируются, то снова сюда придут и будут гнать большев[ов], как в [19]41 г.

2 ч. дня. Я всё время маюсь по комнате и не знаю, что делать. Кончил книжку «Всё ли целесообразно в природе». Антирелигиозное издание. Проф[ессор] Гремяцкий силится доказать, что никакого Бога нет и жизнь появилась случайно.

Понедельник 3/4 – 44. 11 ч. вечера. Со вчерашнего дня, с 4-х ч. п[о] п[олудни] шёл сильный снег, вплоть до 5 ч. вечера. Сегодня настоящая, снежная буря при обильном снеге. Отвратительная погода, холодно, как в декабре. Я сегодня сидел целый день дома, неохота и носа показывать на улицу, а тут ещё болтают, что ловят людей и посылают рыть окопы на Лузановку. Тогда уж лучше сидеть дома. Сосед тоже принёс приятное сообщение, что ночью будут взрывать мосты и портовые сооружения. Словом, час от часу не легче. Как бы ещё не взорвали наш дом, да не погнали из города, тогда был нам «капут», как выражаются немцы. Словом, наступают для нас настоящие страстные дни. Многие больше боятся прихода русских, чем ухода немцев. В городе орудуют бандиты, а если немцы уйдут, могут возникнуть грабежи, т.к. всю тюрьму распустили.

Вторник 4/4. 10 ч. веч. Зима продолжается. До полудня снова намело снегу. Толстым слоем покрыто всё: крыши, бочки с бензином, стоящие во дворе, походная кухня, автомобили и ветви деревьев.

Думал пойти в город, но говорят облава. Не хочется рисковать собой, а то, не посмотрят на возраст, а потом пойдешь, доказывая, что ты не верблюд.

Целый день шагаю по комнате, бесцельно смотрю в окно на безрадостную картину нашего отвратительного двора, где видишь высокие голые кирпичные стены, старые крыши домов, да суетящихся немцев в узком дворе. Большевики в 35 верстах от Одессы, когда бы скорей этот гнойный нарыв прорвался. Ан. Ив. [?]гадала. Всё выходит много приезжих людей к нам, чуть ли не три пары. Дай-то Бог поскорее. Получу также не очень радостное известие.

10 ч. утра 5/4 – 44. Чудесная солнечная погода. С крыш капает. Далеко где-то слышатся выстрелы. Встал 8^{1/2} ч., нарубил щепок, готовился пить чай. Немцы всё время тащат разн[ые] ящики с конф[етами], консервами, водкой. Вчера притащили целого телёнка, тушу мяса и проч[ее], словом у нас им живётся недурно, и в ус себе не дуют, что фронт всё ближе и ближе.

Я уже начал попрошайничать у немцев хлеб, но они не так щедры, один раз получил буханку чёрствого хлеба, спасибо и за это. Снилось, что я одевался в какое-то рубище и говорил, что это в последний раз. Только что передавали по точке сводку и уже упоминали одесское направление. Значит, наши идут из Николаева. Жуть берёт, право. Не дай Бог, если будут уличные бои, а в Тернополе они идут.

12 ч. дня. Солнце скрылось, небо заволоклось тучами и опять тоскливо сделалось на сердце. Я как узник, маюсь в комнате, нет мне покоя. Пошел бы куда-нибудь далеко, чтобы не видеть эту гнусную обстановку вокруг себя. Разве можно передать словами настроение. Хорошо, что Тося возле меня, по виду она спокойна, но и у нея на сердце кошки скребут. Только что прочёл речь Э. Ренана 7 авг[уста] 1883 г., при раздаче наград в лицее Людовика Великого. Какая прекрасная речь! Что за язык, что за удивительные слова. Между прочим, он говорит: «Вы увидите XX век, юные питомцы. Вот, признаюсь вам, ваша привилегия, которой я завидую, вы увидите непредвиденное. Вы услышите, что скажут о нас, вы узнаете, что было прочного и хрупкого в наших мечтах. Прошу тогда быть снисходительными... Я представляю себе, что тут, среди вас, сидит критик, который около 1910 г. или 1920 г. будет разбирать XIX век...» и т.д.

А сейчас 1944 год. Что бы Ренан сказал о нашем 20-м веке, если бы он воскрес и познакомился с нашим 20-м веком. Мне кажется, что он нам не позавидовал бы. Он поспешно ушёл бы в свой гроб и больше не рискнул выходить и любопытствовать. Нет такой фантазии, которая могла бы нарисовать... [фраза оборвана – С.О.].

10 ч. утра. 6/4 – 44. Слышны беспрестанно взрывы. Сейчас повторяется та же вакханалия, когда уходили большевики. Я только что вернулся с улицы, около кофейной фабрики целые толпы людей с мешками. Расхватывают сахар и кофе. Тащат на плечах в бум[ажных] мешках и румыны, и немцы, и наши боевые бабы. Точь-в-точь, как 2¹/₂ года тому назад. Но это только начало. Наш двор не отстаёт. Только что немцы вкатили бочку с водкой в 1000 литров. Говорят, что сегодня раздадут её. На улице целые вереницы гружёных румынских подвод. Во дворе походная кухня начала варить, очевидно, собираются в дорогу. Точка молчит. Погода улучшилась, тепло проглядывает солнышко. Хочется пойти в город и, признаться, боюсь. Вдруг возьмут на рыгье окопов.

5 часов. Огромные взрывы раздаются с небольшими паузами. Целые облака дыма видны со стороны вокзала. Говорят, взрывают трамвайное депо. Я вышел на улицу, группа военных немцев и румын открывала водопроводные люки, снова закрывали их и отмечали на доме красный крест. Такой крест стоит на нашем кварт[але] – угловом доме. Болтают, что эти намеченные дома будут взрывать. Кто их знает. Но всего удивительнее это люди, которые сгибаются под тяжестью ящиков, тащат, что попало. Прямо удивляешься людской жадности, когда чуть ли не на носу смерть витает. Буквально нет границ людской гнусности и алчности.

Теперь каждый день несёт с собою неожиданности. Во дворе возле походной кухни немец-повар спокойно чистит телячью голову и ноги. На улице, в наш бывший магазин, разгружают два колоссальных грузовика с хлебом и это всё при концерте оглушительных взрывов. Если мы уцелеем и, когда придут советы, работы для всех хватит на 20 лет. Если по Ренану судить, то мы бесконечно счастливые современники, а ему так хотелось ещё в XX веке и все наши достижения видеть. Я лично не повторю его глупости и совершенно не желаю видеть конец этого, во всех отношениях, гнусного века, с его достижениями в виде бомбовозов, танков и тому подобными прелестями. Довольно с меня и этого. Вижу, что человечество идёт к гибели, т.к. страсти разгораются и унять их некому.

Взрывы так сильны, что двери задрожали. Очевидно, недалеко. 7 час[ов] вечера. Наша точка играет под аккомпанемент непрекращающихся взрывов. Всё небо в чёрных тучах. Приказ ходить только до 7 ч. вечера. Всюду у ворот встревоженные жильцы стоят группой и обсуждают своё положение.

Тося сейчас на всякий случай приготавливает мешки и пакует сухари, сало, если нам вдруг прикажут выходить из города или взорвут дом. Сосед приготовил 40 л[итровую] бочку и наливает её водой, вообще он у нас запаслив. В комнате кричит коза, несколько курей, а всего и не перечеть, пойдёт ли всё это на пользу.

Что ж, живой человек думает о жизни.

8¹/₂ ч. Электричество потухло, значит, электростанцию взорвали. Пишу при лампе. Когда-то мы увидим его вновь. Взрывы продолжаются. Только что мы поужинали, я выпил 1¹/₂ стопки водки, а Тося взяла бутылку вина и мы её почти целиком распили. Голова кружится. Ели сало с хлебом и за это спасибо.

11 ч. утра. 7/4 – 44. По ст[арому] с[тилю] Благовещенье. Погода снова плохая, моросит. Грязь. До сего момента тихо. Изредка слышны взрывы. В 10 ч. утра я совершил героический поступок – «спикировал» 5 хлебов у немцев с заднего хода. Всё время пытался выпросить, но не удавалось. Правдой не проживёшь. Тося пошла в церковь. Снился мне Веня маленьким. Где-то он. Наверное, если жив, следит за продвижением Кр[асной] Ар[мии] к Одессе. Да и остальные трое. Ведь ещё одна Одесса осталась, как крупный центр, не взята. Но часы её уже сочтены.

12 ч. дня. Дождь льёт как из ведра. Тося ещё не пришла из церкви, а я ещё «спикировал» один хлеб. Это выражение я заимствовал у нашего пленного, очевидно, оно у них в обиходе. Слово довольно удачное. Читал Ренана «Первый диалог», вещь изумительная, но трудная, её нужно прочесть не один раз.

10¹/₂ ч. ночи. День закончился благополучно, но выстрелы или взрывы ещё не умолкают. В 5 ч. я вышел на улицу и встретил целую вереницу людей, тащивших всякий хлам: две женщины волокли по мостовой шкаф, другая стол, стулья, мужчина нёс покрышку от пишущей машины, куски жести, пустые ящики. Ну, словом, тащили, что только попадалось под руку. Даже рамы и двери.

Алчности людей нет границ. А в это время взрывы не умолкают. Улицы объаты дымом и гарью.

8 ч. утра. Пон[едельник]. 10-го апреля 1944. Пришли Советы. С сегодняшнего дня переворачивается новая страница нашей жизни, полная всяких неожиданностей.

Первые разговоры, которые я услышал, это были след[ующие]: «теперь пришла наша власть, я им покажу» и т.д. На улице я подошёл к кучке людей, обступивших сов[етского] офицера на лошади, который говорил: «Германия напала на нас из-за угла, мы не были готовы, а потому отступили» и т.д. В следующем от нас доме и втором вчера бросили две бомбы. Во втором, № 23, было несколько жертв, когда эти две бомбы были брошены, я в это время пил чай, а Тося сидела внизу у лестницы. Вчера мы были в смертельной опасности, т.к. спрятаться нам было некуда, все жильцы дома столпились у дверей и всё время глупо острили или сплетничали.

Когда я вчера в 5 ч. вечера написал эти строки, что я ухожу, вокруг нашего дома раздавались страшные взрывы бомб. От этого взрыва звенели стёкла в окнах, открывались двери и буквально весь дом вздрагивал, оказывается,

мы были в кольце взрывов, т.к. на углу Б[ольшой] Арнаутской также была брошена бомба. Говорят, что бомбили советские самолёты. Интересно было бы узнать, кто же собственно бомбил и с какой целью, т.к. в газетах всегда пишут, что уничтожены военные объекты, а на самом деле бомбят по преимуществу жилые дома.

Вчера мы пережили такой ужас, что трудно описать, я слышал вчера душераздирающие крики женского голоса, это вероятно из № 23. Буквально всё небо заволочло чёрными тучами от огромных пожаров. Взрывы не прекращались всю ночь. Напротив нашего дома, весь дом, все 4 этажа, пылали ужасающим огнём; буквально море пламени вырвалось из всех окон, миллионы искр кружились в безумном вихре, было видно как днём, весь квартал был освещён как днём, и, все же несмотря на это, лётчик бросил бомбы на два старые никудышные дома, искалечил и убил женщин и детей. Разве можно передать те жуткие моменты, когда вдруг все утихают и прислушиваются ко всё приближающемуся жуткому жужжанию самолёта и ждёшь каждый момент взрыва. Цивилизация 20-го века ничего лучшего не могла придумать, как бросать бомбы на головы мирных жителей только за то, что их правители преследуют какую-то цель, или никому не понятную идею, как с одной стороны, так и с другой стороны. Ну, а как же будут воевать в 21 веке, если цивилизация, и, несомненно, техника пойдёт ещё дальше. От газов благоразумно отказались обе враждующие стороны, т.к. это очень сильное средство, которое может настигнуть куда угодно спрятавшегося правителя и тогда ему будет «Капут».

Это для самих правителей не выгодно и по молчаливому соглашению не применяют его. Дело другое – бомбовоз. Он блестяще выполняет своё задание, сбросив пару десятков тонн на головы беззащитных граждан, живущих в своих квартирах, или в лучшем случае спрятавшихся в погребе или подвале, где их засыплет живьём сброшенная бомба. А господа правители понастроили себе комфортабельные бомбоубежища и строчат хвалебные гимны о мужественном населении, выдержавшем жестокую бомбардировку и предлагающих: и в следующие разы не терять мужества, и молча ожидать следующей бомбардировки. 67 лет живу на свете, из них читаю газеты 50 лет, в которых всегда пишут, что правители пекутся о счастье своих подданных или населения.

Странно, но обыватели, а в особенности в таком возрасте как я, чувствую, что с каждым новым правителем дела наши всё хуже и хуже. Сегодня, после двух дней пережитого, люди всё забыли. Солнце ярко и тепло греет, публика толпами беседует, радуется, угощает красноар[мейцев] целыми пачками папирос и кажется, совсем забыли ещё вчерашние ужасы. Сейчас 10 часов и гробовая тишина.

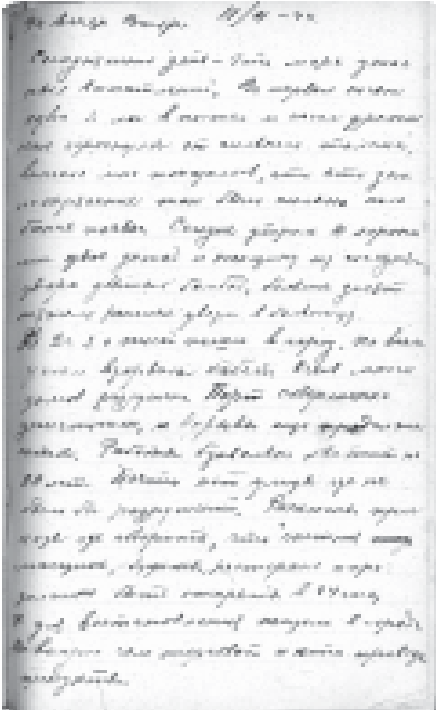
9 ч. вечера, вторник 11/4 – 44. Сегодняшний день – это море ужасных впечатлений. Во-первых, ночью, едва я лёг в постель и начал дремать, как проснулся от сильного толчка. Вначале мне показалось, что это землетрясение, так было сильно колебание почвы. Сегодня утром хоронили двоих детей и жен-

щину из соседнего двора, убитых бомбой, больше десяти тяжело раненых увезли в больницу.

В 2 ч. я с Тосей пошли в город. По всем углам – взорваны кабели. Очень много домов разрушено. Порт совершенно уничтожен и взрывы ещё продолжаются.

Работы буквально хватит на 20 лет. Почти нет улицы, где не было бы разрушений. Расклеены приказы, где говорится, что частные магазины, буфеты, рестораны и проч[ее] должны быть открыты в 24 часа, для восстановления жизни в городе. Но вопрос, чем торговать и кто привезёт продукты.

Конец V, последней тетради.

А.В. и А.С. Оржеховские.

1950